ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1988

КАЗИМИРАС ЖОРОМСКИС: ПРОСТРАНСТВО В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

КАК ЖИВЕШЬ, САХАЛИН?

ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ГЕРОИ И САМОЗВАНЦЫ

„БУРАН"— ВЗЛЕТ КОСМОНАВТИКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (3203)

10—17 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Старт универсальной ракетно-космической транспортной системы «Энергия» с кораблем многоразового использования «Буран».
Фото А. ПУШКАРЕВА и В. КУЗЬМИНА (ТАСС)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 21.11.88. Подписано к печати 06.12.88. А 10430. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3353.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

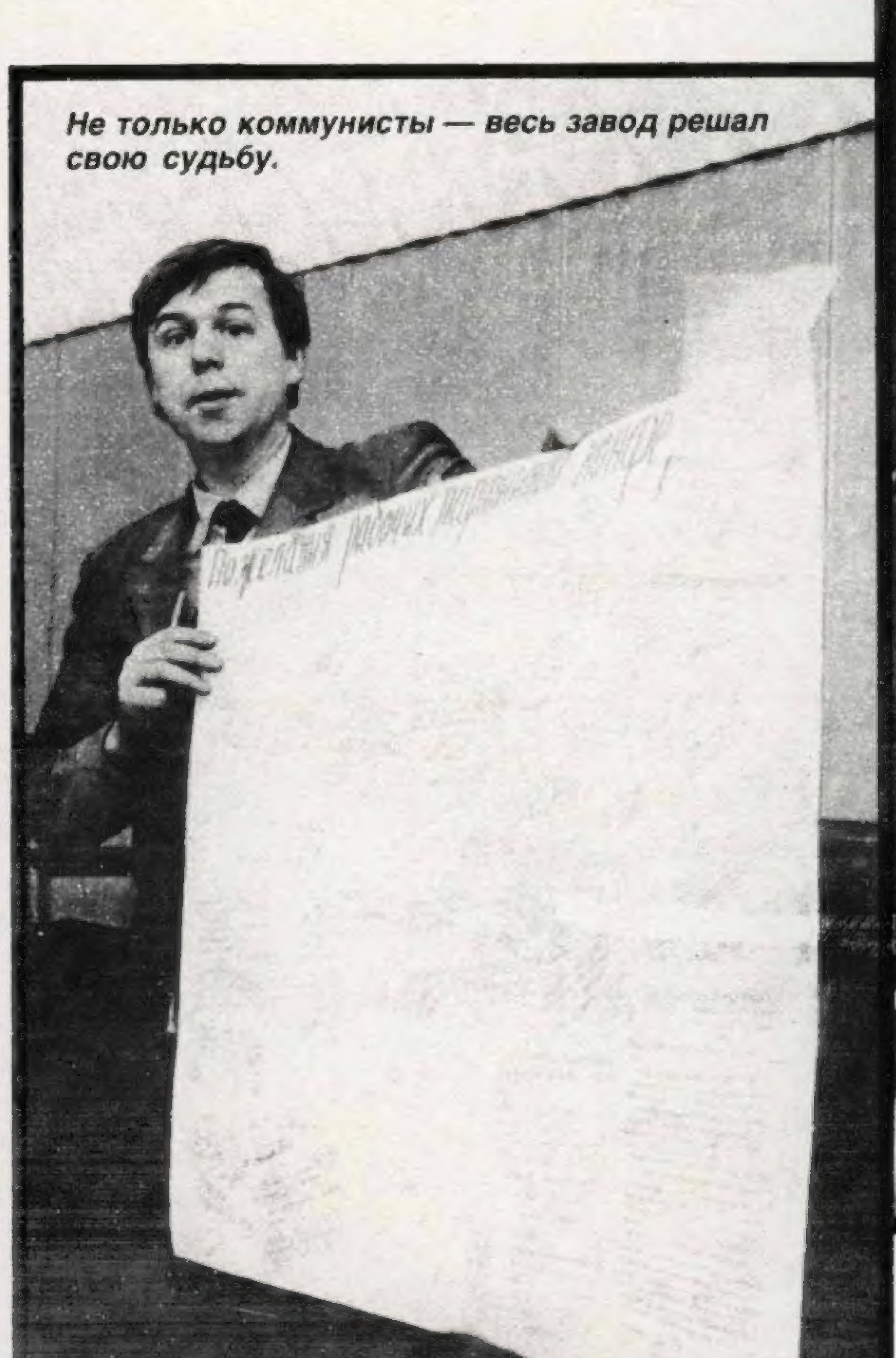

Тем, кто в президиуме, не позавидуешь... С. А. Федосеев, секретарь парткома (уже бывший).

ОТСТАВКА

ЗАМЕТКИ С ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СТАНКОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД ИМЕНИ СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ»

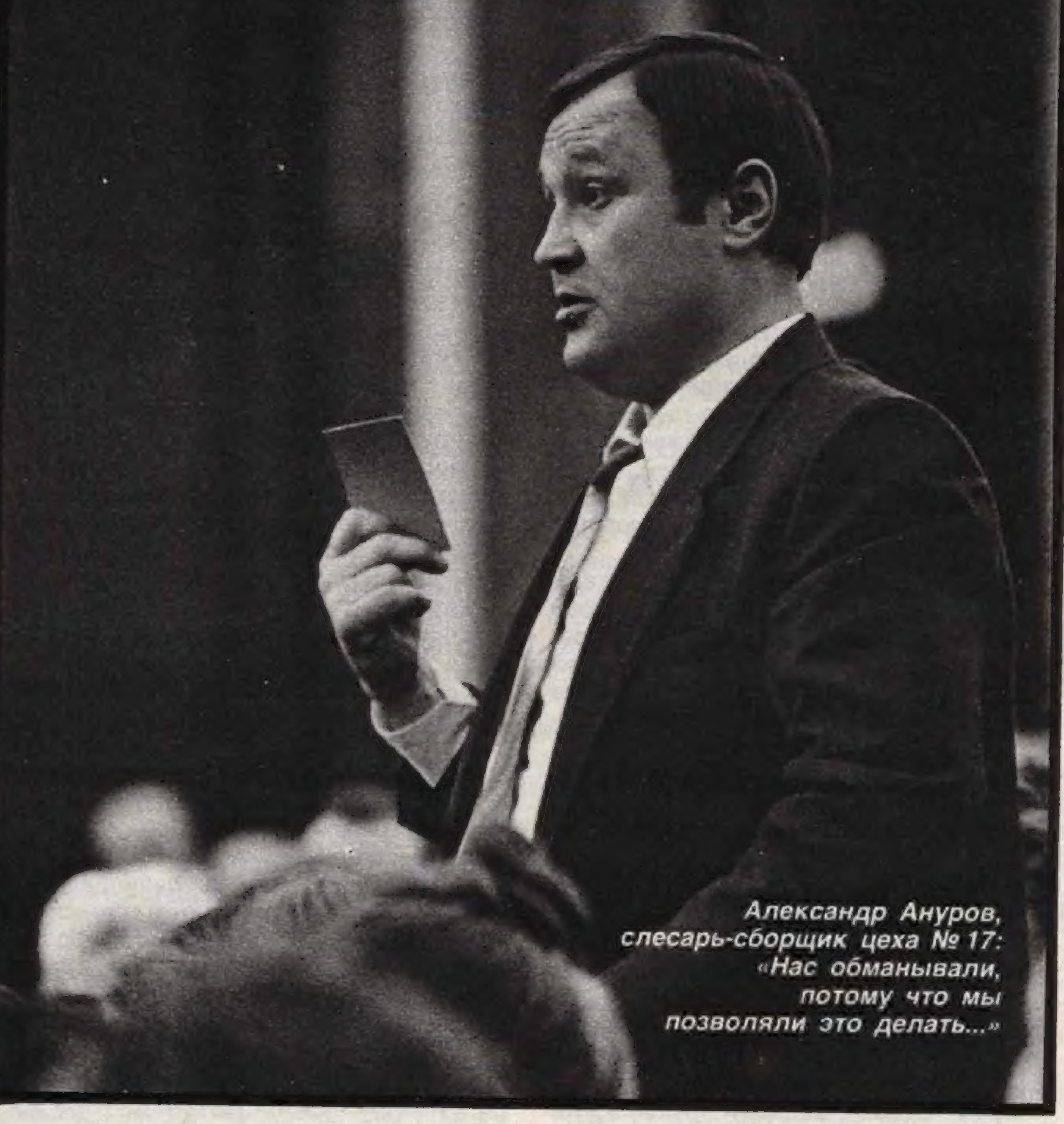
Не только коммунисты — весь завод решал свою судьбу.

В редакцию
позвонил слесарь-сборщик
московского
станкостроительного завода
имени Серго Орджоникидзе
Александр Ануров. Сказал:
приглашаем
корреспондента журнала
на заводскую отчетно-выборную
партийную конференцию.
— Вы говорите
от имени парткома завода?
— Нет, я не член парткома,
но в партии
с семьдесят девятого года.
Говорю по поручению
Комитета защиты перестройки.
— Защиты? От кого?
— От тех, кто ведет ее в тупик.
Для нас это —
руководство завода.
Завод оказался банкротом.
Мы в критическом положении.
Наш авторитет держался
на очень крупных приписках...

Валерий Королев, шлифовщик цеха № 5: «Вы нам лапшу на уши вешали!»

Александр Ануров, слесарь-сборщик цеха № 17: «Нас обманывали, потому что мы позволяли это делать...»

Борис СМИРНОВ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Мы приехали. Просторный клубный зал был полон до отказа. Ощущалось напряжение — в приглушенном говоре, в каких-то торопливых, нервных движениях людей. Как перед грозой... У многих в руках шуршали газетные листки: вот они на столике, целая пачка. Заводская многотиражка «Новатор». Три интервью под заголовком «Что бы я сказал с трибуны конференции». Начальник отдела и фрезеровщик говорят о сложности ситуации, о поисках выхода: кризис, упущения парткома... Тревожно, но пока неясно. Ага, вот и подпись А. Анурова, его фотография — открытое лицо, изучающий взгляд. «...Партком в силу своей недостаточной компетентности не смог вовремя решить наболевшие проблемы, или просто самоустранился, отдав их на откуп администрации завода...»

Более трехсот делегатов в зале. На лицах — надежда, смятение, ожидание, но только не равнодушие. Невозмутимыми казались лишь почетные гости в президиуме — работник ЦК КПСС, министр, секретарь горкома партии, первый секретарь райкома. Не было генерального директора завода — не только в президиуме, вообще нет его больше на заводе! Накануне конференции подал заявление с просьбой «освободить» по состоянию здоровья...

Ах, товарищ Чикирев, Николай Сергеевич! Стоило бы послушать, о чем говорят те, с кем вы вчера еще делили славу завода и заводские заботы, гордились прошлым и думали о будущем... Нет, все не так, о том-то и говорили с трибуны и коммунисты, и беспартийные ваши товарищи. О том, что было много, очень много громких слов, не подкрепленных делом, что славу забирали себе одни, а неприятности расхлебывали другие, что прошлые традиции

завода оказались попранными, а будущее строилось на махинациях с цифрами, манипуляциях с кадрами, грубости с подчиненными и обмане. Обмане своего завода и предприятий-смежников.

— Вы все так осмелели, потому что Чикирева нет в этом зале! — бросалось обвинение с трибуны.

— Нет, Чикирева нет в зале потому, что мы стали смелее! — парировал следующий оратор.

— Я на заводе уже полтора года, но только недавно был допущен к генеральному директору,— говорил один из начальников цехов. Другой через минуту горько иронизировал:

— Моему коллеге повезло, а я за несколько лет работы ни разу с товарищем Чикиревым не поговорил...

Многие произносили с трибуны словцо «чикиревщина». Это — о стиле работы, построенной по принципу «разделяй и властвуй», о полном забвении гласности, о поощрении подхалимства и неприкрытом хамстве, черствости, даже жестокости...

Но нет, не только генеральному директору звучали в зале тяжелые упреки. Выступавшие и обвиняли, и признавались в своем недостойном коммунистов страхе, в том, что весь коллектив повинен в тех тяжелейших итогах, к которым пришел сегодня завод.

— То, что наш коллектив переживает сейчас,— ужасно. Мы пока не измерили всей глубины пропасти, в которую пали. Но отступать некуда. Мы должны пройти путь очищения до конца, сказать себе всю правду — это слова начальника отдела труда и заработной платы С. Генниса.

— Мы делали станки и знали, что гоним брак,— признавался слесарь-сборщик цеха № 4 С. Гулыгин.

Было и сообщение заводской комиссии, которая уже почти месяц разбирается в экономике завода. Зал замер: цифры потрясали. Задолженность банку за девять месяцев — больше 20 миллионов рублей, сверхнормативные запасы — на 32 миллиона рублей, недодано заказчикам 8 автоматических линий и 163 станка, кредит исчерпан, и зарплату платить нечем...

Увы, лишь сейчас эти факты стали бесспорными. А до этого дня любой человек, мало-мальски знакомый с промышленностью, мог уверенно утверждать, что если и есть в нашей стране флагман станкостроения, так это — московское научно-производственное объединение «Станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе». Ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени. Семь лауреатов Ленинской и шесть — Государственных премий, а уж «просто награжденных» — за три сотни. Переходящих знамен и первых мест коллективу — не счесть. И участие во всяческих передовых начинаниях, и чуть ли не вся продукция — с государственным Знаком качества...

Меру ответственности руководителей за все, что происходило здесь в последние годы, будет теперь определять и специальная партийная комиссия, и Московский городской комитет народного контроля, и городская прокуратура. Но вот что знаменательно: первыми здесь забили тревогу не контрольные органы, не высшие эшелоны заводского руководства, а сами рабочие. И не только рабочие, ведь оценить масштабы упадка, разложения производства без помощи технической интеллигенции было бы просто невозможно.

Дело в том, что все на заводе зарабатывали очень даже неплохо. Год от года все лучше. Именно зарабатывали — потому что на славную историю завода никто и сейчас не бросит тень, и станки с маркой «Серго Орджоникидзе» исправно и надежно вытачивали из металла все то, что мы называем государственным могуществом. Так было в далеком уже тридцать втором году, когда рождение завода стало ступенью роста Страны Советов, так остается и по сей день, когда сложнейшие, уникальные, современные станки с числовым программным управлением и новейшие автоматические линии с маркой объединения ждут едва ли не на всех крупнейших заводах страны. (Опять трескучая фраза? Подождите судить, обратите внимание на слово «ждут»!) Так вот, традиции остались, если говорить о традициях с шумом, «с помпой», с державной щедростью отмечать новые и новые трудовые успехи, которым, казалось, никогда не будет конца.

О каком конце могла идти речь, когда без продукции объединения, по существу, невозможна промышленная перестройка в стране? Например, станки для автомобилестроителей: без них не выйдут на дороги новые «Москвичи», «Жигули» или грузовые «ЗИЛы»... Как раз для «зиловского» филиала в городе Ярцево собиралась автоматическая линия в цехе № 17, и никому в цехе не надо было объяснять, что без станков не изготовишь новых автомобильных двигателей, а без двигателя машина... в общем, все ясно. Неясно только станкостроителям: почему с огромными задержками поступают к ним комплектующие детали.

Впрочем, и за такую работу сборщикам платили вполне прилично. Совсем непонятно стало, когда в самом начале нынешнего года, в январе, в победных строках рапортов об очередном и безусловном выполнении всех заводских планов рабочие семнадцатого цеха нашли упоминание о «своей» линии. Она почему-то значилась как давно уже принятая комиссией, и по всем отчетам выходило, что машиностроители в Ярцеве в самое ближайшее время должны точить на этих новых чудо-станках свои автомобильные движки. Но почему-то не точили, и в центральных газетах появлялись раздраженные строки о том, что село и город никак не могут получить столь нужные для всех грузовики. Почему нет автомобилей — знали сборщики станков, потому что они читали эти газеты, сидя на полупустых станинах тех самых недоделанных автоматических линий, которые... Сборщики семнадцатого цеха уже давно не верили в сказки и догадывались, что если линия из многотонных, напичканных электроникой станков еще не собрана и не работает, но числится в заводских и министерских бумагах давно собранной, значит, это кому-нибудь нужно! Для отчетов, высоких показателей, премий, престижа, служебного роста... И, значит, часть от государственных щедрот «отстегивается» сборщикам в виде премий и высокой зарплаты... Чтобы молчали.

Но они уже не хотели молчать...

— Мы жили какой-то двойной жизнью,— рассказывал мне в перерыве конференции Александр Ануров.— Всюду разговоры о перестройке, в газетах, по телевидению — сообщения о каких-то переменах, о новых людях, о новом мышлении. Приходишь на работу в цех — ничего нового! Главное, хочется и самому что-то сделать для той же перестройки, ведь мы живые люди, можем работать, и знания есть, и опыт. Если бы только от каждого из нас все зависело! Но современное производство — это конвейер, где усилия каждого могут быть лишь частью общего дела. И если общее дело движется кое-как, ты сам ничего не добьешься. Все можно понять — на нашем заводе нужна замена оборудования, здорово подводят поставщики, в бригадах нехватка людей... Но откуда тогда высокие показатели?

Нет ничего удивительного в том, что на огромном заводе есть люди, недовольные существующими порядками. Нет ничего нового в том, что рано или поздно такие люди находят друг друга и объединяются. В общем, ситуацию, о которой рассказывал Александр Ануров, можно было бы назвать в чем-то типичной для всех времен. Но я берусь утверждать, что все, случившееся здесь потом, могло произойти лишь сегодня.

Трудно сказать, кто первым поднял голос протеста на заводе имени Орджоникидзе — рабочие или техническая интеллигенция. Да и не стоит этого уточнять... Был создан Комитет защиты перестройки, куда вошли десятки человек — рабочие, мастера, начальники цехов. Многие — коммунисты, есть даже члены парткома всего объединения. Комитет был подпольным. На заводе появились листовки. Текст, отпечатанный на машинке под копирку, информировал о том, что знали пока немногие: грядущий экономический крах предприятия, зажим демократии, безгласность. Плоха ли, хороша такая листовочная агитация, но на конференции ее никто не критиковал. Наоборот, говорили, что все в листовках правильно. Каков же был авторитет парткома, если коммунисты вынуждены были прибегнуть к такому способу разговора о наболевшем? Вспомнили случай: молодой парень, бывший «афганец», берет обратно свое заявление о вступлении в члены КПСС, мотивируя тем, что его не устраивает стиль работы парткома... Таков был результат силового прессинга на партком со стороны генерального директора.

Да, снова Н. С. Чикирев. Его судьба — судьба завода, и этого не отнять. Генеральный директор, Герой Социалистического Труда. Заместитель председателя Советского комитета защиты мира, профессор МВТУ, и еще, и еще звания, титулы, общественные должности... Пришел он сюда почти полвека назад, в сорок втором году. Об этом ходят почти легенды — как ему, пятнадцатилетнему подростку, подставляли снарядный ящик, чтобы он мог дотянуться до станка, как прошел весь путь от токаря до генерального директора промышленного гиганта. Впрочем, это описывалось столь красочно и столь многократно, что не стоит повторяться. Может, следует лишь все переписать, расставляя другие акценты,— как менялся человек...

Пока что кажется необъяснимым: как мог человек с такой биографией, с репутацией крупного партийного работника, Герой Социалистического Труда пойти на приписки? А документы говорят, что по крайней мере три последних года на руководимом им предприятии росчерком директорского пера появлялись технические «мертвые души»: в отчетах числились и дорогостоящие станки, и целые автоматические линии, хотя в природе они еще не существовали. А во что превратился «дружный трудовой коллектив»? Люди делились на угодных и неугодных, громыхали пустые фразы и ложные обещания, и престиж заводской марки стремительно катился вниз, к краю пропасти под названием «банкротство»...

Мне легко сейчас повторять эти страшные для любого нормального человека обвинения, потому что все они произнесены ближайшими соратниками Н. С. Чикирева и занесены в протокол отчетно-выборной партийной конференции. В зале царил дух подлинной перестройки. Многие выступавшие так и говорили: перестройка наконец-то пришла и к нам, теперь мы ее видим воочию...

Восемь с лишним часов звучали выступления, люди просто рвались на трибуну. Горькие слова правды, попытки оправданий... Мне кажется, было бы очень полезно издать массовым тиражом стенограмму этих выступлений как урок гласности и демократии! Это при том, что конференция абсолютным большинством голосов признала работу прежнего состава парткома неудовлетворительной.

— Мы знали, на что идем,— сказал мне Ануров (новый партком избрал его заместителем секретаря по идеологии).— Сейчас намечаем программу развития завода на ближайшие годы...

Что остается добавить? Что главные трудности для завода только начинаются. Надо возвращать миллионные долги государству. Надо поднимать престиж заводской марки. Завод должен жить и работать на перестройку.

И

Вот уже более года идет разговор о том, что скоро будет принят новый закон, регулирующий отношения церкви и государства. Впрочем, разговором это трудно назвать: заявления, обещания... Информации же о том, как готовится проект этого закона, что он собой представляет, нет никакой. Пресса, за исключением некоторых изданий, хранит по этому поводу молчание.

Всякий закон должен соответствовать конституционным положениям. Между тем 52-я статья Конституции явно устарела и требует изменения. Свобода совести трактуется ею как «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду». Церковь отделена не только от государства, но и от общества, а религиозная жизнь верующих ограничена лишь «отправлением» религиозного культа. Верующим запрещено заниматься церковной благотворительностью, хотя сегодня церковь привлекается к участию в движении «Милосердие», в деятельности различных благотворительных организаций. На практике границы 52-й статьи Конституции СССР раздвигаются с каждым днем все шире и шире.

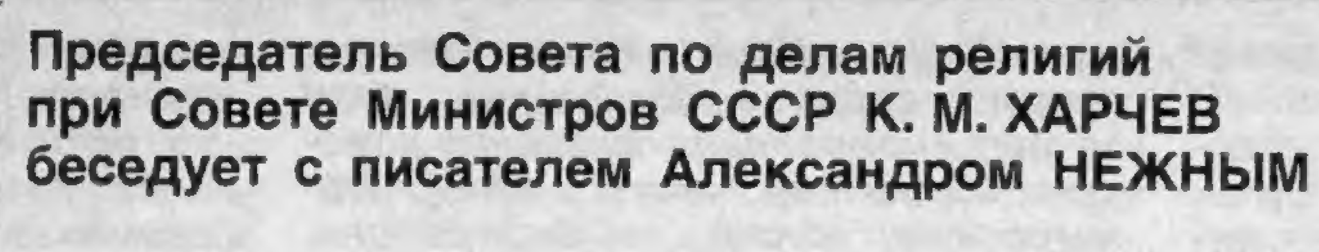
На встрече с Патриархом Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви М. С. Горбачев сказал: «Верующие — это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения».

Первая Советская Конституция 1918 года действительно предоставляла равные права как атеистам, так и верующим в выражении своих взглядов. Но «сталинская» Конституция существенно ограничила права верующих: сохраняя право пропаганды атеизма, лишила верующих права публично выражать свое мировоззрение. Эти запреты были сохранены и в Конституции 1977 года.

Конституция — Основной закон страны. И правовая логика требует, прежде чем принимать Закон «О свободе совести», изменить редакцию 52-й статьи Конституции СССР, определяющую его принципы. Необходимо восстановить равноправие верующих и неверующих, декларированное в первой Советской Конституции.

Этот вопрос должен быть поставлен на широкое обсуждение, в котором могли бы принять участие граждане нашей страны — верующие и неверующие.

С. АВЕРИНЦЕВ, член-корреспондент АН СССР,
С. ЗАЛЫГИН, писатель,
Т. ЗАСЛАВСКАЯ, академик,
Глеб ЯКУНИН, священник

Председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. М. ХАРЧЕВ беседует с писателем Александром НЕЖНЫМ

ЗАКОН СОВЕСТЬ

— Согласитесь, Константин Михайлович, шесть месяцев по нашей нынешней жизни — это чрезвычайно большой срок. Мы с вами встретились в мае, «Огонек» (№ 21) опубликовал нашу беседу, но теперь, перечитывая ее, я вижу, что одни проблемы мы обошли, других чуть коснулись, третьи лишь обозначили. Дело тут не столько в планке гласности, которая усилиями общества поднимается все выше, сколько, мне кажется, в самом процессе демократизации, углубляющемся день ото дня и, хочется верить, необратимом. Сегодня есть смысл поговорить прежде всего о том, что волнует верующих, священнослужителей, значительную часть нашей интеллигенции. Я имею в виду Закон о свободе совести, вернее, его проект, который так долго готовится и почему-то все еще держится в тайне от общества. Тайна, молчание, уверенность чиновника, что он лучше знает, что именно нужно народу,— мы все прекрасно представляем, к чему это обыкновенно приводит. Хотелось бы, кроме того, восстановить кое-какие события нашей недавней истории, поразмышлять о деятельности церкви в новых условиях и, конечно же, потолковать о перестройке. Как она идет в такой сложнейшей для нас социально-политической сфере, какой являются отношения государства и церкви?

— Приведу две цифры. В прошлом году мы зарегистрировали 16 новых религиозных обществ Русской православной церкви. В нынешнем — более 500, и, как правило, верующим передавали храм. Прорыв? Несомненно! Он стал возможен во многом благодаря встрече Михаила Сергеевича Горбачева с патриархом Пименом и членами Священного Синода Русской православной церкви. Вы, кроме того, несомненно, помните, как прошли торжества, связанные с 1000-летием Крещения Руси. Можно без всякого преувеличения сказать, что это был праздник не только церкви; это был общенародный праздник отечественной истории и культуры, объединивший миллионы граждан нашей страны: и верующих, и неверующих. Вот в чем, я думаю, заключалось едва ли не главное его значение — обосновать и подчеркнуть наше единство, общность наших главных целей и устремлений, великую важность стоящих перед всеми нами задач.

— Непросто, наверное, Константин Михайлович, было доказать, что 1000-летие Крещения Руси нужно отмечать именно так...

— Непросто. Да ведь это и понятно! На протяжении почти семидесяти лет из года в год, как заклинание, повторять, что церковь является носителем враждебной нашему обществу идеологии, видеть в священнике чужого, а в верующем — человека «третьего сорта» значит сформировать в сознании большинства советских и партийных работников совершенно определенный стереотип. Разрушить его за годы перестройки невозможно: слишком короток срок. Вот почему, я повторяю, если бы не решительная поддержка Центрального Комитета КПСС, мы вряд ли смогли бы достичь тех перемен в отношении государства к верующим и церкви, которые ныне несомненны, но которые все-таки являются лишь началом демократизации этой области нашей жизни.

— Нетрудно проследить, как формировался определенный тип сознания, достаточно распространенный в нашем обществе. 1922 год: пятый отдел НКЮ разъясняет, что служители культа, как имеющие «нетрудовой заработок», «не могут пользоваться полными гражданскими правами». 1939 год. В книге А. Юрина «Под маской религии» читаем: «Митрополиты, епископы, попы, монахи, церковные старосты и прочие «большие» и «малые» церковные руководители всех течений и толков — тихоновцы, обновленцы, автокефалисты и сторонники «Высшего временного церковного совета» — обманывают верующих и делают свои омерзительные фашистские дела». 1975 год. «Вред, приносимый церковью социалистическому обществу, бесспорен». Это пишет ответственный работник Э. И. Лисавцев. Говорю все это к тому, что вам, должно быть, зачастую приходится плыть против течения?

— Церквей не всегда достаточно: имею в виду молельные дома разных религий, количество которых далеко не везде соответствует числу верующих.

В селе Подгайчики Теребовлянского района Тернопольской области Украинской ССР в июле собрался сход — сто двадцать человек. Постановили: просить местную власть зарегистрировать религиозное православное общество и передать издавна существующую церковь верующим. Иными словами, народ высказался за то, чтобы в селе была церковь, в которой могли бы молиться верующие. Законна эта просьба? Да что там просьба — требование, поскольку оно исходит не от чиновников — от народа, от основы основ советской политической системы! Абсолютно! Местная власть должна ответить: «слушаюсь» и поступить согласно народному волеизъявлению. Местные власти Тернопольской области — не могу не назвать фамилий их представителей: А. Кучер, председатель Теребовлянского исполкома райсовета, и Ю. Трофимяк, заместитель председателя областного Совета народных депутатов — на решении схода выводят: отказать. Председатель Совета по делам религий при Совете Министров УССР Н. Колесник, который по сути своей должности, по долгу и чести должен был объяснить товарищам, что они нарушают советское законодательство, скрепляет их отказ своей подписью.

Что получается в итоге? А получается: район отказал, область отказала. Киев отказал — и надо селянам собирать денежки, добывать билеты и двигаться в Москву: за правдой. Я вам скажу, что это вреднейшее и опаснейшее для нашей перестройки явление — когда местные руководители своими противоправными действиями как бы провоцируют людей на поездку в Москву. Езжай, езжай, а мы-де посмотрим, что у тебя, настырного, выйдет. А если человек и в Москве не получит поддержки? Если он и здесь нарвется на бюрократа, равнодушного исполнителя, холодного чиновника? Всякое бывает! Тогда он вернется и скажет землякам: правды нет и не ищите. Для противников перестройки в таком развитии событий кроются немалые возможности.

— Зачем далеко ходить? Отказывая православным верующим в регистрации религиозного общества, заместитель председателя исполкома Севастопольского райсовета Москвы В. Воробьев пишет, что в районе нет помещения для отправления религиозных потребностей.

— Ответ незаконен!

В нынешнем году Совет, несмотря на отказ местных властей, в восьмидесяти трех случаях зарегистрировал религиозные общества. Мне звонили руководители областей, республик: на каком основании? Я отвечал: на основании Закона. Но у некоторых ответственных товарищей еще свежи в памяти времена «телефонного права», времена, когда одним звонком можно было закрыть церковь и распустить религиозное общество. Само собой, по желанию трудящихся. Давление поэтому может быть продолжено: но ведь мы же вам рекомендовали! Я говорю, помилуйте, товарищи дорогие, что значит рекомендовали? У меня один рекомендатель — Закон! Мы с вами собираемся жить в правовом государстве или по-прежнему будем вот так: не по закону, а по звонку?

— В Керчи отказывают регистрировать третье православное общество и передавать верующим древнейший храм во имя Иоанна Предтечи, закрытый в тридцатые годы. Вы, наверное, помните Анну Ивановну Коробченко из Алушты — она не раз была у вас на приеме. Совет зарегистрировал православное общество в Алуште, но местные руководящие товарищи нашли, чем отомстить, передав верующим кладбищенскую часовню — маленькую, тесную да еще высоко на горе. В городе есть храм во имя Федора Стратилата, незаконно отобранный у православных в 1963 году. Казалось бы: есть возможность хотя и спустя четверть века, но все-таки повиниться перед народом, вернуть церковь. Ничего подобного! Этакую энергию, которую тратят в той же Алуште на борьбу со своими гражданами, да в мирных бы целях!

Константин Михайлович, позволяет ли нынешнее законодательство Совету по делам религий решать вопрос о передаче церквей верующим? Они ведь к вам, в Совет, несут свои просьбы, отчаявшись надеяться на человечность и здравый смысл местных властей. Пишут и мне — и, читая эти письма, как бы слышишь вопль земли, которая изнемогла от нашей жестокости и ждет не дождется нашего покаяния. Православным Зеленогорска (Ленинградская область) отвечают: храм не получите. В нем будут концертный зал и кафе. Из Бреста пишет Мария Даниловна Мартыснек: «Мои деды, прадеды и прапрадеды — все выходцы с бедной крестьянской семьи и все они крестились и венчались в Щебринской православной церкви. Более 20 лет как ее закрыли, иконы вывезли, а с храма сделали амбар, повесив на дверях огромный замок». Москвич В. Горетов вспоминает свою родину: «Село Новый Киструс Спасского района Рязанской области — сейчас в помещении церкви страшное зрелище. В соседней деревне, Старый Киструс, до 60-х годов была церковь. Она мешала постройке школы, хотели снести бульдозером, не получилось. Тогда поставили две бочки (800 л) солярки и подожгли. Горела сутки, коптя небо и окружающие дома. Старинная кладка из красного кирпича рассыпалась...» И, наконец, стихи капитана медицинской службы, участника ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Виктора Ляха: «Довольно с нас разоренных церквей! Постыдно заполнять их бочкотарой. Народа совесть говорит: «Не смей!» Уже себе мы были страшной карой».

— Уже себе мы были страшной карой... Я полагаю, что если на первый взгляд чернобыльская авария с ее страшными последствиями и, скажем, взрыв храма Христа Спасителя кажутся явлениями, друг с другом совершенно не связанными, то, присмотревшись и вдумавшись, мы все-таки поймем, что в них есть очень много общего. Они оба возникли как результат грубейшего нарушения правды жизни. А любое насилие над жизнью, любая попытка втиснуть ее в жесткую схему, облечь в догму, любое нарушение общечеловеческих норм ведет к громадным как экономическим, так и духовным потерям. Один из крупнейших мыслителей нашего века, академик Владимир Иванович Вернадский, сказал, что демократия — это свобода мысли и свобода веры. Мы очень долго нарушали эти два непременных условия нормального существования демократического общества и сейчас прикладываем много сил, чтобы они вошли в плоть и кровь нашей жизни.

— Искажение исторической правды, замалчивание ее — ведь это тоже серьезнейшая причина для того, чтобы наши верующие сограждане могли сказать: с нами по-прежнему не желают считаться, к нам, как и раньше, относятся с враждебным подозрением. Два года назад в Ленинграде вышла книга доктора филологических наук, члена Союза писателей СССР Л. Я. Резникова «Валаам: кризис аскетизма», представляющая собой характерный пример грубо-агрессивного отношения ко всему, что связано с институтом церкви. В истории Русской православной церкви есть немало действительно темных страниц, о которых говорил еще Вла-

димир Соловьев. Но даже о них можно вести речь, не оскорбляя чувств верующих. Больше того: доказывая, скажем, реакционность валаамских монахов, Л. Резников не прочь основательно пообстругать факты — так, чтобы они удобно уместились в его схему. Среди валаамской братии был разный народ; но обвинять монахов, решивших не возвращаться на родину (Валаам в 1918 году стал частью Финляндии), в «нежелании участвовать в строительстве новой России» — по меньшей мере бесстыдно. Но ведь знали же они, что в Советской России действуют церкви и некоторые монастыри, негодуя, говорит Л. Резников. Знали... В 1918 году был убит киевский митрополит Владимир, за ним настала очередь архиепископа Пермского Андроника, епископа Тобольского Гермогена, митрополита Петроградского Вениамина, расстрелянного по приговору суда в 1922 году.

Не так давно познакомившись с подробностями этого процесса, я совершенно убежден, что митрополит Вениамин невиновен. Наша официальная история убеждает нас, что Русская православная церковь отказалась передать свои ценности в помощь жертвам голода 1921 года. Но как в таком случае объяснить созданный церковью Всероссийский комитет помощи голодающим? Или послание патриарха Тихона: «Мы нашли возможным разрешить церковноприходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления... лишь бы они оказывали действительную помощь страждующим братьям нашим». Нужен был лишь предлог для широкой атаки на церковь.

— Когда мы пытаемся оценить отношения церкви и государства в те годы, не надо забывать, что это был период открытой конфронтации. Церковная верхушка не приняла новой власти и боролась с ней. Вместе с тем замечу: мы возвращаем обществу имена репрессированных деятелей партии и государства, ученых, писателей, военных:.. Мы полны желания увековечить память невинных людей, ставших жертвами войны против собственного народа. В их числе непременно должны быть деятели церкви. Что же касается стремления к единству общества — единству, которому необходима и правда истории, и правда жизни, то, я думаю, нам надо как можно быстрее выбираться из законодательства 1929 года. Меня, надо сказать, неприятно удивил доктор юридических наук, профессор В. Клочков, летом нынешнего года заявивший в «Известиях», что Декрет 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и «правовые акты 1929 года ввели демократические основы организации и деятельности религиозных объединений».

— Он еще сказал, что церковь не пережила того, что было в генетике, кибернетике, языкознании... Русская православная церковь дышала на ладан, тысячи ее священнослужителей либо погибли, либо томились в лагерях, а профессор утверждает: не было того, что было в генетике! Было, к несчастью,— и было еще страшнее.

— На каких весах можно взвесить — где было страшнее? Но я продолжу. Декрет 18-го года, ленинский Декрет, по сути своей был, бесспорно, глубоко демократичным. Но законодательство 29-го года — типично сталинское, бюрократическое ограничение независимой демократической деятельности, в данном случае церковной. Всякий приход по сути своей — самоуправляемая, самофинансируемая, иными словами, сугубо демократическая организация. Но разве мог творец командно-административной системы выпустить из-под жесткого — жестокого! — контроля хотя бы одно самодеятельное общество? Тем более церковь? Появился закон «О религиозных объединениях», связывающий церковь, образно говоря, по рукам и ногам,— и таким образом грубо нарушили, попрали Декрет об отделении церкви от государства! Едва ли не каждой своей строкой законодательство 29-го года подчеркивает полную зависимость церкви от власти. В этих условиях может быть допущена любая степень произвола.

— В шестьдесят первом, по-моему, пошли еще дальше...

— Да, в 1961 году была принята так называемая «Инструкция по применению законодательства о культах». Она была «для служебного пользования» и недавно отменена. Именно она запрещала, в частности, религиозным объединениям и служителям культа заниматься благотворительной деятельностью. Кроме того, в соответствии с этой инструкцией не подлежали регистрации религиозные общества иеговистов, пятидесятников, истинноправославных христиан, истинноправославной церкви, адвентистов-реформистов... В значительной степени мы сами собственными руками создали так называемые запрещенные секты, принадлежность к которым рассматривалась как основание для привлечения к уголовной ответственности.

— Инструкция отменена, но не отменено законодательство двадцать девятого года, пресекающее любую попытку социальной активности религиозных обществ.

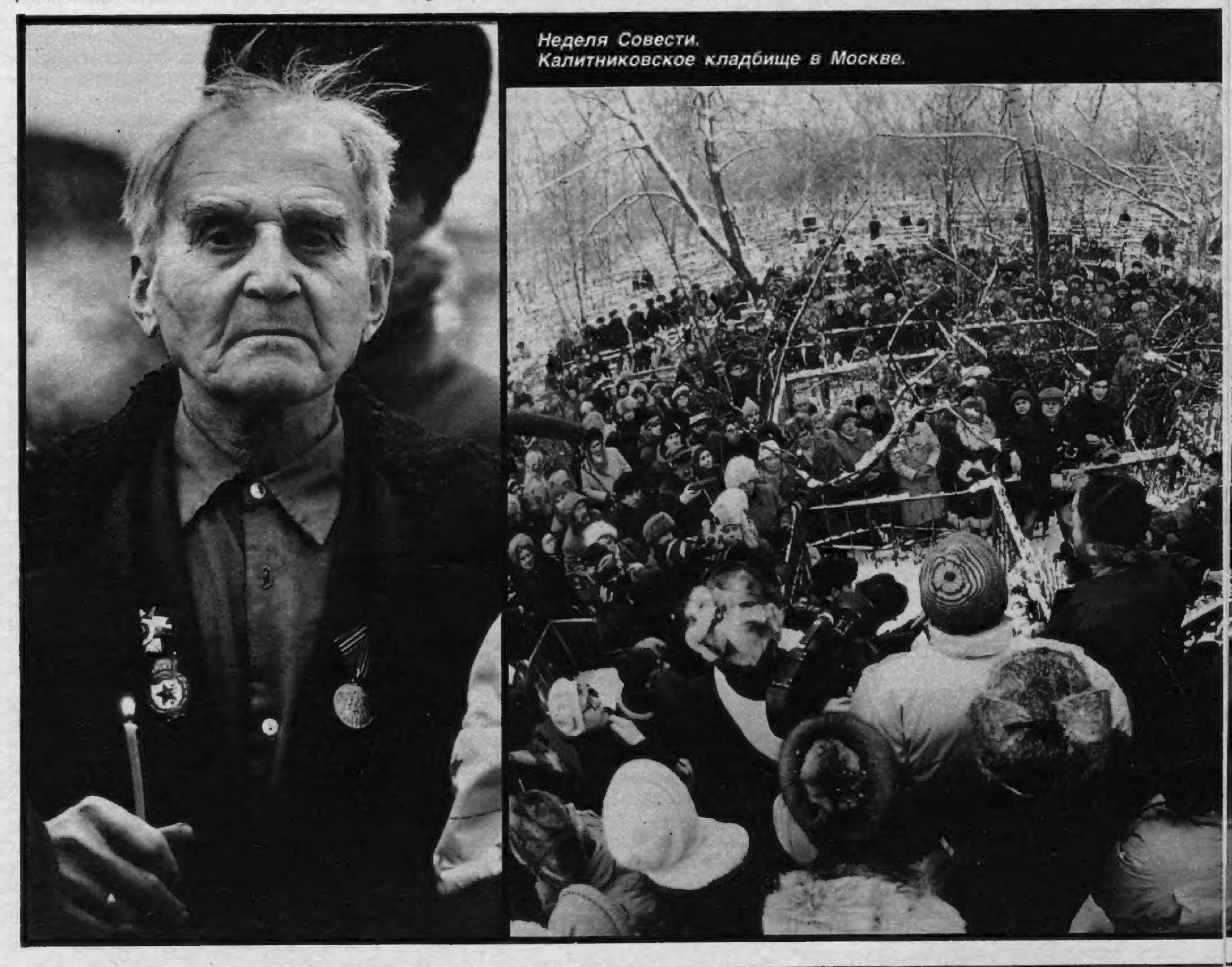
— Сегодня его отменяет сама жизнь. Примеров этому много: участие адвентистов седьмого дня, баптистов и православных в делах милосердия, недавний благотворительный концерт, сбор от которого пойдет на реставрацию православных монастырей, деятельность кооперативов верующих. Но — я согласен — надо в корне менять нормы, определяющие жизнь и деятельность церкви и верующих в нашем государстве. Вот, например, вы упомянули письма, в которых верующие просят помочь вернуть им некогда отобранные храмы...

— Могу прибавить: Ровно (Воскресенский собор в 62-м, ночью, был закрыт, колокольня снесена, колокола сброшены, кресты сбиты), Черниговская область, Симферополь, Тольятти, Борисоглебск, Тобольск, где верующие просят вернуть собор св. Софии тобольского кремля и Абалакский монастырь, поселок Черненка Белгородской области... Пермь, где мусульмане просят вернуть им незаконно отобранную мечеть, а православные — одну из двух пустующих и разрушающихся церквей.

— Как вы, вероятно, догадываетесь, в Совете по делам религий этот список куда обширней. Но дело не в этом. Дело в том, что почти вокруг каждого из таких храмов кипит борьба. Верующие просят вернуть его им, местные власти отвечают: здесь будет музей, кафе, концертный зал, книгохранилище... Логика тут зачастую вот какая: пусть рухнет, лишь бы не отдавать верующим. Что в подобных случаях прикажете делать? Я могу направить соответствующее письмо местному руководству; вы опубликуете очередную статью, но, я уверен, нужен совсем иной подход. Только в том случае, если нет возражений со стороны верующих, культовые здания можно передавать на какие-то иные нужды. Ведь это же в самом деле злой абсурд: религиозное общество получило законное право на жизнь, в городе (поселке, селе) есть церковь, которая, как это нередко бывает, до шестидесятых годов еще действовала, а местное руководство вынуждает верующих или арендовать помещение, или строить новый молитвенный дом. Зачем?! Совет по делам религий будет добиваться отмены подобных решений местной власти. Было бы оправданным вообще передать все православные храмы Русской православной церкви, которая бы несла за них полную ответственность.

— Преподаватель Б. Андреев из Ленинграда точно такого же мнения. «Все культовые постройки,— пишет он мне,— в которых у верующих есть потребность, необходимо вернуть церкви». Что ж, положительное решение этого вопроса будет означать, что прорыв, как вы сказали, стал началом широких демократических перемен в отношениях государства и церкви. Вернуть храмы, избавить верующих граждан нашей страны от чувства тяжелой, незаслуженной обиды, доказать, что нам воистину дороги духовные и культурные традиции нашего Отечества — это много, это очень много, но еще далеко не все. Велик круг наболевших вопросов, но решение даже самых, казалось бы, важных из них обречено быть недостаточным, если мы не начнем с главного — с изменений в законодательстве. Как только мы пойдем на это, все последующие шаги станут естественным продолжением первого, главного шага.

Чего в самом деле стоит одно название нынешнего законодательства: о религиозных культах. Культ — в точном смысле — прежде всего обрядность, молитвы, таинства: служение божеству. Пусть центральная, но все-таки лишь часть религии, смысл которой значительно шире. Если же сравнить статью 17-ю постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», состоящую из многочисленных запретов, с евангельскими заповедями, нравственно обязательными для каждого, кто исповедует христианство, то мы вынуждены будем признать: христианин в нашей стране не может свободно следовать своему учению без риска быть привлеченным к ответственности за нарушение закона. Запрещены кружки по изучению Библии, в Евангелии же есть наставление «исследовать Писание»; запрещены дела милосердия и благотворительности, а в Евангелии сказано: «возлюби ближнего твоего как самого себя», причем любовь эту христианину надлежит проявлять не словами — активным социальным действием; запрещены любые формы религиозного обучения детей и взрослых, а Иисус Христос сказал: «Идите по всему миру и проповедуйте

Неделя Совести.
Калитниковское кладбище в Москве.

Евангелие всей твари...» Перечень этот можно продолжить.

Вот вопрос: каким образом «культ» заменил собой все остальное? Каким образом осмысленное, творческое исповедание веры сузилось исключительно до возможности исполнять обряды? Каким образом верующие граждане Советского государства оказались как бы в фокусе постоянного подозрения?

И в двадцать девятом, и в тридцать шестом, и семьдесят седьмом творцы Основного закона менее всего были озабочены действительными гарантиями свободы совести в СССР. Если о демократических правах своих верующих сограждан не задумывался Бухарин, то какой же спрос с товарищей Сталина, Хрущева и Брежнева? Мне кажется, есть прямая необходимость пересмотреть статью 52 действующей Конституции СССР, и в духе осуществляемых ныне реформ советской политической системы закрепить в ней право на свободу как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды. Честно говоря, я бы пошел еще дальше. Государство, последовательно осуществляющее демократические принципы, должно быть нейтрально как к религии, так и к атеизму. Пусть отделение от государства в равной степени работает в обе стороны. В этом случае пропагандой атеистического мировоззрения будет заниматься Коммунистическая партия, комсомол, самодеятельные и самофинансируемые атеистические организации. Но не государство, использующее сейчас в этих целях средства бюджета, который является результатом труда всех граждан страны — в том числе и десятков миллионов верующих.

— Давайте по порядку. Должны уполномоченные Совета по делам религий, сотрудники исполкомов — все работники аппарата понимать, что их материальное благополучие основано в том числе и на труде верующих граждан? Для меня тут сомнений нет: должны. Сознают они это? Вы бывали у меня в те дни, когда я веду прием, и могли убедиться, что верующие подчас не могут получить элементарного ответа на свои письма! Бюрократизм пустил глубокие корни в нашей жизни; благодаря ему в значительной степени совершилось отчуждение административной прослойки от масс трудящихся — отчуждение, позволившее чиновнику уверовать в свое абсолютное значение.

Что же касается ныне действующей Конституции, то провозглашенная в ней гарантия свободы совести действительно ничем не подкреплена. Надо, во-первых, изменять редакцию статьи 52-й — с тем, чтобы она предоставляла равные права как атеистам, так и верующим в выражении своих взглядов, и, во-вторых, совершенствовать законодательство, которое должно обеспечить реальное осуществление одного из основных конституционных прав советского человека. В соответствии с принятым в нынешнем году Законом «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни» следовало бы вынести проекты новой редакции статьи 52-й Конституции СССР и «Закона о свободе совести» на суд всего народа.

Попытаемся представить, каким должен быть в социалистическом правовом государстве «Закон о свободе совести». Ну, например, кардинальнейший для верующих вопрос обучения. Ясно, что в общеобразовательных школах закон Божий преподаваться не должен. Но вместе с тем при церкви вполне могут быть курсы для взрослых, где бы желающим помогали глубже понять Библию. Обучение религии было и должно оставаться частным делом граждан. Но почему бы, скажем, родителям, непременно желающим научить своих мальчишек и девчонок премудростям христианства, ислама или иудаизма, не привести их для этого в церковь, мечеть, синагогу? Или пригласить священников, богословов домой — и пусть они учат ребят. Я глубоко убежден, что сегодня мы обязаны в той или иной форме решить этот вопрос. О делах милосердия и благотворительности мы, кажется, уже сказали. Я не вижу оснований ограничивать церковь на этом поприще.

Новое законодательство должно рассматривать церковь как юридическое лицо. В известной степени правами юридического лица она обладает и сейчас. Но в то же время отсутствие нормы о праве юридического лица в законодательстве о религиозных объединениях во многих случаях серьезно затрудняет деятельность церкви.

В частности, это существенно осложняет защиту гражданских прав религиозных организаций. Местной власти ничто не помешает проложить дорогу через церковную ограду, снять купол у храма — и церковь, не имеющая права юридического лица, не сможет постоять за себя, обратившись в суд.

— Церковь сейчас похожа на человека, у которого нет прописки. Он живет, ест, пьет, но его не покидает мысль, что в любую минуту явится участковый и скажет: «В течение суток!» Или: «С вас, гражданин, штраф!»

— Всякое сравнение, в том числе и ваше, хромает, но истина где-то рядом. Но я продолжу. Среди вопросов, поднятых патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Священного Синода Русской православной церкви на встрече с М. С. Горбачевым, о новых духовных семинариях в Белоруссии и других союзных республиках, восстановлении девяти епархий, упраздненных в шестидесятые годы, возобновление закрытых в ту же пору религиозных общин, был круг вопросов, связанных с издательской деятельностью церкви. Их положительное решение мне представляется чрезвычайно важным. В самом деле: почему отечественную богословскую литературу выпускают «Имка-Пресс» и «Посев»? Почему мы добровольно отдаем им право собирать урожай на ниве нашей культуры? Мне кажется, пришла пора церкви брать это важнейшее дело в свои руки. Надо возродить издательскую деятельность Оптиной Пустыни, Валаамского монастыря...

— Простите, Константин Михайлович, но вокруг Валаама еще идут споры...

— Пока нет окончательной ясности, какие именно здания перейдут к церкви. Но монастырь будет, я не сомневаюсь. Так вот: почему бы всерьез не подумать о выпуске общественно-политического и религиозно-философского журнала? Причем в редакцию его, мне думается, могли бы входить как представители различных конфессий, так и представители научной и творческой интеллигенции.

— Все это замечательно. А бумага?

— Бумагу для всех религиозных изданий должно обеспечить государство — точно так же, как для выпуска атеистической литературы. И, продолжая эту тему, следует сказать, что церкви необходима своя типография. Ту же Библию надо печатать куда более значительными тиражами, чем сейчас, когда издательский отдел Московской патриархии с немалыми трудностями размещает свои заказы на государственных предприятиях.

— А почему бы к изданию Библии и многих замечательных произведений святоотеческой и богословской литературы не подключить издательства «Наука» и «Мысль»? Дело культуры — дело общее.

— Я согласен. Добавлю, что в нынешнем году 1 миллион 200 тысяч экземпляров Библии на русском и украинском языках получены из-за рубежа. Разрешен провоз Библии через таможню — раньше Вечная Книга была в списке запрещенной к ввозу в нашу страну литературы.

— Вернемся к проекту Закона о свободе совести. Кто над ним работает и в каком состоянии он сейчас находится?

— В соответствии с поручением ЦК КПСС в разработке проекта участвовали Совет по делам религий при Совете Министров СССР, Министерства иностранных дел и юстиции СССР, Прокуратура СССР. Проводились консультации с представителями религиозных организаций практически всех конфессий. Однако рассмотрение предложений, как мне кажется, несколько затянулось, что вызывает недоуменные вопросы и в нашей стране, и за рубежом. Интересно отметить, что один из вариантов проекта был опубликован во Франции, неведомо как попав туда. Любопытно, что эти самые предварительные наброски были расценены как крупный шаг вперед нашего законодательства. Конечно, надо учитывать, что разработка любого нового закона никогда не бывает быстрой. Тем более, что в настоящее время в стране ведется громадная работа по пересмотру многих десятков законодательных норм в контексте создания правового социалистического государства.

— Константин Михайлович, приняв Закон о свободе совести, мы, вероятно, должны будем внести изменения в уголовное и административное законодательство? Ведь сейчас, к примеру, если кто-то попытается создать кружок, где бы обучали основам религии детей, то он тотчас попадает в разряд преступников. Это первое. И второе: о какой свободе совести можно говорить, когда всякое религиозное общество должно получить разрешение на свое существование у государства? Когда уполномоченный даже по личной неприязни может отобрать справку о регистрации у священника? Когда он — как, например, А. Алапаев и В. Урих в Киргизии — может всячески покровительствовать одному, удобному и угодному священнику, и выживать из храма другого, не отвечающего его представлениям о том, каким должен быть служитель культа?

— Уголовное и административное законодательство надо будет изменять, вы правы. Тем более, что уже и сегодня можно с уверенностью говорить о его несовершенстве. Теперь о регистрации — нужна ли она? В том виде, в каком она ныне существует, нет. Она носит сейчас разрешительный характер: учредители общины обращаются в государственные организации с просьбой, а те еще неизвестно как на нее откликнутся. А если община соберется и начнет молиться, не получив регистрации? Нарушение закона! Исполкомовские комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах тотчас поставят посты, перепишут верующих — и, пожалуйста, штраф! Если вы с товарищами соберетесь и будете петь песни, то вам ничего не грозит. Но если вы будете все вместе молиться, не получив на это специальное разрешение,— ждите неприятностей.

Принцип разрешительной регистрации — порочный принцип, от него следует отказаться. Религиозное общество образуется явочным порядком, и его регистрация есть всего-навсего форма признания и учета — таково действительно демократическое решение проблемы. В этом случае отпадает самая необходимость в институте уполномоченных. От кого он, собственно, будет тогда уполномочен? Всем кругом вопросов, связанным с отношениями государства и церкви, должен будет заниматься Совет народных депутатов. Выбранные народом представители и скажут в конфликтных ситуациях свое веское слово. И будут обязаны отчитаться и перед своими верующими избирателями. Вероятно, иным станет и Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Я вижу его в качестве постоянно действующей комиссии Президиума Верховного Совета СССР. Такие же комиссии могут быть созданы и в союзных республиках. Из органа управления, каким сейчас является Совет по делам религий, он превратится в орган народовластия, чьи решения в правовом государстве будут обязательны для всех.

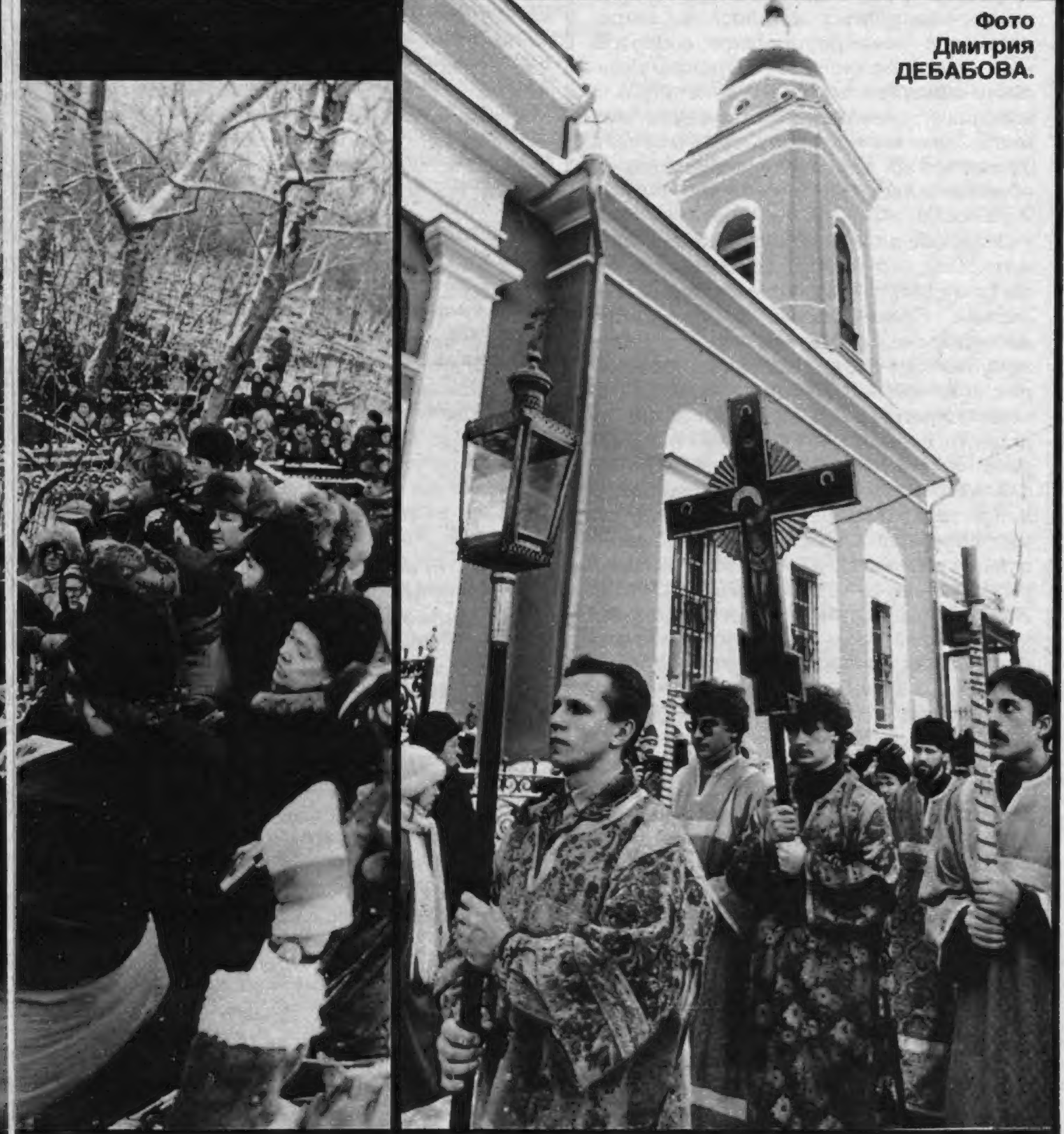

Фото Дмитрия ДЕБАБОВА.

«ЭЛЬДОРАДО» ПОД НОГАМИ МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ ●
ИНФОРМАЦИЯ, А НЕ «ОФИЦИОЗ» ●
БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ ●

■

Мало кому в последние пятьшесть лет уделялось столько внимания в центральной прессе, как Виктору Давыдовичу Столбуну. В восьми из двенадцати статей говорилось, что В. Д. Столбун и его коллектив успешно могут лечить алкоголизм в самой тяжелой стадии и некоторые виды нервных заболеваний. Однако в последних статьях в «Известиях» и в «Медгазете» он был назван шарлатаном, преступником и чуть ли не врагом человечества. Виктор Давыдович и его коллектив уже несколько лет лишены возможности работать.

Снят часовой документальный фильм о работе его группы, об эффективности метода, но и фильм под запретом.

В июне этого года ленинградское телевидение (передача «Телекурьер») предоставило трибуну группе бывших ленинградских алкоголиков, вылеченных Столбуном в тот небольшой период времени, когда ему дали возможность официально работать. Они рассказали, как, избавившись от тяжелейшего недуга, стали счастливыми людьми, их семьи теперь — самые счастливые в городе. Когда ведущая спросила: «Из-за чего же была прекращена работа Столбуна?»,— последовал ответ, что тому препятствовала большая группа ленинградских наркологов из чувства профессиональной зависти.

Работники ТВ предполагали, что заинтересованные стороны, включая противную, то есть официальную медицину, продолжат открытый разговор, в результате которого будет, наконец, высказано четкое суждение о работе группы В. Д. Столбуна. Однако противная сторона поступила, как видно, иначе.

Прокуратура РСФСР завела следственное дело, которое было прекращено за отсутствием состава преступления. Тем не менее Прокуратура СССР это решение не утвердила.

Гонения на Столбуна и его метод начались еще в застойные годы. Приемы применяются самые варварские. Противники в медицинском мире высокопоставленные, у них много возможностей отравить человеку жизнь. Мы уже наблюдали такое.

И сегодня чиновные амбиции в который раз торжествуют над здравым смыслом, а в жертву приносятся сотни и тысячи людей, которые могли бы быть вылечены от тяжких недугов. Доколе?

Ольга КУЧКИНА,
Эдуард УСПЕНСКИЙ,
Ярослав ГОЛОВАНОВ,
Геннадий ГЛАДКОВ

■

В последние годы много пишется и говорится о перегруженности врачей из-за написания различной документации, несовершенство которой заставляет постоянно дублировать различные заключения, положения и прочее. Так, только клинический диагноз на одного стационарного больного повторяется минимум девять — двенадцать раз (четыре — шесть раз в медицинской карте больного, два раза в больничном листке и по одному разу в статистической карте амбулаторного больного, выписке из медицинской карты стационарного больного, выдаваемой ему на руки после выписки, и еще в других утвержденных формах).

В дневниках медицинской карты стационарного больного необходимо ежедневно или через день делать записи о состоянии больного и назначенном лечении. Эти же назначения дублируются в лист назначения, с которым работают медицинские сестры и после выписки вклеивают в карту стационарного больного.

Зачем в двух экземплярах писать протокол операции? Не достаточно ли было бы указать только название выполненной операции и отклонения от принятой методики? И только в медицинской карте больного. Зачем переписывать протокол операции в операционный журнал?

Таких примеров бессмысленной писанины можно привести великое множество. В итоге страдает больной и растет армия врачей-писарей.

Б. ВЕДЕНКО,
кандидат медицинских наук
Винница

■

Давно пора печатать в газетах не светскую хронику — кто кого встречал (провожал) на аэродроме, а советскую — за что голосовал избранный мной депутат, какую инициативу поддерживал, против чего возражал?

Необходимо лишить анонимности понятие «Советская власть», а то, выступая против какого-либо спускаемого сверху решения неизвестного автора, чувствуешь себя «антисоветчиком».

В свое время Петроградский Совет постановил произвести похороны жертв революции на Дворцовой площади. Архитектор Руднев запроектировал мемориал вокруг Александрийского столпа, и только активные возражения со стороны двух «антисоветчиков» Горького и Луначарского решили дело в пользу Марсова поля. С тех пор сколько раз недоставало Горького и Луначарского в Ленинградском Совете?

Полагаю, каждый избиратель обязан знать, за что выступает его депутат по любому голосуемому вопросу, и если направление деятельности депутата, либо его пассивность не соответствуют чаяниям избирателя, добиваться отзыва.

В. МЕЛЬНИКОВ
Ленинград

■

Удивительное дело, как где-то «у них» намечается подорожание каких-то предметов или услуг на 2—3 процента, так наша печать незамедлительно нас об этом информирует: вот, мол, смотрите, как «у них» худо.

Между тем за какие-то десять — пятнадцать лет наше Министерство связи повысило плату за установку телефона (было 25 рублей, стало 120), и об этом мы помалкиваем. Но ведь на этом не кончилось. Сейчас министерство готовит новые сюрпризы, дабы увеличить свои доходы: намечает установку счетчиков и прочие новшества. За наш счет, разумеется.

И почему-то министерство никак не хочет замечать настоящее «Эльдорадо» под своими ногами, под носом — так точнее. А именно — установку новых телефонов. Ведь мы, стыд головушке, одна из самых отсталых стран в мире по количеству телефонов на тысячу человек — 99 аппаратов.

И пусть наше министерство не «догоняет и перегоняет» США — там 760 аппаратов на тысячу жителей. Бог с ней, с Америкой. Пусть хоть сравняется с Новой Зеландией — там 570 аппаратов. Вот на этом наше Министерство связи не только озолотится, но и ликвидирует очереди на установку телефонов.

СЕРГЕЙ МОСИЯШ,
член СП СССР
Кишинев

■

В конце октября в ходе научно-практической конференции «Адвокатура в социалистическом правовом государстве», проходившей в Воронеже, была разработана и единогласно принята резолюция, закрепляющая необходимость создания Ассоциации советских адвокатов. Учредительный съезд решено провести в декабре сего года, в крайнем случае в январе следующего. Но уже живет, действует учредительный Оргкомитет. Как все новорожденные, он нуждается в поддержке и защите, чтобы холодные, все крушащие на своем пути ветры из застойных времен не сгубили его. Ведь не так много нужно, чтобы новое зачахло, деформировалось под напором административно-командных методов и, утратив свое демократическое содержание, превратилось в бюрократического монстра на шее адвокатов или же тихо и незаметно отошло в мир иной. Такая опасность существует: достаточно коротко рассказать об обстоятельствах рождения Оргкомитета.

Эти обстоятельства хоть и драматичны, но напоминают фарс, дешевую пьесу с полудетективным сюжетом. Судите сами: представителям Воронежского отдела юстиции почудилось, будто местные адвокаты при поддержке Московского общественного НИИ судебной защиты решили собрать и провести в их городе подпольный съезд адвокатов, для чего и пригласили представителей всех 162 коллегий адвокатов, существующих в СССР. А ученые-юристы, приглашенные из Института государства и права АН СССР, из Всесоюзного юридического заочного института,— лишь прикрытие мероприятия, ведущего к расколу подчиненных Минюсту юристов. А потому надо немедленно пресечь раскольнические действия новоявленных «оппозиционеров». Очевидно, еще сильна память у местных работников юстиции о нашумевшей в Воронеже в конце 40-х — начале 50-х годов молодежной организации, о которой нам напомнил недавно писатель Анатолий Жигулин в автобиографическом романе «Черные камни».

Председателя Воронежской коллегии адвокатов всеми доступными методами стремились заставить отказаться от «крамольной» идеи. А когда он не внял совету «не выходить на Союз», то есть не придавать конференции воронежских адвокатов статус союзного мероприятия, в ход пошел «прессинг по всему полю»: отдел юстиции разослал всем приглашенным коллегиям телеграммы о том, что конференция отменяется. И многие, поверив этому, сдали билеты. Кроме того, была аннулирована бронь в гостинице для прибывающих гостей. Дошло до того, что воронежские адвокаты готовились разместить прибывших у себя дома — не ночевать же людям на вокзале. Снятый на два дня зал в Доме профсоюзов вдруг оказался занят, как и все залы Воронежа. Несмотря на достигнутое ранее соглашение с судьями не назначать на пятницу, 28 октября, дела с участием адвокатов, все суды Воронежа и области назначили именно такие дела, а в юридические консультации поступили не сулящие ничего хорошего телеграммы с грозным указанием «не являться в центр».

Остается лишь подивиться, что такой административно-бюрократический произвол, топчущий и Конституцию СССР, и законодательство об адвокатуре, возможен в наши дни. Трудно было бы поверить рассказам о подобном беззаконии, да еще после XIX Всесоюзной конференции КПСС, если бы я сам не оказался в гуще этих событий, прибыв в качестве представителя кафедры уголовного процесса ВЮЗИ, чтобы выступить с докладом о проблемах совершенствования уровня юридической помощи по уголовным делам.

Бесспорно, советская адвокатура переживает трудные дни: ее авторитет крайне низок в обществе. Людям необходима сильная, смелая, независимая адвокатура, способная эффективно отстаивать права и интересы граждан. Этому и будет служить Ассоциация советских адвокатов. Рецидив прошлых командно-административных методов вмешательства в ход демократических процессов в нашем обществе — еще одно тревожное напоминание о хрупкости ростков нового, о необходимости сплочения сторонников перестройки и укрепления правовых основ демократии.

А. Г. ТОРЯННИКОВ,
кандидат юридических наук
Ульяновск

■

Наш город богат историческими и культурными традициями. На сцене филармонии играли Д. Ойстрах и Эмиль Гилельс, пели Зара Долуханова и Белла Руденко. С этой сцены дарили свое мастерство и с любовью принимались Л. Исакадзе, Г. Кремер, В. Третьяков, В. Горностаева, А. Наседкин и многие другие выдающиеся музыканты. В городе работала «Маленькая филармония школьника», проводились концерты для детей и юношества, для учащихся ПТУ, высших и средних учебных заведений. Встречи с коллективами и отдельными исполнителями Херсонской филармонии в городе ждали как события.

Сегодня эти прекрасные традиции похоронены. Молчит пресса, телевидение, радио. И в результате равнодушия возникают центры бескультурья, бездуховности, сомнительные коллективы, заполонившие кон-

цертные площадки, проповедуют музыкальное убожество.

45-й сезон мы встречаем в развалившемся здании дореволюционной постройки. 180 сотрудников филармонии не имеют помещения для работы. В Херсоне сегодня нет ни одного помещения, хотя бы элементарно отвечающего требованиям для проведения филармонической работы.

С 1985 года здание концертного зала решением облисполкома закрыто, как аварийное. На собственный страх и риск артисты и административный персонал продолжают работать в аварийном помещении. В любой момент может произойти несчастный случай! В мае 1987 года обвалилась большая стена в коридоре, завалив вход в репетиционный класс, но филармония продолжала работать, музыка звучала среди руин.

Для репетиционной работы лауреата Республиканского конкурса камерного оркестра «Гилэя» (состав — 24 чел.), фольклорного ансамбля «Золотые ключи» (17 чел.), 4 эстрадных коллективов (35 чел.), лектория, филармонических групп, в составе которых заслуженные артисты республики, лауреаты республиканских и всесоюзных конкурсов, а также для гастрольных коллективов имеется один-единственный репетиционный класс площадью 20 квадратных метров. Это мешает плодотворно работать, в сырости и холоде подрывается здоровье людей. Многие талантливые люди, кем гордился город, уехали, не выдержав тяжелых условий.

В то же время в городе строятся административные здания, новые здания райкома партии и Дома политпросвещения, которые и сегодня находятся в добротных зданиях.

Строительство нового концертного зала филармонии запланировано лишь на 1995 год.

Если мы не сумеем сообща добиться пересмотра этих решений, то отдадим и город, в котором проживает около 500 тысяч человек, «местным менеджерам» с ограниченным интеллектом, не сумеем поставить заслон хамству, дилетантству и потеряем целое поколение молодых. Наш город своей историей и трудом заслуживает иметь и симфонический оркестр, и органный зал.

ВЛАСОВА, ИСАЕВА, НАНЧЕВА
(всего 39 подписей)
Херсон

■

Прочитал в № 45 «Огонька» беседу с М. Шатровым, в которой драматург предложил провести общественный суд над И. В. Сталиным. Предлагая общественный суд, Шатров исходит из того, что, поскольку Сталин умер, судить его настоящим судом в уголовном порядке нельзя. На самом деле это не так. Если мы обратимся к нашему уголовно-процессуальному законодательству, то в статье 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ее повторяют ст. 5 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) сказано: «Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению:

8) в отношении умершего; за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего или возобновления дел в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам».

Осудить действия Сталина в уголовном порядке необходимо, чтобы дать правовую основу для пересмотра дел репрессированных по его указанию лиц. Кроме того, оно лишит возможности людей типа бывшего прокурора Шеховцова поднимать вопрос о защите чести и достоинства Сталина, ссылаясь при этом на презумпцию невиновности, поскольку преступления Сталина не установлены в уголовном порядке.

Рассмотреть такое дело, учитывая прошлое положение Сталина, мог бы специальный состав Верховного Суда СССР.

Е. А. ПРЯНИШНИКОВ
Москва

■

Начальник отдела распространения печати Минсвязи СССР В. М. Пронин уже давно в «Комсомольской правде» оповестил о том, что министерство «Разрешило покупку у населения подержанных газет и еженедельников «для последующей продажи». Разумная мера. Ведь не всякий газетный лист — однодневка. Нередко бывает, что нужным оказывается вчерашний, позавчерашний, а то и более давний номер.

Вооружившись соответствующей информацией, я обошел в Ленинграде десяток газетных киосков, но нигде не слыхали об этом распоряжении. Позвонил в ленинградское ведомство Союзпечати. Там скептически отреагировали на перспективу подобного новшества из-за невозможности, как мне объяснили, проконтролировать куплю-продажу каждого подержанного экземпляра газеты. А если затруднен соответствующий контроль, то это соблазн для злоупотреблений, для обогащения киоскеров нетрудовыми доходами,— сказали мне. Глядишь, вернее — недоглядишь, и заведутся миллионеры.

До каких же пор у нас слово не будет иметь ничего общего с делом? До каких пор благие начальственные предначертания — даже опубликованные в печати,— будут только словами, брошенными на ветер?

С. ОСОВЦОВ,
педагог
Ленинград

■

Издательство политической литературы выпустило в свет 200-тысячным тиражом «Избранные произведения» Н. И. Бухарина. Издание подготовлено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под руководством его директора Г. Л. Смирнова.

Но, к сожалению, научные сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС тт. Л. М. Держицкая, Т. Н. Кузнецова и А. Ю. Ватлин, которые осуществляли «научно-справочную работу», составили «Примечания» в духе застойных лет.

Авторы представляют В. М. Молотова только как «партийного и государственного деятеля», а К. Е. Ворошилова даже как «видного советского государственного и военного деятеля». При изложении биографических данных Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева ограничиваются перечислением фактов их участия в оппозициях. Только в заключении, как дань перестройке, о Каменеве и Зиновьеве написано: «...были незаконно репрессированы. 13 июня 1988 г. пленум Верховного Суда СССР приговор по делу ... отменил». Известна оценка В. И. Ленина в «Письме к съезду» этих трех членов ЦК партии. Он называл их наиболее видными вождями современного ЦК.

Не увидев в деятельности Молотова и Ворошилова ничего плохого, авторы «Примечаний» сумели разглядеть маленькое пятнышко в биографии Ф. Э. Дзержинского: «...в 1918 г. некоторое время занимал ошибочную позицию по вопросу о заключении Брестского мира». А вот об участии Ворошилова в «военной оппозиции» написать, видимо, храбрости не хватило.

В. СМИРНОВ,
член КПСС с 1943 года

■

Читаю очерк специального корреспондента «Огонька» А. Боровика «Как я был солдатом армии США». Читаю с удовольствием, так как на заключительном этапе войны с фашизмом я был пулеметчиком крупнокалиберного пулемета 4-й дивизии (дивизии Зеленого Креста) 7-й американской армии.

Стать солдатом мне было предложено в день освобождения американцами населенного пункта, куда я был угнан в 1942 году на каторжные работы из Полтавской области.

В составе дивизии я принимал участие в боях при форсировании Дуная, взятии городов Аугсбурга, Мюнхена...

Очерк А. Боровика навел меня на мысль: почему бы мне не найти своих американских братьев по оружию? Вместе с ними сделать все возможное, чтобы наши дети никогда не были врагами.

Направляю чудом сохранившиеся адреса солдат 4-й дивизии 7-й американской армии, с которыми я воевал:

Bab Nystrom 510-7th Street Rockford I Ilinois; Richard Fizsimon 90 Killing — Ave Rutland Vermont.

Юджин, Ричард и я с одной боевой машины («джипа»), а Баб с броневика — пулеметчик спаренного крупнокалиберного пулемета. Меня должны помнить многие солдаты нашей части, так как, насколько я помню, русский я был один.

Владимир Терентьевич КУЦ,
ветеран войны и труда,
персональный пенсионер
республиканского значения

■

Монета — всегда кусочек истории государства. Издавна на монетах старались отобразить наиболее важные события жизни любой страны, наиболее памятные даты. Но с каких это пор 160-летие Л. Н. Толстого стало «круглой» датой? Почему выпустили монету к 160-летию, а к 150-летию забыли?

Ответ прост. Каждый юбилейный выпуск приносит Государственному банку доход в несколько миллионов, а то и десятков миллионов рублей, ведь эти монеты стараются отложить себе в коллекцию и наши, и зарубежные коллекционеры. Раз монета положена в коллекцию, значит, ее номинальную стоимость не нужно обеспечивать товаром. Кроме того, монеты продаются в подарочных наборах за повышенную стоимость.

Ничего плохого в самом выпуске таких монет я не вижу. Так поступают все страны. Но ведь отмечают важнейшие события, стараясь прежде всего пропагандировать свою историю, а уж потом получить некоторую прибыль.

В 1977—1978 годах Болгария отмечала 100-летие своего освобождения от турецкого ига, освобождения, которое принесли ей войска России. В Болгарии было выпущено много монет по этому поводу. Отмечалось это событие и у нас, но юбилейный рубль выпущен не был. Зато в 1980 году наше Министерство финансов ни с того ни с сего вдруг выпустило рубль, посвященный советско-болгарской дружбе. Выпуск такой монеты в 1977 или 1978 году был бы вполне понятен, но в 1980 году назвать такой выпуск «юбилейным» никак нельзя.

Наше Министерство финансов выпускает юбилейные рубли, посвященные 115-летиям, 175-летиям, 185-летиям и прочим «полукруглым», «не совсем круглым» и «совсем некруглым» датам, но в то же время забывает отмечать события, имевшие узловое значение для судеб страны. Не удостоено юбилейных рублей 1500-летие Киева (хотя этому посвящена была даже государственная награда — юбилейная медаль), не сочли нужным выпустить юбилейный рубль, посвященный 1000-летию крещения Руси, не выпущен юбилейный рубль, посвященный 600-летию Куликовской битвы...

Создается впечатление, что определяют, какие юбилеи отмечать, люди или абсолютно не знающие истории Родины, или им до своей истории дела нет.

В. ДМИТРЕНКО,
военнослужащий
Львов

■

В 39-м номере «Огонька» помещено письмо капитана дальнего плавания П. Кабанкова о «кровожадных» требованиях к бывшим юнгам, участникам войны.

Курсанты Высших военно-морских училищ, проходившие службу на действующих флотах как на западе, так и на Дальнем Востоке, но воевавшие менее 30 дней, попали под ограничения. Им были выданы «Временные удостоверения участников войны». Для других категорий военнослужащих, рабочих и служащих, находившихся на штатных должностях частей действующей армии (флота), никаких ограничений не установлено. Достаточно одного дня! Кому понадобилась такая дискриминация? При подготовке постановления в спешке «забыли», что существует юридический документ «Корабельный устав Военно-Морского Флота», который приравнивает корабельного курсанта к матросу во всех случаях корабельной жизни и службы. Иначе говоря, приравнивает в правах к штатному личному составу. Как можно игнорировать этот документ? В результате матросам удостоверение "Участник войны» выдали, а курсантам нет. Хотя воевали они на одном боевом корабле, рисковали жизнью одинаково.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года орденами Отечественной войны награждены как активные участники, например официантка штабной столовой, сторож магазина Военторга во Владивостоке, а курсанты, воевавшие на гвардейском корабле,— благодарственной грамотой Верховного Главнокомандующего как не имеющие удостоверения. Причина? Война с Японией продолжалась не 30 дней, как положено, а 26!

Нас, бывших курсантов-моряков, осталось около 500 человек. Многие ушли из жизни, не дождавшись справедливости. И правильно пишет Кабанков: «Как я буду смотреть в глаза пионерам?». Ведь до 1981 года и наши имена находились на стендах боевой славы, мы вели патриотическую работу среди молодежи.

Произвол недопустим даже к одному человеку, а тут в роли «самозванцев» и «просителей» оказались сотни, посвятившие жизнь службе в Вооруженных Силах СССР, многолетней работе в рядах КПСС.

Владимир Болеславович ВОЙТКО
и еще 7 подписей
Москва

Наш адрес:
Москва,
101456, ГСП,
Бумажный проезд, 14

Евгений Дмитриевич Спасский родился в Киеве в 1900 году. За революционную деятельность его родители были высланы на Кавказ. Женя поступил в Тифлисскую школу живописи, ваяния и зодчества при Петербургской академии художеств.

В тревожные годы революции оказался в Омске и Новосибирске. В Омске был посажен в тюрьму и приговорен белыми к смертной казни — по подозрению в шпионаже. Освобожден в день приведения приговора в исполнение по ходатайству одного офицера, который был на выставке Спасского и понимал, что его осуждение несправедливо.

В конце 1919 года художник приехал к родителям в Самару. Ведет изокружок в Пролеткульте, работает в декоративной мастерской военного округа.

1921 год. Москва. Занятия в студии живописи Леблана, Северова и Бакланова. Артистическое кафе, где собираются люди искусства 20-х годов. Получает предложение работать там художником-оформителем — за завтрак, обед и ужин. Принимает его с радостью... Евгений с увлечением познает все живописные течения того времени: «Был футуристом, кубистом и пуантилистом, импрессионистом и супрематистом. Каждое течение что-то давало и оставляло в душе след. Наконец полный отказ от краски. Только форма в дереве, мраморе. Много было сделано, но все время чувствовалось, что это только ветви одного большого дерева... Все это одна грань многогранной пирамиды. Неумолимо влечет к синтезу и искусства, и жизни. И чувствую, что они должны быть слиты в один грандиозный поток».

Искания в живописи привели к мастерам эпохи Возрождения. «Перед Рафаэлем я преклоняюсь, как перед божеством, у Леонардо я учусь»,— говорил Спасский. И, наконец, все увлечения и обретенное мастерство воплощаются 24-летним художником в полотне «Медитация». Эта картина находится в Третьяковской галерее, но пока ни разу не выставлялась. На цветной вкладке «Огонька» вы видите другую картину с тем же названием, написанную годом раньше (медитация — сосредоточенное размышление, глубокое переживание мысли, образа). Борис Пастернак несколько дней держал эту работу у себя и показывал ее близким людям.

Духовные искания и живописные произведения такого плана не давали денежных доходов, приходилось думать о хлебе насущном. И Евгений Дмитриевич зарабатывает себе на существование оформлением декораций в разных театрах, принимает участие в монументальной росписи московских вокзалов и станций метрополитена, Дома пионеров на Басманной. Работал в цирке клоуном, потом 9 лет проработал помощником режиссера театра имени Вахтангова. После ухода из театра занялся реставрацией церквей, чему посвятил четырнадцать лет жизни. Патриарх Алексий приглашал Спасского преподавать живопись в духовной семинарии Загорска. Но художник отказался, так как о христианстве хотел говорить своим, живописным, языком.

Более 600 работ оставил нам художник. Суть своего творчества он формулировал как призыв к зрителю: «Человек, развивайся духовно, не дай поглотить себя мелким суетным потребностям жизни, и тогда ты станешь не разрушителем, а созидателем земли, тогда ты украсишь собой мир».

Евгений Дмитриевич умер в возрасте 85 лет. Он был знаком с Андреем Белым, Игорем Северяниным, Мариной Цветаевой, Константином Бальмонтом... Сегодня мы публикуем воспоминания художника о его дружбе с Давидом Бурлюком и Велимиром Хлебниковым.

Галина КУРЬЯНОВА

ПАЛИТРА

«МЫ БЫЛИ ПОЛНЫ НАДЕЖД...»

Евгений СПАССКИЙ

Писать и говорить о пережитом всегда и тревожно, и очень грустно. Радость несет только будущее. Тогда, естественно, хочется громко крикнуть: давайте нам только светлое, радостное будущее. Вот почему первые футуристы и назвали себя будетлянами, людьми будущего, растущего, солнечного...

Первое знакомство и первая встреча с будетлянами произошла у меня весной 1914 года в Тифлисе. Я был в то время еще гимназистом и учеником школы живописи, ваяния и зодчества, полным задора и исканий. Как губка, впитывал в себя все, что встречалось на пути.

И вдруг, как бомба, влетевшая в окно, так появление на центральной улице троих, тогда еще молодых, ярко и оригинально одетых, медленно прогуливающихся по городу,— Давида Бурлюка, Василия Каменского и Владимира Маяковского, поразило юношеское воображение. Это те, которые несли свежую струю, радость, смелость и бунтарство в искусстве и в жизни. У меня появились новые, необычайные книги и брошюры, ярко иллюстрированные Бурлюками, Владимиром и Давидом; новые слова и новые мысли...

...В кафе поэтов в Настасьинском переулке я встретился и познакомился со многими художниками, поэтами и артистами. Все мы были молоды и полны надежд...

С Давидом Бурлюком, как с художником, собратом по профессии, я подружился больше всего; у нас созрел план летней совместной работы и осенней поездки по восточной России с выставкой картин, докладами о новом искусстве и поэзоконцертами.

Давид Давыдович, или, как он впоследствии просил называть его, Додя, пригласил меня к себе на все лето в татарскую глухую деревню близ Бугульмы, где жила постоянно его семья: жена Мария Никифоровна и два сына.

Бузняк — это большое село с высившейся в центре мечетью и большой базарной площадью. Очень пыльное летом и непроходимое осенью от невероятной грязи, вязкой и скользкой.

Додя снимал отдельный, большой, деревянный дом, крестьянского типа. Дом был добротный, с застекленной галереей и крылечком во двор. На улицу же выходило два небольших окна большой комнаты-кухни, где стоял наш обеденный стол. Громадная русская печка, в которой пекла хлеб на всю семью его сестра Марианна, атлетического телосложения, страшной силы, как почти все из рода Бурлюков. Она каждую неделю, засучив рукава, с большой легкостью вымешивала целую кадку ржаного, заварного теста и, приготовив печь, длинной лопатой забрасывала туда поднявшиеся лепешки. Хлеб получался удивительно вкусный...

У Доди в сенях был завал подрамников и холстов и, кроме того, стоял книжный шкаф, специально отведенный для красок. Он закупал краски ящиками, больше писал мастихином, накладывая толстые, друг на друга, слои красок. В красках он был ненасытным, и после каждого этюда на месте работы оставались десятки пустых тюбиков, но он их собирал и переплавлял в печке — для продажи. И охотно покупали это у него местные жители для лужения медной посуды. Писал он, кроме пейзажей, и портреты и еще осуществил свою мечту в то лето, написал большую картину «Куликовская битва». Когда он ее всю прописал, добавляя в краски мед, повесил на кухне около печки, где было невероятное количество мух. Сравнительно скоро мухи покрыли весь холст, наподобие липкой бумаги, и Додя ходил счастливый около этого холста и говорил: «Вот это будет фактурка». А затем, взяв кисть, прописал все прямо по высохшим мухам. Фактура действительно получилась оригинальная. Так за лето была подготовлена выставка.

Всё, и картины, и необходимый материал, упаковав в ящики, мы тронулись в путь. Но мне надо было по дороге заехать домой, чтобы взять костюм для концертов. Так что я, уехав один, догнал Додю в Омске, где мы пробыли недели две, дав несколько поэзоконцертов в помещении Политехнического института, в котором была открыта и выставка картин.

Бурлюк отличался невероятной энергией. Через час после приезда в город он находил помещение для выставки и концертов. В тот же день давал в местную газету статью о футуризме. Вечером мы развешивали картины, и в 10 часов утра был вернисаж. Причем мы с утра и до 12 часов дня, надев свои пестрые жилеты, гуляли по городу, привлекая тем самым большую толпу народа. Около часа дня мы возвращались на выставку с шумной толпой.

Вход на выставку всегда был бесплатный, но начиналась бойкая продажа программок и книг. Поднимался страшный шум от недоумения перед футурокартинами, и обычно нас просили и с интересом, а часто и с возмущением дать пояснение картинам. Тогда Додя обращался ко мне и просил сказать несколько слов о новом течении в искусстве и объяснить непонятное. Но, как только я кончал говорить, он тотчас появлялся рядом со мной со шляпой в руке и, обходя всех, говорил: «Всякий труд должен быть оплачиваем», и шутя собирал порядочную сумму.

Концерты и выставки проходили очень шумно. К вечернему концерту я на щеке Бурлюку рисовал рыбу, а он мне собаку, и, вставив в петлицы деревянные лодки, мы шли на концерт.

После короткого и сочного доклада Доди, а говорить он умел и образно, и остроумно, мы читали нараспев стихи: он — свои, В. Каменского, Маяковского, а я начинал с Северянина, потом — Маяковского «Наш марш», из поэмы «Человек» и «Облако в штанах», Хлебникова «Крылышкуя золотописьмом...».

Слушали все очень внимательно, но реагировали всегда так шумно, что, казалось, зрительный зал начинал колебаться и вот-вот развалится от крика, аплодисментов и свиста. Публика четко делилась на два лагеря — принимающих и возмущенных. Нас почти выносили на руках из зала на улицу.

На выставках, кроме программок и книг, продавались и картины, Бурлюк чуть ли не в каждом городе продавал «портрет моего дяди». Он делал его быстро в гостинице, вклеивая куски газеты в разорванное углами лицо, имеющее три глаза, два носа и так далее. Сам я относился к исканиям новых форм очень серьезно, и подобное легкомысленное отношение Доди меня немного шокировало. Додя был превосходный администратор и опытный оратор с большим юмором. С ним всегда было легко и просто. Человек удивительной душевной мягкости и большого всепобеждающего сердца. Я никогда не видел его сердитым или раздраженным. Он все умел перевести на юмор, на улыбку. Это ему очень помогало и в общественной, и в семейной жизни.

После одного из концертов, собирая и укладывая картины в ящики, он мне сказал, что собирается ехать дальше, в Японию и Америку, и предложил мне все обдумать в трехдневный срок и дать ему ответ, поеду ли я дальше с ним или нет. Я решительно отказался, простился и поехал назад, в Москву.

Картины и рисунки мои он просил оставить, чтобы не оголять выставку, и обещал после продажи выслать мне причитающиеся за них деньги. Я знаю, что он все их продал, так как получил от него из Нью-Йорка письмо, в котором он писал: «Картины Ваши продал, я Ваш должник». Но, к сожалению, он так и остался моим должником...

И опять я ушел в работу, запершись в своей комнате, превращенной в мастерскую, где со стен свешивались занавески и зеркала для изучения законов освещения. Так всю зиму я проработал, питаясь одной картошкой.

В 1922 году, в декабре месяце, встречаю в Москве Велимира Хлебникова, с которым познакомился еще в 1917 году. Его тоже эти годы не было в Москве. Он любил путешествовать и только что вернулся из Персии. Привез с собою, или, вернее, на себе, пестрые, коврового рисунка штаны, сшитые из шерстяной ткани, которые ему кто-то подарил. Здесь его быстро одели друзья в светлый, серовато-голубого цвета костюм, который по размеру был на два номера больше и поэтому висел на нем, как на вешалке, но он, как мне казалось, чувствовал себя в нем хорошо.

И вот передо мной стоял, с кроткими и небесно-ясными глазами, Велимир. Кто близко знал Хлебникова, не мог не запомнить на всю жизнь его глаз, всегда глядящих в бесконечную даль, живущих не здесь, не этим миром, а где-то там, в необозримых космических пространствах. Иногда он словно пробуждался и смотрел на тебя, но всегда мягким, ласковым и полным любви взглядом. Глядя в эти чистые лазурные глаза, и тебе становилось светло, легко и весело, по-детски все просто и ясно, все трудности и неприятности житейские покидали тебя. Да, забыть эти глаза невозможно...

Е. Д. СПАССКИЙ. 1900—1985.
НАТЮРМОРТ. 1983.

АВТОПОРТРЕТ С ЦИРКУЛЕМ. 1938.

Итак, встретились мы на каком-то вечере во ВХУТЕМАСе. Он очень обрадовался, лицо засветилось ласковой улыбкой. Коротко рассказал о себе, о своих путешествиях. Прощаясь, сказал, что очень хочет повидаться со мной и поговорить, но не здесь, в шумной толпе. Неловко и смущенно сунул мне на прощание руку и пошел, чуть сутулый, большой, осторожный, своей мягкой походкой, словно боясь когонибудь толкнуть или обидеть. Он не ходил, а скорее скользил по земле, слегка ее касаясь, весь внимательный, всегда прислушивающийся к чему-то, неся свой внутренний мир. И тут же на вечере, не помню кто, но кто-то из молодых поэтов, видя, что я разговариваю с Хлебниковым, подошел ко мне и сказал, что трудно сейчас бедному Велимиру: живет неустроенный, ночует в коридоре студенческого общежития ВХУТЕМАСа на Мясницкой улице — в доме, в котором жил и я. У меня тотчас появилась мысль предложить ему переехать ко мне, тем более что я жил один, и он, поскольку я знал его, был деликатнейший человек, мне не мог бы помешать работать...

Он очень охотно и с большой радостью принял мое предложение и с поспешностью в тот же вечер перебрался в мою квартиру.

У меня была комната с большим итальянским окном. Мебель не очень изысканная, но было все, что необходимо, и ничего лишнего: столик, две табуретки, мольберт и соседское кресло, удобное для размышлений и отдыха, старенький диван, на котором спал я, и напротив поставили железную кровать с матрацем для Велимира. Единственное богатство мое составлял небольшой кавказский ковер, полученный мной в наследство, которым я и закрыл матрац на кровати, так как одеяла лишнего у меня не было, не было его и у Велимира.

Так началась совместная наша трудовая жизнь. Главное, что обоим было и хорошо, и спокойно. Все имущество Велимира составлял белый узелок, с которым под мышкой он и пришел. С большой любовью и осторожностью он его развязал, вынул оттуда чернильницу, ручку и большую пачку неаккуратно, вернее, довольно беспорядочно сложенных листков бумаги — как чистых, так и испещренных мелким, бисерным почерком в разных направлениях. Чернильницу и ручку он пристроил на табуретке, пододвинул ее к своей кровати, а все листки бумаги с поспешностью были брошены под кровать, откуда они извлекались по мере надобности. Причем, как он в этом хаотичном хозяйстве разбирался и находил то, что ему нужно, непонятно.

Работал он быстро, стихийно, нервно и всегда словно прислушиваясь к витающим вокруг него мыс-

МЕДИТАЦИЯ.
1923.

лям и словам. Каждое утро, напившись чаю, устраивались мы по своим углам, я пододвигал мольберт, а Велимир — свой столик с бумагой и чернилами. Он, как всегда, работал порывами: то он быстро и мелко исписывал листик бумаги, потом с такой же быстротой и уверенностью все перечеркивал. Иногда сминал написанное и бросал под кровать. После этого молниеносно ложился, подтянув к себе колени, натягивая шубу, которая лежала тут же, закрывался и затихал, но ненадолго. Минут через 10—15 шуба откидывалась в сторону, он энергично бросался под кровать, и тут начинались поиски. Из-под кровати во все стороны летели исписанные листочки, покрывая, как снег, весь пол. То вдруг он замирал, стоя на коленях или сидя на полу, и внимательно вглядывался в найденную бумажечку. То снова бросал ее в сторону и продолжал искать еще и еще, пока наконец не находил нужное, мучившее его. Тогда поспешно вставал и с ожесточением все остальное забрасывал ногой под кровать. А найденный им листочек бережно расправлял и укладывал перед собой на столике, причем на лице появлялась блаженная улыбка удовлетворения, и по улыбке всегда было видно, что он нашел нужное.

И опять наступала тишина, и — сосредоточенное, внимательное вглядывание через окно в безграничное небо, такое же светлое и ясное, как его глаза.

Бывало и так: в любой час среди ночи он так же стремительно соскакивал, словно боясь потерять пойманное слово. Хватался за ручку и замирал над столом с бумагой. Просиживал, погруженный в свои мысли, 15—20 минут, вновь исчезал под пальто с головой и затихал. В одну из таких ночей я успел сделать с него набросок, который и находится сейчас в Литературном музее в Москве.

Часто к нам прилетали воробьи или синички и садились на оконную раму. Это всегда приводило Велимира в неописуемый восторг. Большие голубые ликующие глаза с детской восторженностью и любовью смотрели на птицу, и невольно вырывались у него какие-то неподражаемые звуки радости и счастья.

Он любил мир, мир растительный и мир животный, любил безгранично, всем своим существом. Он понимал язык мира. Он понимал и читал, как раскрытую книгу, затейливые народные узоры на коврах... Любил и рассказывал смысл каждого завитка, каждого коврового орнамента, рисуя перед собой картину жизни: здесь поле, здесь лес с животными и птицами, а здесь река и рыбы.

Днем мы говорили мало, стараясь не мешать друг другу работать. Вечера часто проводили вместе у кого-нибудь из друзей Велимира — хороших, простых и милых друзей, любящих искусство.

В гостях Велимира почти всегда просили читать свои стихи, и он никогда не отказывался. Читал он своеобразно: скороговоркой, негромко, как бы выстреливая фразами, застенчиво улыбаясь, словно сам конфузясь своего собственного голоса.

Он был удивительный бессребреник, и деньги у него долго не задерживались. Как-то, помню, раз он вернулся часов в восемь вечера очень веселый, с полными руками покупок. Выяснилось, что он только что получил какие-то деньги за напечатанные стихи и сейчас же накупил всякого угощения.

Очень молчаливый и скрытный, он ко мне привык и делился со мной всеми своими переживаниями, и хорошими, и грустными. Вспоминаю, как он однажды таинственно вытащил из внутреннего правого кармана пиджака какую-то бумагу, бережно сложенную, и с сияющим лицом показал мне. Это было удостоверение личности, выданное за подписью наркома просвещения А. Луначарского,— с просьбой всем оказывать помощь и содействие поэту В. Хлебникову.

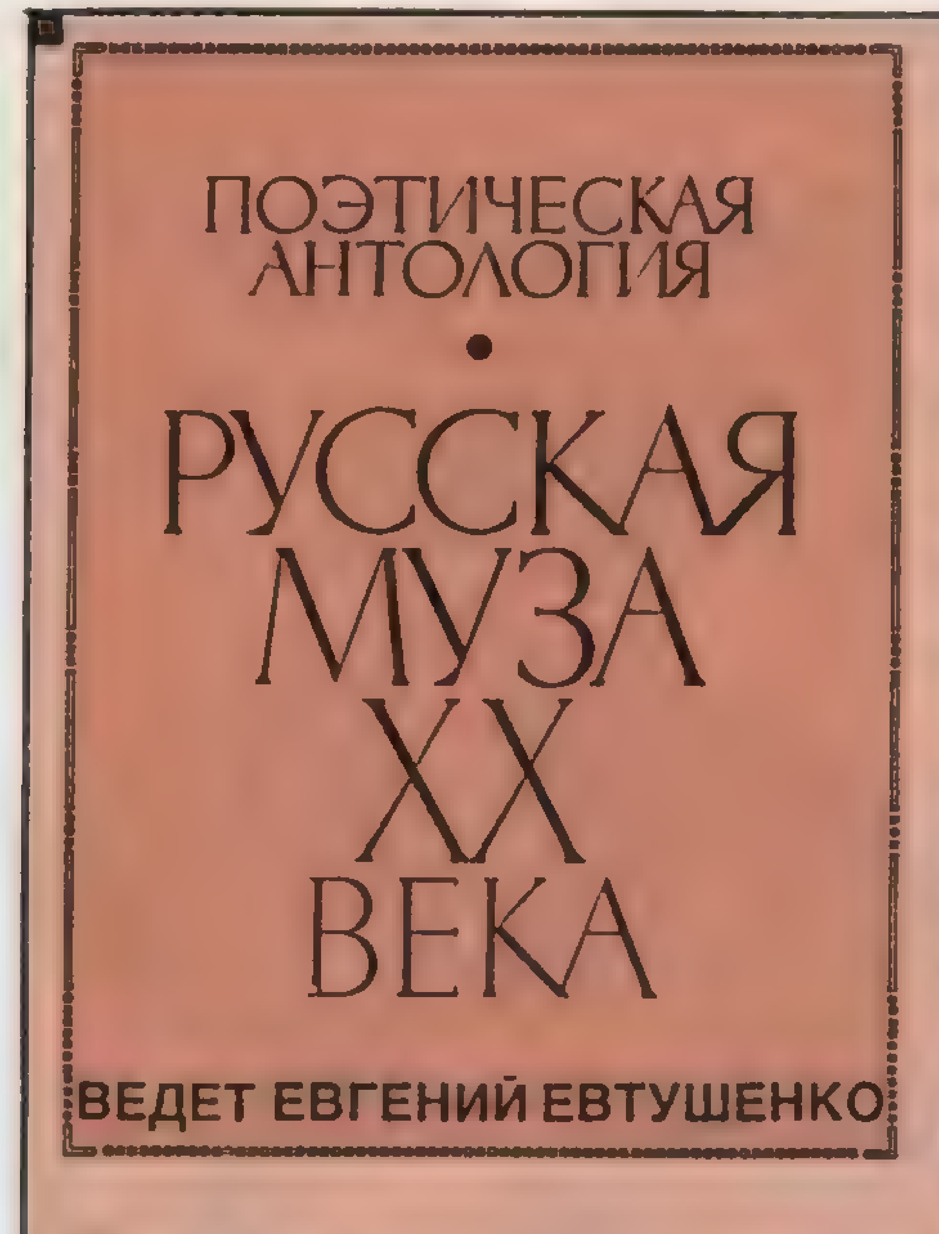
Так жили мы дружно и мирно, но иногда нарушала наш покой его лихорадка, страшная тропическая лихорадка, которую он привез из Персии. Тогда он наваливал на себя все что возможно, но его так трясло, что кровать под ним начинала двигаться. Приступы бывали редки, но сил у него это забирало много...

И несмотря на все трудности, болезнь и подчас недоедание, мы любили жизнь. Это была интересная пора, когда опрокидывались все прежние представления, переоценивались все ценности: футуристы, супрематисты, имажинисты, экспрессионисты и так далее, «все промелькнули перед нами, все побывали тут». И не было конца различным направлениям, но одно было ясно, что начинается новый век, новая жизнь...

Москва, 1966 год

«СЕ ЧЕЛОВЕК»,
ИЛИ ГОЛОВА ХРИСТА.
1973.

Сергей НАРОВЧАТОВ

(1919—1981)

В 1937 году поступил в МИФЛИ. В 1939 году ушел добровольцем на финскую войну. В 1941-м окончил и МИФЛИ, и Литинститут. Первые стихи опубликовал тоже в 1941-м. Снова уйдя добровольцем на фронт, выбирался из окружения по белорусским лесам вместе с Лукониным (это описано Лукониным в поэме «Дорога к миру»). После начала «холодной войны» написал ставшее знаменитым стихотворение «Костер», обращенное к бывшему союзнику — Джонни Смиту. Заглавие стихотворения дало название первой книге Наровчатова (1948). Она была написана на уровне высокой поэтической культуры: «Поэзия! Когда б на свете белом я так бы бредил женщиной земной... Как беспредельность связана с пределом, так ты, наверно, связана со мной!» Наровчатова стали «тянуть» по официальной комсомольской линии. Он этого не выдержал, поломал начинавшуюся «головокружительную карьеру». Наровчатову я навеки обязан тем, что он написал первую внутреннюю положительную рецензию на мою первую книжку в 1952 году. Наровчатов неожиданно официально взлетел, критиковал поэтов нашего поколения, назвав их «лейбкампанцами». Он затем стал первым секретарем Московской писательской организации, где вел себя не слишком отважно, идя на поводу у тех, кто диктовал ему линию поведения. Однако став затем редактором «Нового мира», Наровчатов напечатал там несколько замечательных, написанных с тыняновской силой исторических произведений в прозе. После затяжного кризиса он создал и свой прощальный поэтический шедевр «Зеленые дворы». Мы явственно слышим вздох самого Наровчатова «Тяжко на Москве». Именно это и было содержанием его предсмертного, последнего вздоха.

ВОЛЧОНОК

Я домой притащил волчонка.
Он испуганно в угол взглянул,
Где дружили баян и чечетка
С неушедшими в караул.

Я прикрикнул на них: «Кончайте!»
Накормил, отогрел, уложил
И шинелью чужое несчастье
От счастливых друзей укрыл.

Стал рассказывать глупые сказки,
Сам придумывал их на ходу,
Чтоб хоть раз взглянул без опаски,
Чтоб на миг позабыл беду.

Но не верит словам привета...
Не навечно ли выжгли взгляд
Черный пепел варшавского гетто,
Катакомб сладковатый смрад?

Он узнал, как бессудной ночью
Правит суд немецкий свинец,
Оттого и смотрит по-волчьи
Семилетний этот птенец.

Все видавший на белом свете,
Изболевшей склоняюсь душой
Перед вами, еврейские дети,
Искалеченные войной...

Засыпает усталый волчонок,
Под шинелью свернувшись в клубок,
Про котов не дослушав ученых,
Про доверчивый колобок.

Без семьи, без родных,
без народа...
Стань же мальчику в черный год
Ближе близких, советская рота,
Вместе с ротой — советский народ!

И сегодня, у стен Пултуска,
Пусть в сердцах сольются навек
Оба слова — еврей и русский —
В слове радостном — человек!

Январь 1945
Польша

В ТЕ ГОДЫ

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов,
По горестной, по русской,
по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням
равный,
Я села, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням
верный,
Слова старинные я повторял,
скорбя:
— Россия, мати! Свете мой
безмерный,
Которой местью мстить мне за тебя?

1941

* * *

Ни у кого и ни за что не спросим
Про то, что не расскажем никому...
Но кажутся кривые сучья сосен
Застывшими «зачем» и «почему».

И снова ночь. И зимний ветер снова.
Дорога непокорная узка...
О, смертная и древняя, как
«Слово»,
Как Игорь и как половцы, тоска!

1940

Михаил ЛЬВОВ

(1916—1987)

Родился в Башкирии, жил в Челябинске. В сорок первом году окончил Литинститут, ушел на фронт. Лучшая книга Львова — «Мои товарищи» (1945). В моей поэтической юности я всю ее знал наизусть. Львов сказал о двадцатом веке так: «Мне от него ни сердца, ни глаза, как руку от железа в стужу, без крови оторвать нельзя». Он оставил несколько раз и навсегда запоминающихся поэтических афоризмов.

* * *

Чтоб стать мужчиной — мало им
родиться,
Как стать железом — мало быть
рудой:
Ты должен переплавиться.
Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
. . . .
Готовность к смерти —
тоже ведь оружье.
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1941—1943

ВСТРЕЧА

Год сорок пятый. В красках летних
Базар на станции «Смоленск».
Несут и хлеб, и кур последних
Колхозницы из ближних мест.
Как говорится, «Сельский пояс» —
И соответственный товар...
Остановился дальний поезд,
И Сталин видит тот базар.
Давно он не был на народе —
Увидеть здесь его хотя б.
— Почем вы хлеб тут продаете?! —
Спросил с улыбкою у баб.
А те — дышать-то перестали
Куда бы он ни сделал шаг:
— Не продаем, товарищ Сталин,
Не продаем — берите так!..
Не говорят — твердят упрямо:
— Берите так, не продаем...
Тогда он ехал из Потсдама
В отдельном поезде своем,
Велик, непогрешим, кристален...
Держа в руках мильоны воль.
Одно не знал товарищ Сталин,
Почем в России хлеб и соль...

1956

Вероника ТУШНОВА

(1915—1965)

Родилась в профессорской семье, в Казани. Училась в Ленинградском мединституте. В годы Великой Отечественной работала медсестрой и врачом в эвакогоспиталях Москвы и Казани. В 1945-м вышел сборник «Первая книга». Тушнову тепло приняла семья фронтовых поэтов, взлелеянная Антокольским. Она была в этой семье равным другом, самоотверженным и преданным. Последние годы Тушновой были для нее многострадальны, но, как это бывает, плодотворны в поэтической работе.

КАПИТАНЫ

Не ведется в доме разговоров
про давно минувшие дела,
желтый снимок — пароход
«Суворов» —
выцветает в ящике стола.
Попытаюсь все-таки вглядеться
пристальней в туман минувших лет,
увидать далекий город детства,
где родились мой отец и дед.

Утро шло и мглою к горлу липло,
салом шелестело по бортам...
Кашлял продолжительно и хрипло
досиня багровый капитан.
Докурив, в карманы руки прятал
и в белесом мареве зари
всматривался в узенький фарватер
Волги, обмелевшей у Твери.

...И возникал перед глазами
причал на стынущей воде
и домик в городе Казани,
в адмиралтейской слободе.
Судьбу бродяжью проклиная,
он ждет — скорей бы ледостав...
Но сам не свой в начале мая,
когда вода растет в кустах
и подступает к трем оконцам
в густых гераневых огнях
и, ослепленный мир обняв,
весь день роскошествует солнце;
когда прозрачен лед небес,
а лед земной тяжел и порист,
и в синем пламени по пояс
бредет красно-лиловый лес...
Горчащий дух набрякших почек,
колючий, клейкий, спиртовой,
и запах просмоленных бочек
и дегтя... и десятки прочих
тяжеловесною волной
текут с причалов, с неба,
с Волги,
туманя кровь, сбивая с ног,
и в мир вторгается свисток,
привычный, хрипловатый, долгий...
Волны медлительный разбег
на камни расстилает пену,
и осточертевают стены,
и дом бросает человек...
С трехлетним черноглазым сыном
стоит на берегу жена...
Даль будто бы растворена,
расплавлена в сиянье синем.
Гремят булыжником ободья
тяжелых кованых телег...
А пароход — как первый снег,
как лебедь в блеске половодья...
Пар вырывается свистя,
лениво шлепаются плицы...
...Почти полсотни лет спустя
такое утро сыну снится.
Проснувшись, он к рулю идет,
не видя волн беспечной пляски,
и вниз уводит пароход
защитной, пасмурной окраски.
Бегут домишки по пятам,
и, бакен огибая круто,
отцовский домик капитан
как будто видит на минуту.
Но со штурвала своего
потом уже не сводит взгляда,
и на ресницах у него
тяжелый пепел Сталинграда.

Сергей ОРЛОВ

(1921—1977)

Родился на Вологодчине. В 1941—1944 годах танкист на Волховском и Ленинградском фронтах. Лицо Орлова было обожжено раскаленным дыханием этой проклятой войны. У него были строки о таком своем двойнике, от чего лица люди невольно отводят глаза. Но Орлов напоминает им, что этот человек шел к победе, «чтобы она была такая: взглянуть — и глаз не отвести!». О тяжести войны, когда устают даже танки, Орлов писал так: «Пускай машина остывает. Мы все перенесем с тобой — мы люди, а она — стальная...» Знаменитое стихотворение Орлова «Его зарыли в шар земной» антологично по всем своим качествам.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Встреча,
отчет о которой мы сегодня публикуем,
состоялась
в первых числах ноября.
Она проводилась по инициативе «Огонька»
и американского журнала «Совьет экономи».
Что вы думаете о ходе политической
и экономической реформ?
Каково, на ваш взгляд,
соотношение сил в борьбе
за общественное обновление?
Кто или что мешает движению
советского общества по пути перестройки?
Что необходимо предпринять,
чтобы это движение обрело черты
необратимости, стало условием
и гарантией подлинной демократизации
во всех сферах жизни,
вывело СССР на рельсы
здоровой и эффективной экономики?
Вокруг этих вопросов
развернулась
дискуссия американских
и советских специалистов.
Еще совсем недавно такой разговор
был невозможен. Великая стена
на широком фундаменте
политических предрассудков,
идеологических регламентаций,
пропагандистских стереотипов
разделяла их и нас.
Перестройка расшатала эту стену,
пробила в ней первые бреши,
вывела политическую мысль
на тот не засоренный догмами простор,
что так необходим сегодня
обеим сторонам
для осознания своей и общей судьбы.
Некоторые точки зрения участников
дискуссии были далеко не бесспорны,
иные не лишены крайностей,
но обоюдное беспокойство за исход дела,
начатого в апреле 1985-го,
стремление честно и беспристрастно
оценить первые результаты,
духовно напряженный поиск
«дороги, ведущей к храму» —
этим была отмечена дискуссия.

С американской стороны
в ней приняли участие:

Виктор Винстон,
президент компании
«Виктор ВИНСТОН и сыновья»,
издатель, советолог;
Эдвард ХЬЮЭТ,
главный редактор журнала
«Совьет экономи»;
Стивен КОЭН,
профессор Принстонского университета;
Грегори МАССЕЛ,
профессор колледжа Хантер;
Питер РЕДДАУЕЙ,
директор Кеннановского университета;
Стивен ШАБАД,
обозреватель еженедельника «Ньюсуик»;
Дэвид ШИПЛЕР,
ответственный сотрудник фонда Карнеги
«За международный мир».

С советской стороны:

Андрей САХАРОВ,
академик;
Павел БУНИЧ,
член-корреспондент АН СССР;
Юрий АФАНАСЬЕВ,
доктор исторических наук,
ректор Московского
историко-архивного института;
Николай ШМЕЛЕВ,
доктор экономических наук,
заведующий отделом
Института США и Канады АН СССР;
Игорь КЛЯМКИН,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института экономики
мировой социалистической системы АН СССР;
Леонид БАТКИН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории АН СССР;
Александр ГЕЛЬМАН,
писатель;
Александр АВЕЛИЧЕВ,
директор издательства «Прогресс».
Открыл встречу Виталий КОРОТИЧ,
главный редактор «Огонька».

Ведут «круглый стол» Виталий Коротич и Эдвард Хьюэт

ПЕРЕСТРОЙКА: КТО П

Андрей Сахаров

Юрий Афанасьев

Павел Бунич

Грегори Массел

Игорь Клямкин

Леонид Баткин и Дэвид Шиплер

Николай Шмелев

Виктор Винстон

Питер Реддауей и Александр Гельман

Стивен Шабад

Стивен Коэн и Александр Авеличев

...РОТИВ?

ВЗГЛЯД С ДВУХ БЕРЕГОВ ОКЕАНА

ТРИ МИЛЛИОНА НАДСМОТРЩИКОВ

В. Коротич. Нам кажется, что встреча американских и советских исследователей, мыслителей чрезвычайно важна. Мы поговорим о политических и экономических аспектах перестройки. Тема, как мы ее вначале определили, сторонники и противники перестройки,— может по ходу разговора трансформироваться любым образом, ведь мы говорим о мире сегодня, о том, как нам жить в этом мире. Мы хотим мира, основанного на доверии. Мы опутаны веригами экономических и идеологических нелепиц. Одна из них — образ врага, на создание которого были затрачены миллиарды в самых разных валютах. Мы в своей стране годами привыкали к тому, что человек, думающий иначе, чем ты,— враг. Сталинская навязчивая идея о враждебном окружении и о шпионах внутри страны изуродовала нашу жизнь. Реформы в нашей стране и при Петре, и при Сталине сопровождались усилением рабства. Мы хорошо поняли это, и сегодня речь идет о том, что реформы должны сопровождаться расширением сфер свободы. Люди устали. Некоторым из уставших хочется вернуться к «твердой руке». Им внушают, что возвращение к «твердой руке» принесет только пользу. Сегодня многие из тех, кто возвысился, раздувая образ врага, остаются в силе. Люди, сделавшие все для того, чтобы присутствующего здесь замечательного ученого и мыслителя академика Сахарова всячески унизить и сослать, и люди, сражавшиеся за то, чтобы он вернулся и занял достойное место в нашем обществе, зачастую работают в одних учреждениях, выступают на одних конференциях...

Приступая к разговору, давайте подчеркнем, что одним из психологических барьеров перестройки является ожидание от нее непрерывных благ. Вот осуществим перестройку — и начнется жизнь без проблем! Наивные ожидания... Дело в том, что демократия тоже имеет свои противоречия, даже подчас и отрицательные стороны, но давайте решим, что нам желаннее — железный кулак насилия или демократия? Нам не надо забывать о том, что сегодня в стране только начинается выработка политической культуры, ведь в течение многих лет политическая борьба у нас уходила в анекдоты, кухонные дискуссии...

Мы выходим из кризиса. А выйти из кризиса можно, сделав шаг вперед или шаг назад. Мы хотим сделать шаг вперед. И русский, и американский вопросы в умах европейцев издавна, особенно в последнее время, существовали неразделимо. Именно поэтому разговор с видными американскими учеными и видными представителями советской стороны нам кажется очень важным. Начнем? Я предлагаю свободную трибуну.

П. Реддауей. Немало советских официальных лиц в министерствах, в партии, в центральных организациях СССР объявляют себя сторонниками решительных перемен. Но хотелось бы больше конкретности, поэтому я хотел бы прояснить несколько вопросов. Какова степень сопротивления в министерствах? Как относятся к перестройке в отделах ЦК КПСС? Что происходит там с образованием комиссий и упразднением некоторых отделов? И второй вопрос — об отношении к перестройке на периферии. Я слышал, многие местные партийные руководители отнюдь не в восторге от возрастания роли Советов. Верно ли это? Я также хотел бы знать мнение советских участников относительно целесообразности совмещения двух постов — партийного руководителя и руководителя Совета. Простите, но мне еще надо многое выяснить для себя и для ясности темы.

Н. Шмелев. Как я понимаю, мы высказываем здесь свою личную точку зрения и персонально отвечаем за нее. Так вот, никто не будет отрицать, что сопротивление перестройке существует. Но не надо думать, что советская бюрократия состоит сплошь из злодеев и неумных людей. Нет, в большинстве своем это очень квалифицированные люди, с солидной подготовкой. Но попробуйте понять бюрократа в министерстве, за которым закреплена та же самая функция, которую он выполнял несколько десятков лет. Его призывают жить по-новому, но функции его остались прежними. Функции определяют и число этих бюрократов, потому что механические попытки сократить персонал министерства на 30—50 процентов ни к чему не приводят. Сокращать надо не людей, а функции. То же и в партийном аппарате на местах, где многие сейчас находятся в замешательстве. С одной стороны, их призывают открыть простор самостоятельности, не вмешиваться в текущие хозяйственные дела, упраздняют отраслевые отделы, и в то же время все прежние функции за ними остаются. Отсюда — сопротивление части партийного аппарата. Если секретарь обкома по-прежнему отвечает за количество зерна или молока, если секретарь райкома и своим партбилетом, и своей карьерой отвечает за то же самое, а при этом и того, и другого призывают не вмешиваться в хозяйственную жизнь, возникает неразрешимое противоречие. Оно будет разрешимо и, мне кажется, автоматически разрешится само собой, если, скажем, функция выколачивания обязательных поставок из наших сельскохозяйственных предприятий будет устранена. Я понимаю, почему наши руководители не решаются пойти на такой шаг, ими движет боязнь: а вдруг мы останемся ни с чем? Это понятные опасения, но неоправданные. Как только ликвидируется функция обязательных поставок, которую обеспечивает административная пирамида, так будет устранен и экономический фундамент аппаратного сопротивления перестройке. Особенно велико сопротивление низшего звена. Если говорить о той же деревне... Павел Григорьевич, сколько у нас в сельском хозяйстве занято?

П. Бунич. Около четырнадцати миллионов.

Н. Шмелев. К четырнадцати миллионам — три миллиона профессиональных надсмотрщиков! Что произойдет в новых условиях с этими тремя миллионами, гадать не приходится. Не на словах, а на деле эти люди и есть самые влиятельные противники и мини-кооперативов, и семейных ферм... А вот как с ними бороться? Это более серьезный вопрос. Это куда труднее, чем сломать сопротивление министерского чиновника.

Печатается по сокращённой стенограмме. Полностью отчет будет опубликован в американском журнале «Совьет экономи».

ЛЮДИ ИЗ ОЧЕРЕДИ

Л. Баткин. Я не уверен, что мы должны обсуждать, кто в нашей стране является противниками перестройки. В конце концов все мы понимаем: жить по-старому далее невозможно. Я очень ценю усилия академика Заславской, которая в сборнике «Иного не дано» попыталась хоть как-то обозначить социальные группы в советском обществе с точки зрения отношения к перестройке. Но эта попытка не во всем, мне кажется, удачна. Ведь говорить о слоях и группах нашего общества можно лишь условно, имея в виду группы профессионально и политически определившиеся, сознающие свои интересы, готовые их отстаивать. Наше общество достаточно аморфно по структуре. Оно состоит в основном из тех людей, которые стоят в очереди, за вычетом тех, кто пользуется официальными привилегиями, и тех, кто тесно связан с теневой экономикой и может получать эти же привилегии по блату. А подавляющее большинство населения — это люди из очереди. Вот об этих людях из очереди и нужно говорить. А кто стоит в очереди? Рабочий, врач, учитель, научный сотрудник... Масса людей, которым одинаково трудно попасть в театр на хороший спектакль и одинаково трудно надеяться, что их мнение, их голос повлияют на положение дел хотя бы в их районе или области. В этом смысле мы все находимся в достаточно близком положении, и выделять социальные группы в этих условиях становится невероятно трудно.

Теперь о сторонниках и противниках перестройки. С противниками, по-моему, яснее. Я совершенно согласен с профессором Шмелевым, который настаивает справедливо на том, что если от самого умного и хорошего человека, стоящего во главе райкома партии, требовать, чтобы его район сдал вовремя, а лучше всего досрочно и с перевыполнением какую-то сельхозпродукцию, то совершенно бессмысленно призывать его предоставить совхозам и колхозам экономическую свободу. Однако в выступлении Николая Шмелева было некоторое противоречие. Он сказал, что у нас три миллиона погоняльщиков, надсмотрщиков и что, мол, с ними будет дальше? Но дело в том, что они ничего другого профессионально не умеют! Стало быть, не только функции их мешают перестройке. Мешают и сами люди, намертво спаянные с этими функциями. У нас, скажем, главный врач больницы — зачастую плохой врач, потому что хороший не пойдет на административную работу, а если и пойдет, то скоро потеряет врачебную квалификацию.

Я, конечно, признаю, что среди этих надсмотрщиков-погоняльщиков есть люди компетентные, кто-то из них сможет перестроиться в новых условиях. Но сколько же некомпетентных, сколько еще тех, кто плохо работает и не умеет руководить производством. Это вовсе не плохие люди, отнюдь нет. Они получили неплохое образование, но зачастую не по собственной вине не состоялись как специалисты. Перестройка требует от них высокой квалификации, которой, увы, нет. Они привыкли получать низкую зарплату и делать дело плохо. Им это привычнее, нежели идти на большую зарплату, где понадобится от них то, что они делать не в состоянии. Это огромная проблема. Вот почему я делаю вывод, что какое-то количество людей из самосохранения будет против перестройки решительной и радикальной. Посмотрите на результаты голосования на сессии Верховного Совета СССР. Лишь тридцать один человек решились независимо проголосовать против указа о предоставлении МВД некоторых, с моей точки зрения, неконтролируемых прав и возможностей. Я не хочу сказать, что подавляющее большинство против перестройки, но мне кажется, что многие еще против перестройки быстрой и радикальной. Многого мы не знаем. Я, например, мало знаю о настроениях в армии, в частности о том, как настроен офицерский корпус страны... Это тайна за семью печатями. Но вот недавно узнал, так сказать, информацию для размышления. Сын моих знакомых служит в армии. Один из его командиров увидел, что парень читает номер «Знамени» с пьесой Шатрова «Дальше, дальше, дальше...». Журнал был изъят, рядовой получил взыскание и предупреждение о недопустимости чтения подрывной литературы... Я не знаю, и никто, наверное, не знает: много ли у нас таких офицеров? Мы понятия не имеем о том, чем занимаются в плане внутренней политики люди, работающие в огромных зданиях КГБ. Я ничего не слышал о сокращении этого аппарата. Он работает! Над чем? Какие у него задачи внутри страны? Демократизация и гласность, по-моему, означают, что объем таких задач резко сужается и, следовательно, должно происходить сокращение аппарата. Предвидится ли оно?

Можно долго обсуждать, кто за, а кто против перестройки. Тут не все очевидно хотя бы потому, что я могу себе представить руководителя, который одновременно за и против перестройки, поскольку он, с одной стороны, понимает необходимость радикальных перемен, а с другой — у него множество внутренних опасений относительно этих перемен. И вот он жмет на газ и тормозит одновременно. Я не автомобилист и не знаю, что будет с автомобилем, если одновременно нажать на газ и на тормоз.

Н. Шмелев. Смотря какую педаль нажмешь сильнее.

А. Сахаров. Иногда изо всех сил жмут на обе сразу.

Л. Баткин. И мы это чувствуем. Сегодня читаем одну речь руководящего лица, завтра другую, и думаем: на этот раз он газанул, а вот тут, пожалуй, притормозил. Поэтому обсуждать, кто против перестройки, мне кажется, не стоит. Я думаю, мы должны сегодня сосредоточиться на другом вопросе: а что такое перестройка?

«ГОТОВЫ ЛИ ВЫ К ПЕРЕМЕНАМ?»

С. Коэн. На мой взгляд, и сторонников, и противников перестройки достаточно много. Вы сейчас вступили в период многополюсной политики в однопартийном государстве. До периода гласности подобная политика не просматривалась, она существовала как бы в подполье. Теперь вы имеете полную гласность во внутренней области, есть диаметральные позиции «Молодой гвардии» и «Огонька», «Нашего современника» и «Московских новостей». Я как профессиональный советолог могу сказать, что у нас нет сегодня терминов для того, чтобы серьезно обсуждать перестройку, мы ведь привыкли к разговору о том, что советская система неспособна изменяться, и на этом зациклились. Может быть, я здесь представляю меньшинство американских исследователей, которые всегда утверждали, что изменения могут быть, но эти изменения могут идти и к лучшему, и к худшему. Анализировать концепции перемен нужно подробно и обстоятельно. Я считаю, что ваша пресса в целом еще не научилась даже описывать, что же такое перестройка. Некоторые мои советские друзья пишут о перестройке как бы под воздействием своего настроения: в понедельник они уверены, что перестройка провалится, а во вторник уже возглашают, что все о'кей...

В Советском Союзе есть, мне кажется, три представления о перестройке. Во-первых, радикальная перестройка, которую проводят М. С. Горбачев и те, кто его поддерживает. Во-вторых, перестройка косметическая, неглубокая, не задевающая основ Административной Системы. И, в-третьих, так называемая неосталинистская перестройка, манифестом которой стала статья Нины Андреевой. Так что есть разные концепции перестройки, и до тех пор, пока мы не условимся, о какой из них в данном случае идет речь, невозможно всерьез говорить о сторонниках и противниках.

Перестройка радикальная, которую поддерживают люди, сидящие за этим столом, означает, во-первых, гласность, уменьшение действия всяческих запретов, цензуры, публичных обсуждений... Второй компонент того, что я называю горбачевской перестройкой,— это децентрализация руководства государственной промышленностью и сельским хозяйством. Третье — еще более основательный переход на рыночные рельсы. Наконец, четвертое — политическая реформа, включающая в себя правовые преобразования, новую систему выборов в партию и Советы. Если все это осуществится, то произойдет освобождение вашего общества от сталинизма. Перестройка означает десталинизацию всех общественных институтов. Кажется, Ключевский первым употребил слово «разгосударствление». Он сказал, что русская история — это процесс, в котором государство расширяется, а роль людей сокращается. Так вот, перестройка — это процесс, в котором, наоборот, государство сократится, а народ расширится. Здесь возникает множество вопросов. И главный из них: готовы ли вы к такому радикальному разгосударствлению? Какой станет советская система, если осуществятся реформы? По-видимому, эта система будет основана на новых взаимоотношениях между государством и обществом. Когда я говорю «государство», то, конечно, включаю в это понятие и партию.

Я думаю, необходимо новое соотношение роли государства и общества. Моральные, политические, социальные и некоторые другие функции должны постепенно передаваться от государства к обществу. Но не будем детьми. Такого рода трансформация в огромной стране с консервативными традициями — а я считаю, простите, что Россия одна из наиболее консервативных стран в мире — займет десятилетия, потребуется поколение для ее завершения. Мало кто из нас увидит конечный результат. Некоторые в Америке говорят: а посмотрите на новый курс Рузвельта в 30-х годах! По сути, это была американская перестройка. И когда же закончился этот курс? Многие говорят, что он еще не закончился. Иные считают, что это закончилось, когда Линдон Джонсон, кажется, в 65-м году провел новое законодательство по гражданским правам. Выходит, три десятилетия занял в Америке этот новый курс. И у вас займет десятилетия. По мере успеха этого процесса будет расти и сопротивление ему. Нет-нет, я не собираюсь возрождать сталинский тезис относительно обострения классовой борьбы по мере развития революции, в данном случае перестройки, но, в общем, так или иначе сопротивление будет. Сопротивление не со стороны какого-то конкретного руководителя — директора, члена Политбюро, главного редактора,— а прежде всего со стороны самой Системы.

А. Гельман. Лично мне ясно, что такое перестройка. Это укоренение в нашем обществе универсальных демократических ценностей, давно известных всему миру. От того, утвердятся ли эти ценности, зависят и судьба экономики, и развитие общества в целом. Наша перестройка началась сверху, но многие оказались не подготовлены к встрече с целым рядом событий, явлений, которые становятся неизбежны: митинги, забастовки, манифестации... Вот эта неготовность принять обновляющийся строй жизни со всеми неизбежными издержками является очень важным психологическим тормозом, а поскольку психология сомкнута с политикой, то и политическим препятствием для более интенсивного развития перестройки. Это первое.

И второе. Мне кажется, нашу перестройку следует рассматривать в общемировом контексте. Сейчас начинается всемирное восстание разума. Дело в том, что прежде, до наступления тотальных опасностей, разум имел в запасе вечность для того, чтобы его истины признавались. Скажем: Галилей мог со спокойной совестью сказать, что Земля не вертится, не желая терпеть истязания и понимая, что придет время и все признают, как оно есть на самом деле. Он был уверен, что истина все равно восторжествует рано или поздно и от того, признана она сегодня или нет, человечеству не грозит всеобщая гибель. Теперь же в связи не только с угрозой атомной войны, но и со всем комплексом тотальных опасностей, у разума нет в запасе времени. И я вижу нашу перестройку в контексте всемирной ситуации. В историческом смысле черные силы чаще всего соединялись и представляли собой коллективный массив, а силы разума по разным причинам редко проявляли организованность, монолитность, последовательность. Теперь же впервые в истории все больше ощущается, что силы разумные стремятся к объединению своих усилий, ищут возможности таких объединений. И в этой связи одно предложение. Мне думается, было бы очень хорошо, если бы демократические силы, допустим, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза совместно выступали против антидемократических, антигуманистических сил и здесь, и у вас в стране. На днях на Пушкинской площади долго и внимательно слушал я нескольких человек из общества «Память». Это такая смесь невежества, какой-то полурелигии, еще бог знает чего...

В. Винстон. Их не разгоняли?

А. Гельман. Нет, никто не разгонял. Но ясно, что такая вспышка антисемитизма, как у нас, должна встретить объединенный протест.

Д. Шиплер. Я проработал в Москве несколько лет корреспондентом, провел немалое количество часов с Андреем Дмитриевичем Сахаровым в его квартире, говоря о политических заключенных, о проблемах прав человека, и мне удивительно сидеть сейчас за этим столом на нашей встрече. Если бы меня в 70-е годы спросили, будет ли это возможным, я бы ответил: нет! Немыслимо, невозможно! В этом-то и заключается урок, из которого нам всем следует сделать выводы. Мы должны освоить новое мышление, научиться смотреть друг на друга спокойно и непредвзято. В Соединенных Штатах еще немало крайне правых идеологов, которые не могут поверить даже в самую возможность перемен в Советском Союзе. Многие в лучшем случае пожимали плечами, когда провозглашалось, что Советский Союз — империя зла. Теперь же все меньше людей, внимающих этому тезису. Представление о Советском Союзе изменилось, и большинство американцев уже не интересуют книги, пережевывающие вновь и вновь кошмары о «нарушениях прав человека в СССР». Мы считаем, это дело прошлое. Так думаю не только я, но и многие представители издательств. Это характеризует общее настроение Соединенных Штатов. Я не думаю, что таких настроений следует опасаться. Александр Гельман хорошо сказал о необходимости объединить наши демократические усилия, хотя демократия в Советском Союзе другая, чем в США. Однако нам не следует огорчаться по поводу того, что в СССР существуют иные стандарты жизни, чем в Штатах. Терпимость и понимание, понимание и терпимость — вот что сближает народы.

И. Клямкин. У нас только начинают формироваться индивидуальные и групповые экономические интересы, если понимать под ними экономические производительные интересы. У нас преобладают потребительские интересы. Но на основе потребительских интересов невозможно создать представительную политическую систему. Потому-то так сложно нам ставить вопрос о демократизации. Пока не будет создана структура экономических интересов, более

или менее развитая, до тех пор проблему демократии мы не решим.

Далее. В том виде, в каком партия сложилась при Сталине, она играла вполне определенную роль в жизни общества, была ведущим звеном административно-командной системы. Партия обладала монополией на принятие хозяйственных решений, не неся за них ни юридической, ни экономической ответственности. Я думаю, серьезное противоречие, с которым мы сталкиваемся уже сейчас и столкнемся в ближайшие годы, будет заключаться в том, что партия, сложившаяся как главный элемент административно-командной системы, провозгласила курс на ее перестройку. Это значит, что ей и самой предстоит совершить серьезную перестройку.

Ю. Афанасьев. Вот именно! А когда мы начинаем искать противников перестройки исключительно среди конкретных лиц, мы только запутываемся. Ведь не только люди, но и определенные государственные установления являются противниками перестройки. Против могут быть многие социальные, экономические, политические структуры, которые сформировались, стали со временем достаточно устойчивыми. Против — догмы, теории, мифы, которые не оправдали себя на практике, но которые мы продолжаем с упорством претворять в жизнь. Мне кажется, до тех пор, пока мы как следует не представим себе характер и сущность социально-экономической динамики нашего общества, мы не сможем понять и ответить достаточно убедительно: кто же и что же является тормозом перестройки?

ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ ГРАНИЦ?

А. Сахаров. Мне представляется, что единственным реальным способом осуществления перестройки является только демократизация.

Только решение при помощи референдума ключевых спорных вопросов, которые еще надо сформулировать, может создать ситуацию, безопасную для дальнейшего политического развития нашей страны. Да, обновление началось именно в результате исторических инициатив Михаила Сергеевича Горбачева, но развиваться может только на народной основе, иначе это путь тупиков.

Теперь о главе государства, который у нас одновременно является и главой партии. Это будет человек, облеченный абсолютными полномочиями, у него будет даже законодательная власть. Хорошо, что сегодня это М. С. Горбачев, а кто — завтра? Мы, надо быть откровенными, не гарантированы от того, что под давлением обстоятельств, консервативных сил, еще каких-то причин что-то не изменится. То есть все по-прежнему упирается в одного человека. Это необычайно опасно! Опасно для перестройки в целом, опасно и лично для М. С. Горбачева.

Какая острая у нас ситуация и что представляет собой сейчас Верховный Совет СССР, мы увидели, когда были приняты антидемократические, по моему мнению, указы о митингах, демонстрациях и особенно о правах и обязанностях внутренних войск. Уже сейчас мы видим, что из этого получается. На основании этих указов, как мне известно, арестован человек, призывавший к созданию памятника жертвам сталинских репрессий. Мы знаем, что 30 октября людей, идущих на кладбище в Минске, встретили дубинками, и возникло жесточайшее побоище. Вот так все складывается. Перестройка сейчас переживает поворотный момент, когда нужно выбрать.

Л. Баткин. Конечно, надо всегда выдумывать что-то в политике, особенно в такой стране, как наша, идущей по неизведанному пути. Но есть кое-что, что выдумала мировая история, мировая практика. Вот мы сейчас ломаем голову: какой суд наиболее эффективен? Как лучше его устроить? Ломаешь, ломаешь голову, а потом понимаешь, что занимаешься глупым делом. Ничего лучше, чем суд присяжных, все равно не придумаешь. И если мы сейчас говорим о возвращении в лоно мировой цивилизации, то надо с этим опытом мировой цивилизации считаться.

Г. Массел. Я один из тех, кто желает всяческого успеха и добра Горбачеву. Но в том, что происходит в СССР, я ощущаю и кое-какие противоречия. С одной стороны, вы продолжаете говорить о новом облике социализма, о том, что такой социализм предполагает демократию и гласность. С другой же стороны, я слышу предостережение: не обращайте гласность во вред социализму. Как это понимать? Разве гласность сама по себе не есть социальное благо? И разве она может быть вредной? В течение последних месяцев я только и занимался тем, что пытался объяснить себе и своим коллегам, что бы это значило.

ПЛАН ИЛИ РЫНОК?

П. Бунич. Мне кажется, что у нас есть три альтернативы. Первая — вернуться к сталинизму. Это перспектива страшная, но, к сожалению, исключить ее полностью невозможно. Вторая альтернатива — заменить абсолютную монархию просвещенной. Я бы не сказал, что это самый лучший выход из положения, но у такой перспективы, многие считают, больше всего шансов. Третья альтернатива — полная перестройка. Если мы остановимся на первых двух альтернативах, а они, признаться, очень похожи друг на друга, мы навсегда останемся строем, о котором на заре Советской власти было сказано, что социализм — это учет. Ну, и будет один учет. Только учитывать, к сожалению, будет нечего. Откладывать все на завтра, рассчитывать, что через три-четыре пятилетки мы чего-то достигнем — невозможно. А немедленный успех — вообще вещь очень трудная, потому что время для нас сейчас — отрицательная величина.

В экономике бывают отрицательные величины, когда нужно сделать в оставшееся время то, что невозможно сделать. К сожалению, мы выполняем пятилетку скверно, хоть намечали скромные темпы роста. Оправдана ли такая скромность? Думаю, что нет. Когда делаешь реформу слишком глубоко, она оказывается самой легкой. Это не парадокс! Когда ты делаешь ее никакую, она никого не трогает. Тут кто-то сказал: медленная перестройка. Медленной перестройки не бывает! И не будет! Поэтому лучше, чтобы она была не медленная, а немедленная, и чем глубже, тем легче.

Что значит глубже? Есть ли эталон, на который можно было бы посмотреть и скопировать? Есть. В какой-то степени это кооперация. В кооперацию никого не надо загонять, туда все бегут сами, кто бегать еще может... Кто уже ходить не может, тот остается в госсекторе и ненавидит кооперацию. Но перебежка очень большая: по моим сведениям, за один год семьсот тысяч человек! Я недавно разговаривал с одним директором предприятия легкой промышленности. И он мне возмущенно сказал: «Я делаю маечки, кооператоры их покупают, пишут на них там короткое слово и продают в три раза дороже!» Я его спросил: «А почему вы не напишете это слово и даже еще одно не добавите?» Он подумал и ответил: «А мне зачем? Не хочу!» Вот это замечательный ответ, глубокий ответ, правильный ответ. Когда вся страна — «не хочу!», тогда это страна спроса, а не предложений. Мы — страна спроса. Все — «не хочу!». А кооперация — «хочу!». А арендаторы — «хочу!». Почему же мы не перейдем всем госсектором на такую жизнь? Ведь госсектор сейчас тощает все время и, кстати говоря, этого тощающего медведя грабит кооперация. Она его грабит, забирая у него лучшие кадры, и оказывает ему услуги за бешеные цены. Госсектор все время сдает кооперации позиции. Когда в хозяйстве есть два вида рублей: живые и мертвые, то работают только живые.

Говорят, если разрешить госсектору самому делить прибыль, то он все проест — и накопления, и амортизацию. Между тем ясно, что если бы мы накопления в госсекторе делили по людям и как акции распределяли, никто бы не был против, это было бы все равно что зарплата. Но мы пока даже рот открыть на эту тему не можем.

Э. Хьюэт. Как иностранец, наблюдающий за перестройкой и ее развитием в Советском Союзе, как человек, симпатизирующий ее сторонникам, я озабочен происходящим не по тем причинам, которые сегодня здесь высказывались. А скорее потому, что концептуальная основа того, что происходит ныне, либо слаба, либо вовсе отсутствует. Во всяком случае, так мне представляется.

Основные цели перестройки (с точки зрения экономики) — повышение качества производимой продукции и производительности труда, достижение Советским Союзом огромного промышленного потенциала. В таком случае Советский Союз станет по-настоящему сверхдержавой. С точки зрения экономиста, коим я являюсь, могу смело утверждать, что нам просто необходимо поговорить о существовании рыночной системы. Должна появиться конкуренция в отличие от соревнования в вашем понимании этого слова. В результате — свободное формирование цен, свободный обмен с остальным миром. Я имею в виду не только обмен товарами, но и интернационализацию производства, интернационализацию финансов. Страны, экономика которых сейчас успешно развивается, становятся частью мировой экономики, хотят они того или нет. Если вы взглянете на банковскую систему Великобритании, то обнаружите, что большинство фондов, находящихся там, являются международными фондами, и банковская система там оперирует твердой иностранной валютой, т. е. существует рынок капитала, который используется самыми разными странами. Вопросы о правах частного собственника или его собственности — это и является той проблемой, на которую стоит обратить внимание. Существует ли где в Советском Союзе среди академических кругов, в правительстве, в партии концептуальная основа для того, что мы назвали бы свободным рынком?

Н. Шмелев. Мы импровизируем, делаем ошибки, иногда непростительные. Я не буду углубляться в ошибки, которые были совершены уже за последние два-три года, но наиболее яркая из них — не по смыслу, а осуществлению — антиалкогольная кампания, которая очень сильно ударила по нашему бюджету на фоне падения цен на нефть. Никто из тех, кому принадлежит право решать, не продумал практические последствия этих шагов, опасность которых профессионалам была очевидна с самого начала. Что мы видим впереди? Видим мы все, конечно, разное, но если вдуматься в логику происходящего, то в перспективе у нас многоукладная система собственности: государственная собственность (в форме акционерной, когда коллектив — акционер своего предприятия с правом участвовать и во многих других предприятиях); кооперативная собственность, если, конечно, ее не задушат; мелкий семейный бизнес. Я теоретически не отвергаю возможность частной собственности с наемной рабочей силой — это был бы хороший катализатор и стимулятор для нашей экономики. Но я призываю вас быть реалистами. Теоретически — да, но практически... Первое же такое предприятие улица сожжет в ту же ночь, как только оно будет создано. Я сужу по реакции на кооперативы...

Я вижу смешанные формы собственности, к этому тоже идет дело: государственно-кооперативная, кооперативно-государственная... Я вижу иностранную собственность. Пока, как вы знаете, мы уже решились на 80 процентов иностранного капитала в совместных предприятиях.

Что касается системы управления экономикой... Вероятно, все три известных истории и науке способа управления экономикой, а именно: прямое планирование, индикативное планирование и свободный рынок — имеют свои преимущества и недостатки. Нет резона отказываться ни от одного из них, они выполняют свои задачи. Весь вопрос в соотношении между ними. Если все то, что сейчас наметилось, будет развиваться, то я лично вижу в конце следующего десятилетия примерно такую структуру: процентов пятнадцать нашего валового национального продукта управляется прямым директивным планированием (это все, что составляет оборонный сектор и близко привязано к нему — гражданские предприятия), а остальное — комбинация индикативного планирования и свободных рыночных сил.

Д. Шиплер. Когда это будет?

Н. Шмелев. Откуда я знаю, когда это будет?! Было бы логично, если бы к концу 90-х годов. Если считать, что ежегодно нам нужно двадцать пять миллионов цен (мы производим двадцать пять миллионов видов продукции), то если несколько сот цен будут под контролем государства — ничего плохого в этом нет. Тем более что нельзя сейчас отпускать руку государства — волна инфляции нас мгновенно накроет. Коллективный эгоизм ничем не лучше индивидуального эгоизма. Как только предприятия получают полную свободу, первое, что они делают,— начинают душить потребителя ценами. А у нас полная монополия предприятий. Пока не появится хоть какая-то конкуренция, отпускать государственную руку от главных цен нельзя — разорят предприятия всех потребителей.

Мы сейчас хотим иметь открытую экономику. Весь вопрос в темпах, методах и реальных возможностях этой открытой экономики. Для того чтобы ее открыть, как минимум, одно предварительное условие необходимо. Чтобы иностранный партнер имел возможность свободно потратить свои рубли в Советском Союзе и купить то, что он хочет. Сейчас он, вы прекрасно знаете, этого сделать не может.

Я был гостем партконференции. Все делегаты обрушились на попытки Госплана и министерств задушить Закон о предприятии еще в колыбели. Задушить госзаказами. И вот тут все секретари обкомов, все выступавшие были едины: это недопустимо! И на следующий год правительство исходит из того, что госзаказ должен быть не более сорока — сорока пяти процентов. Это значит — пока еще слабый, неповоротливый, но свободный рынок. Со следующего года может получиться так, что шестьдесят процентов промышленной продукции пойдет на свободный рынок. И не случаен следующий шаг — ускорить движение к оптовой торговле. Темп движения к оптовой торговле увеличен вдвое. Иными словами, за год-два, максимум три мы будем иметь рынок свободных средств производства, и иностранный партнер сможет, наконец, потратить свои рубли.

В. Винстон. Но нельзя иметь такой свободный рынок с теми ценами, которые у вас сейчас. Я не знаю, какой здесь вопрос является первым, какой вторым, но они взаимосвязаны.

Н. Шмелев. Может быть, с точки зрения перспектив экономической реформы это самый страшный вопрос, потому что он связан с интересами человека. Тут есть две стороны: реформа оптовых цен, реформа розничных цен. В Китае растянули это на двадцать лет. Реформу розничных цен нельзя проводить в условиях ненасыщенного рынка. Это вызовет опасные социальные последствия. Надо сначала добиться улучшения положения на рынке, а потом постепенно приступать к этой реформе. И не иметь тех целей, которые ставят сейчас молчаливо Госкомцен

и Министерство финансов. Что бы они ни говорили, цель ясна — отобрать немного денег у населения, заткнуть хотя бы года на три-четыре дыру в бюджете, а там видно будет. Не это должно быть целью реформы розничных цен! Сейчас мы имеем такое соотношение: 2 рубля — килограмм мяса, 50 рублей — пара ботинок, 700 рублей — цветной телевизор, 9 тысяч рублей — автомобиль. Это ирреальное соотношение цен. Мы должны иметь: 5 рублей — мясо, 25 рублей — пара ботинок, 250 рублей — цветной телевизор и 4000—4500 — автомобиль того класса, которые мы продаем. Это первый шаг реформы. Необходим не налоговый грабеж, который возможен сейчас, а только изменение ценовых пропорций.

Вероятно, говорить об открытости нашей экономики все-таки пока преждевременно.

ОБЛИК СОЦИАЛИЗМА

В. Винстон. В США уже немало советологов, чьи книжки никто не читает. Пессимизм относительно вашей перестройки у нас не очень популярен. Что касается оптимистов, то они симпатизируют, сочувствуют вашей системе, хотя никогда не были коммунистами и очень далеки от того, чтобы ими стать. Им очень понятен тот русский тип, тот характер, когда... Ну как вам объяснить? Вот, скажем, водитель грузовика. У него нет бензина, плохая резина, он пинает колесо, но говорит: «Поехали!» Такого рода люди есть и среди советологов. Я могу здесь упомянуть одного моего друга, с которым работал в течение сорока лет; к сожалению, он недавно умер. Он умел предсказывать и предвидел, как будут развиваться у вас события. Если бы он сейчас был среди нас, я думаю, он бы просто улыбнулся и сказал вам, русским коллегам: «Я верю вам. Продолжайте свое дело!»

С. Коэн. Вот сейчас становится более интересно, потому что возникают разные точки зрения. Я люблю разногласия, конфликты, и вообще приятно наблюдать, когда не соглашаются советские коллеги. Поэтому, в духе гласности, позвольте мне не согласиться с моими американскими коллегами. Прежде всего хотел бы подчеркнуть, что я, по-видимому, выражаю точку зрения большинства американцев. Мы не имеем права давать вам советы. Мы только обсуждаем вместе с вами ваши проблемы, не более того. Но вот о чем не могу не сказать. Политические реформы способны поставить под удар и экономические. Децентрализация экономической жизни может помешать децентрализации политической жизни, поскольку местные руководители будут препятствовать этому процессу, опасаясь потерять свою работу. Это серьезный вопрос, над ним стоит задуматься. Я хочу здесь высказаться как политолог относительно важности кампании за демократизацию для перспектив перестройки в целом.

У вас есть весьма мощное политическое руководство, возглавляемое М. С. Горбачевым. Оно предлагает весьма радикальные реформы. На среднем же и районном уровнях некоторые руководители подчас придерживаются консервативных традиций. Что касается рядовых граждан, то среди них немало сторонников радикальной перестройки, особенно среди рядовых партийцев, которые были исключены из политической жизни в течение десятилетий. Так вот, мне кажется, для руководителей перестройки весьма важным было бы установить твердую, прочную связь со сторонниками радикальной перестройки на нижних уровнях партии и общества. Единственный способ добиться этого — создать конституционные отношения с этими людьми, минуя бюрократические барьеры. Нужно вовлечь народ в выборы местных партийных секретарей и комитетов. Я думаю, это наибольшее, чего вы могли бы добиться с 1923 года. Необходимо, по-моему, укрепить связь между центральным руководством и теми радикальными сторонниками перестройки, которые имеются в нижних эшелонах партии. Чтобы гласность стала надежной связью между Михаилом Горбачевым и Иваном Ивановым. Но гласность не является политическим институтом, она всего лишь одно из средств демократизации общества. То, что вы раньше называли социализмом, оказалось, во многом не есть социализм. По этому поводу у вас идут интересные дискуссии в прессе. Одни утверждают, что это настоящий социализм, другие возражают: это казарменный социализм. А некоторые, может быть, даже из здесь присутствующих, говорят, что в Советском Союзе нет социализма. Это очень интересная, актуальная дискуссия, связанная непосредственно с сущностью перестройки. Никто, мне кажется, не знает, каковы границы, пределы социализма. И хорошо, что идут такие дискуссии. Вот бы и нам в Америке вместо того, чтобы превозносить достоинства американского образа жизни, задуматься: а что такое американский образ жизни? У нас ведь тоже свои догмы. Юрий Афанасьев правильно говорит, что философский вопрос лучше, чем прагматический ответ. Когда в стране задается вопрос: а что же такое социализм? — это здоровая примета.

Повторяю: мы, собравшиеся за этим столом, не представляем никого, кроме себя лично. Мы представляем только интеллигенцию, если у нас в Америке есть интеллигенция. Так вот, с нашей стороны наивно было бы ожидать, что десятилетия холодной войны исчезнут за три-четыре года перестройки и гласности. Если вы считаете так, дорогие друзья, то сильно ошибаетесь. Да, и простые американцы, и простые советские люди хотят мира. Но одного этого объединяющего желания, увы, недостаточно. Простые американцы вам в массе своей все еще не доверяют и, боюсь, не будут доверять на протяжении моей жизни. Я не говорю о таких примитивных вещах, как военно-промышленный комплекс, но у нас есть религиозные учреждения, университеты, колледжи, которые воспитывают людей в духе холодной войны. Одно событие может привести к серьезным изменениям — скажем, плодотворная встреча в верхах, или, напротив, когда сбивают гражданский самолет. От одного такого события могут сразу же измениться отношения. Кто-нибудь в США говорит о том, что готов вести переговоры с позиций слабости? Нет таких деятелей в США. Климат американской политической жизни не изменится в течение длительного времени, поэтому я предупреждаю вас: не думайте, что Америка представляет собой бастион перестройщиков. Это глупая идея, вам придется действовать в одиночку. Может быть, нам удастся избавиться от какого-то количества оружия. Я надеюсь на большее. Может быть, нам удастся добиться моратория на ядерное оружие завтра, может быть, через пять или восемь лет мы сократим серьезное стратегическое вооружение. Рейган говорил, что нужно два человека, чтобы танцевать танго, а большинство американцев предпочитают танцевать вальс поодиночке, медленно раскачиваясь. Их холодная война создала свою культуру, свою идеологию. Я боюсь, что это также имеет корни и в вашей стране. Это что-то вроде религии как среди вашего народа, так и среди нашего.

П. Реддауей. Я не совсем согласен со своим коллегой Коэном, с его пессимистическим взглядом на советско-американские отношения. Посмотрите, как далеко продвинулись мы за последние два-три года. Все здесь зависит, на мой взгляд, от дальнейшего развития советской внешней политики. Если она будет продолжаться в том направлении, которое уже намечено практическими шагами, то настроение американцев изменится в лучшую сторону довольно быстро. Я очень благодарен за то, что меня сюда пригласили. Я ведь был «в отказе» в течение двадцати лет, меня сюда не пускали за то, что я время от времени защищал в печати людей вроде академика Сахарова. Я очень рад и желаю Горбачеву и перестройке больших успехов.

Мне очень понравилось выступление господина Баткина, хотел бы только заметить, что власть советского Президента, который одновременно является и Генсеком, конечно, гораздо больше власти американского Президента, которая на деле существенно ограничена.

Наконец, по поводу того, что сказал Массел. Он видит какое-то противоречие в отношении к демократии. Я же совершенно четко понимаю установку советского руководства на то, что нужно сделать, когда между людьми нет согласия. Нужно собираться и обсуждать проблему. А те, которые критикуют, пусть критикуют. Я думаю, будущее перестройки будет определяться прежде всего тем, насколько Горбачеву удастся укрепить связь между руководством и низами. Это очень трудная задача, здесь многое зависит, как сказал Шмелев, от психологии народа.

С. Шабад. Несколько слов об отношении американцев к перестройке. Я думаю, Стив Коэн несколько сгустил краски. Сейчас американская пресса начинает относиться к вашим делам с пониманием и сочувствием. Я не хочу сказать, что мы становимся сразу вашими единомышленниками. Образ врага, о котором говорят в советской прессе, еще присутствует в сознании общественности по отношению к Советскому Союзу. На человека с улицы, рядового гражданина это, безусловно, повлияло. Есть и те, кого Стивен называет сторонниками холодной войны, их не переделаешь. Но люди, определяющие политику, в большинстве своем благожелательно смотрят на Горбачева, они беспокоятся за судьбу перестройки. Что это будет в реальности означать для США? Некоторые полагают, что если Горбачев победит, то в СССР восторжествует капитализм, и Советский Союз станет таким же мощным экономическим соперником США, как и Япония.

Как-то я услышал вопрос: а что, если бы не было большевистской революции? Допустим, была бы установлена демократия, и она бы закрепилась. Как бы тогда развивались отношения между СССР и США? Я думаю, в этом случае соперничество между Россией и США было бы не просто возможно, но и неизбежно вследствие их экономической мощи.

П. Реддауей. Я хотел бы услышать, что думают советские эксперты о проблеме межнациональных отношений в СССР.

Ю. Афанасьев. Принципы переустройства нашей страны были сформулированы Лениным, а именно: принцип союза республик, равноправных и суверенных, а не так, как это получилось по-сталински — образование централизованного государства со слабо выраженной автономией союзных республик. Вот глобальное, как мне кажется, решение этой проблемы. Я не склонен ее упрощать, это едва ли не самая сложная проблема перестройки. Чтобы найти оптимальное решение ее, необходимо включение всего интеллектуального ресурса и в Российской Федерации, и в союзных республиках, и в автономных. В условиях гласности и демократизации возникает и обостряется то, что подспудно накапливалось, не находя выхода. Скажем, проблема Эстонии упирается в более общую проблему решения национального устройства СССР в целом. Но и на эстонский вызов должен быть ответ, ведь они представили очень обширную программу и хозяйственной самостоятельности, и национального возрождения.

А. Авеличев. К вопросу о национальных отношениях. Сейчас этим центробежным силам в значительной степени способствует то, что экономическое положение как центра, так и периферии наших республик крайне неудовлетворительно. И борьба за поднятие экономического уровня нередко сопровождается отторжением всего, что идет от центра, то есть неэффективность тех или иных регионов списывается на неэффективность централизованного планирования, на неэффективность самой идеи Союза, из которого надо выйти. Вот если, мол, мы выйдем, тогда все будет иначе.

Мне кажется, что здесь надо как-то осмыслить эту ситуацию, потому что сам выход из Союза ни одной из республик ничего хорошего не даст. Просто вместо Союза, с недостаточно высоким уровнем жизни в нем, будет пятнадцать республик столь же небогатых, но живущих по своим собственным законам.

А. Сахаров. Не думаю, что надо бояться сепаратистских тенденций. Надо бояться причин, которые вызывают сепаратистские тенденции. Это причины экономические и чисто национальные. Я думаю, что при правильном демократическом развитии ничто потеряно не будет. Я хочу еще раз подчеркнуть: чрезвычайно опасен принцип, когда государство из прагматических или же из каких-то политических соображений подходит с разными мерками к национальным объединениям, большим и малым. То, что проявилось в Нагорном Карабахе, возможно, проявится и во многих других местах. Необходимо общее решение национальной проблемы на принципе горизонтального устройства вместо иерархического. Надо проявлять очень большую терпимость и очень большой такт со стороны центрального руководства.

Теперь о том, как Запад должен относиться к перестройке. Надо ли бояться того, что наша страна станет новой Японией в экономическом смысле или же станет в результате успеха перестройки мощной военной державой, преследующей экспансионистские цели? Я думаю, что все-таки больше всего надо бояться не успеха перестройки, а ее неудачи, поскольку для военной экспансии при любом исходе всегда хватит солдат, техники, научно-исследовательских институтов. И при неудаче перестройки страна станет необычайно опасной для равновесия в мире. Опасаться же того, что СССР станет очень вскоре конкурентоспособен в экономическом отношении, пока рановато. Это где-то далеко за сегодняшними пределами.

П. Реддауей. Насчет национального вопроса Сахаров и Афанасьев дали интересные, но, по-моему, немножко абстрактные ответы. Конечно, с моральной точки зрения их позиции для меня приемлемы и разумны. Но если говорить о политической реальности... Я не вижу здесь никаких простых решений, но, может быть, все-таки стоило бы подсказать вашим эстонским, литовским, латвийским друзьям, чтобы их требования были более умеренными, иначе, боюсь, все это будет иметь действительно печальные последствия.

С. Коэн. Я думаю, что сегодня общественные дискуссии в СССР в средствах массовой информации гораздо более увлекательны, чем в любой другой стране. Ныне трудно быть советологом, трудно заработать на жизнь в этой области.

Шиплер и я пытались получить от вас точный ответ на вопрос: что такое перестройка? Мы не получили формульного ответа, из чего сделали вывод, что перестройка — это поиск, живое дело, которое еще в движении. Интеллигенция XIX века как бы возродилась сегодня, она собралась и обсуждает вопрос: куда идет Россия? Обсуждается и другой вечный вопрос российской действительности: что делать? Как бы там ни было, все мы чему-то научились за прошедшие три года. Может быть, самому главному — слышать и понимать друг друга.

Материалы «круглого стола» подготовили к печати Валерий ВЫЖУТОВИЧ, Владимир ГЛОТОВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Маро МАРКАРЯН

СПОЛОХ ОГНЯ

* * *

Есть у меня старинный друг,
Есть полудруг,
Полуподружка.
Я тоже для кого-нибудь
Какая-нибудь
Четвертушка.
Где дружба истинная? Где
Былое жертвенное братство?
Того, что утром потерял,
Впотьмах уже не доискаться,
И все же
У меня есть друг,
Один от века и доныне,
С кем пережиты времена
Холодные и неродные.

Перевел с армянского
Владимир ЛЕОНОВИЧ

* * *

Оглядываю свое детство и вижу
Побитые градом золотые хлеба,
Что ни камень — закрытая книга,
Что ни дорога — загубленная
судьба.

Сады очерчены маками и ручьями,
В руинах святые места.
Купол рухнул,
На нем обломок креста.

Тускнеющие подолы заката,
Красно-смуглые горячие небеса,
И милые лики навек ушедших,
Их глубокие теплые голоса.

Перевел с армянского
Павел ГРУШКО

* * *

Сердце никак не сладит
Со всемогуществом слабых,
С ретивостью неретивых,
С радивостью нерадивых.
От этого нервы устали,
Дышат труднее легкие,
И тяжелее стали
Песни мои
Легкие.

Перевел с армянского
Давид САМОЙЛОВ

Татьяна БЕК

НА ИЗЛОМЕ ДНЕЙ

* * *

Хворáя, плача и кренясь,
Дрожали звезды над Арбатом,
Где я однажды родилась
В глухом году 49-м.

Под мертвенный газетный стих
Пробилась травка дорогая,
Родителей немолодых
Неровным норовом пугая.

...И страх, и оторопь, и мор,
И ложь, сидящая на троне,
И жажда жить — наперекор
Неограниченной погоне,

И тьма, разящая дотла —
Без права думать о погостах...
Я с первым криком вобрала
Родимого простора воздух!

Меня не гнали топтуны...
Но,
время задержавши в порах,
Я откликаюсь с той весны
На каждый плач, на каждый шорох.

* * *

Закат столетия суров...
Мы не вполне живем на свете —
Мы доживаем жизнь отцов,
Тяжелые большие дети.

О, мы не можем ждать и дня —
Нам истину подай сейчас же! —
И в каждом гиблая родня
Гудит, свое не откричавши.

...Пока мы ссоримся впотьмах
И семечки пустые лýщим,—
Ты
разметалась на ветрах
Между прошедшим и грядущим,

Родная родина моя:
Гостеприимные по-русски
Не только рощи и поля
Но и свирепые кутузки,
Но и могилы для живых,
И для здоровых лазареты...
Сошла б с ума,—
да кто за них
Рассмотрит новые приметы?

* * *

На ветру безудержно полощется
Зелень перепуганных берез...
Я приду — заступница, помощница,
Просто утирательница слез.

...Степи выдыхались, хлопья
падали,
Рощи раздевались догола,—
Я всегда
позорище, растрату ли,
Нечисть от любимого гнала.

Мы уйдем — растает поколение.
Но пока
не грянул хор лопат,
Слушайте меня,— мои последние
Человек, и лестница, и сад!

Ухожу —
и сразу же аукаю.
Потому что на изломе дней —
Скорой освещенные разлукою,
Вы еще дороже и родней.

* * *

Сирень лиловая в саду,
Сирень лукавая в тазу...
Когда опять сюда приду
И что с собою увезу?

Сирень ли пленную в руках,
Сирень ли пенную в росе?..
Разлука —
выход, а не крах!
Но это чувствуют не все.

А мне дано разлуку пить
Глотками ледяной воды
И лишь счастливее любить
Чужие лица и сады.

* * *

Здравствуй, август! На грубой
ладони —
Земляничные божьи коровки.
Да еще на московском балконе
Дикий плющ побежал по веревке,

Где висят бельевые прищепки...
Я люблю
необузданность
жизни:
Никакой не оставит зацепки
(Пропадай, неудачница, кисни!),—
Чтоб ни ясного лучика в щели,
Ни словца, ни гонца, ни гостинца...

Чтоб
внезапно
(неужто? ко мне ли?)
На балкон прилетела синица —
Как письмо, и как песня о лете,
И как вызов всему, что постыло...
Я проснусь от любви на рассвете!
Так и с вами, наверное, было?

...И плывет, как ладья от погони,
Раскладушка на узком балконе,
В облаках, в небесах пропадая,—
Невесомая и молодая.

* * *

Это что на плите за варево?
Это что на столе за курево?
Я смутилась от взгляда карего
И забыть уже не могу его.

Там, за окнами — вьюга страшная.
Тут — пытают перо с бумагою.
Мне сказали, что я отважная.
Что мне делать с моей отвагою?

— Коль отважная, так отваживай.—
...Но какая тревога — нежная!
О, любовь моя: свет оранжевый,
Жар малиновый, буря снежная...

* * *

Не лицо мне открылось,
а свет от лица.
Долгожданное солнце согрело
поляну.
Я сказала себе,
что уже до конца
Никуда не уйду и метаться
не стану.

Это было как ясная вспышка
во тьме.
Это было отчетливей вещего
знака...

(Так больного ребенка в счастливой
семье
Необузданно любит бездетная
нянька.)

Я сейчас не хочу ничего объяснять,
Но по этому свету, по этому знаку
Я — невнятная дочь и небывшая
мать —
Ощутила любовь как могучую тягу!

...Разолью по стаканам кувшин
молока:
Отстоялось на холоде
и не прокисло...
Надвигается вечер. Плывут облака.
И людская порука исполнена
смысла.

* * *

Ох ты, время лиходеево,
Выморочная сторонка!
(...Ни посаженного дерева,
Ни родного ребятенка...)

Льется песня помертвелая —
А когда-то вся звенела:
— Как же ты, такая смелая,
Оказалась не у дела?

Он страшнее воя зверьего —
Этот плач из одиночки:
— Ни посаженного дерева,
Ни голубоглазой дочки...

* * *

Ходившая с лопатой в сад,
Глядишь печально и устало...
Не строила — искала клад.
Не возводила — клад искала.

Твою надежду на чужой
Непредсказуемый подарок
Жизнь охлестнула, как вожжой:
— Не будет клада, перестарок!

...Под раскаленной добела,
Под лампочкой без абажура
Земная жизнь твоя прошла,—
Кладоискательница,
дура...

* * *

Вы, кого я любила без памяти,
Исподлобья зрачками касаясь,
О любви моей даже не знаете,
Ибо я ее прятала. Каюсь.

В этом мире — морозном, и тающем,
И цветущем под ливнями лета —
Я была вам хорошим товарищем...

Вы, надеюсь, заметили это.

— Вспоминайте с улыбкой —
не с мукою —
Возражавшую вам горячо
И повсюду ходившую с сумкою,
Переброшенной через плечо!

„ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ"

ЭТИМ ФИЛЬМОМ, ЗАСТАВЛЯЮЩИМ РАЗМЫШЛЯТЬ, ОТКРЫЛСЯ СЕЗОН В ДОМЕ КИНО.

Фото Олега КАПЛИНА и Павла КРИВЦОВА.

Александр ТРЕПЛЕВ

«Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!». Вспомните, и Воланд, и мы, запоздалые читатели, только усмехнулись над этим желанием поэта. Не удивились. Тем более — не возмутились. А Берлиоз сконфузился, но тоже, заметьте, не удивился. Ибо уже тогда... (а в каком году происходят московские события «Мастера и Маргариты»? Не помню. Называет ли Булгаков год с той же мрачной определенностью, что в «Белой гвардии»: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»? Не помню. Не важно) ...уже тогда, в 20-х, в философских диспутах аргумент Бездомного воспринимался как рядовой, стереотипный. Нормальный. Законный.

Философу за доказательства три года. «Детский», как мы теперь знаем, срок.

На моей памяти менялись расхожие представления о начале. «1937» — стал не только названием странной книги, но и термином, означающим террор. Год стал синонимом террора. Чуть более просвещенные, гордясь небезопасной эрудицией, говорили: «Ну, что вы, началось раньше, в 1936-м, даже в 1935-м...». Но долго еще на счету культа были две даты: «1937» и «1949».

Проступила правда о гибели деревни. Постепенно, осторожно, под окрики сверху о недопустимости пересмотра периода коллективизации (а заодно, почему-то, о недопустимости богоискательства).

Узнаём о наказании народов. И не поордынски — мужеска пола, доросших до оси тележной, а всех — без различия пола и возраста.

Где же начало? Промышленность? Генералитет? А может, интеллигенция?

Вот закономерность: уничтожали тех, кто умел мыслить, тех, кто умел хлеб выращивать, умел воевать, умел писать... Надо ли продолжать? Умельцы — вот объект ненависти. Ибо у умельца и гордость, и честь! Он лучше знает. Им командовать — как? У него для учителей и поговорки заготовлены. «Не учи ученого — съешь чего печеного» — это еще самая нежная.

Очень понятны те, кто раздражен копанием в «белые пятнах» истории. Пятна белы, пока мы **не знаем.** Увы, обнаруживается, что все пятна — черные. Хоть бы для смеху одно оказалось розовым. Нет. Да и розовые — стоит только копнуть...

В энциклопедических словарях (издания 1955 года, равно и 1988 года) — читаем, что Соловецкий монастырь — памятник архитектуры — чинно-благородно-розово. Те, кто познакомился с термином «ГУЛАГ», узнали другое: «лагерь». СЛОН — Соловецкие лагеря особого назначения. Чернота проступила.

Теперь мы увидели фильм Марины Голдовской «Власть соловецкая».

...Зеков встречал удар в лицо и пояснение: «Здесь власть — не Советская, здесь власть — соловецкая!» А на экране мы видим монастырь — памятник архитектуры. Но там, где в предыдущей фразе стоит тире, в истории Соловков — почти двадцать лет тюремно-лагерного кошмара.

У монахов там росли огурцы и чуть ли не ананасы в оранжереях. Теперь реставраторы — «спасают». Запустение. Ни огурцы не растут, ни знаменитая селедка не ловится. Почему?

Может быть, потому, что у власти соловецкой все строилось на зуботычине? А с природой эти номера не проходят. Она свои милости (вслушайтесь в слово) без любви не отдает. «Взять их!» (милости у природы) — это же команда арестовать. Ну, поди, арестуй весну или лето. Уйдут, не заметив ареста.

...Когда-то мы читали. Теперь мы смотрели фильм. А потом на сцену Дома кино вышли те, кто познал власть соловецкую не по книге и не по фильму.

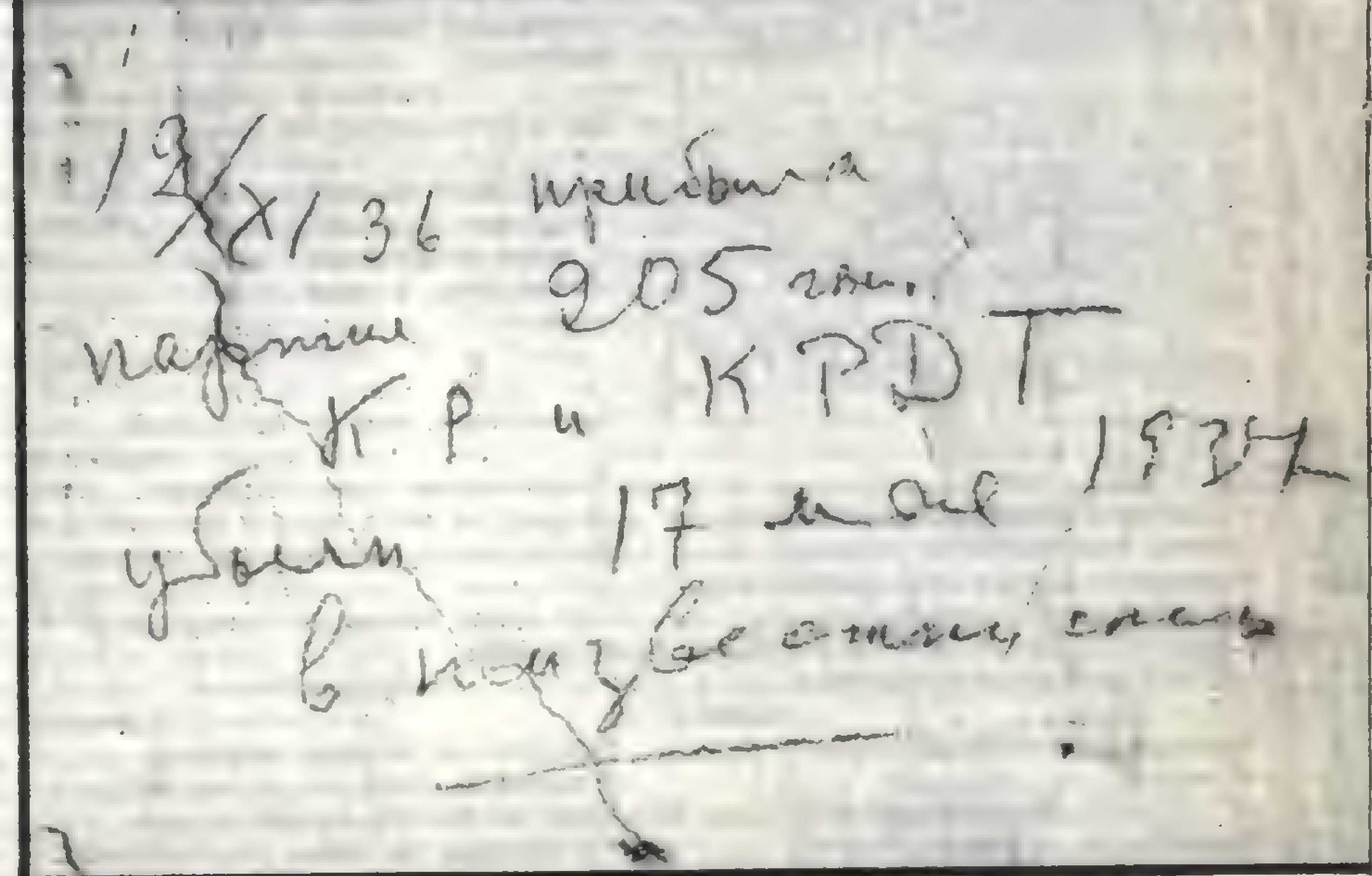
Соловчане. Отбывшие кто 4 года — как академик Дмитрий Лихачев, кто 27 лет — как писатель Олег Волков.

Он выступил первым. Говорил ровесник века. 27 лет ломали человека. Не сломали. Бог не лишил разума, не отнял память. Логично, спокойно, стройно и строго сказал Волков о том, как радует его наше время, разоблачающее рашидовщину, брежневщину, сталинщину, но что мы не победим в этой борьбе, если опять, в который уже раз, остановимся на полпути, остановимся, не желая видеть истинного начала бед...

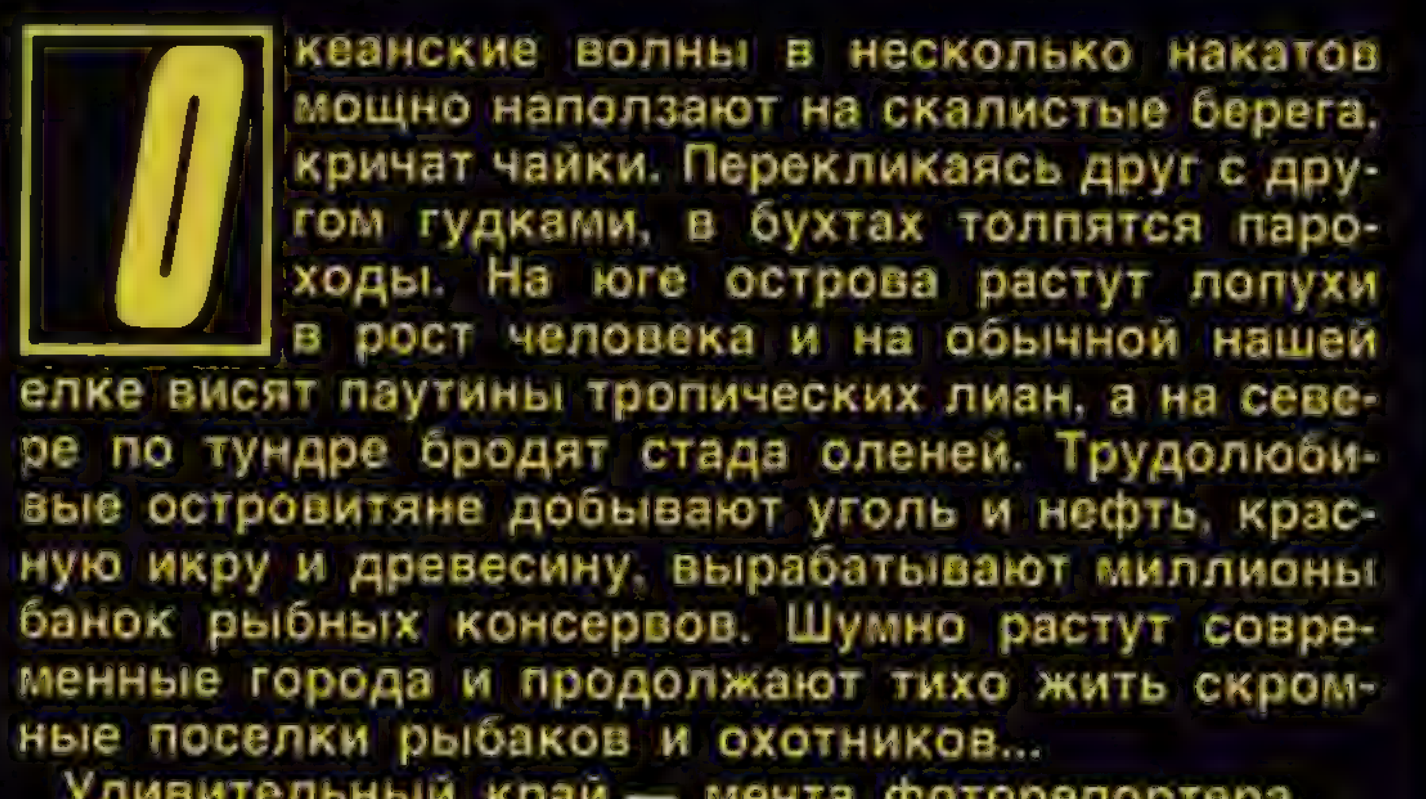
Сталин — чудовище. Но не лукавят ли наши инженеры человеческих душ, приписывая ему роль изобретателя зла? Не сходится. Либеральные авторы с наслаждением рисуют тупость Кобы, его творческую импотенцию, неразвитость ума и души; уличающе перечисляют, что и у кого он украл (у Троцкого — казарму, у Бухарина — конституцию, у Кирова...). И возразить нечего. Верю. Но не верю, что этот тупица изобрел такую суперсистему власти, которая и через 35 лет после его смерти оказывает сопротивление, да так, что все наши силы, как в песок уходят, все усилия, как болото засасывает.

Режиссер М. Голдовская и ее группа сняли замечательный фильм. Они не только разыскали уникальные кадры хроники, документы и немногих выживших соловчан. Нашли и одного из тех, кто всеми силами избегает известности. Вот он — идет по проспекту Мира — пенсионер, бывший начальник культурно-воспитательной части СЛОНа, любивший бить людей ногами и отмывавший после службы сапоги от крови. Теперь у него нет шансов уйти из нашей памяти.

...Плывут в памяти кадры фильма «Власть соловецкая». Плывет баржа «Клара», на которую погрузили в 1939-м последних соловецких зеков. «Клара» вышла в открытое море и бесследно исчезла.

12/XI/36 прибыла
205 чел.
партии
К.Р. и КРДТ
17 мая 1937
убыли

Океанские волны в несколько накатов мощно наползают на скалистые берега, кричат чайки. Перекликаясь друг с другом гудками, в бухтах толпятся пароходы. На юге острова растут лопухи в рост человека и на обычной нашей елке висят паутины тропических лиан, а на севере по тундре бродят стада оленей. Трудолюбивые островитяне добывают уголь и нефть, красную икру и древесину, вырабатывают миллионы банок рыбных консервов. Шумно растут современные города и продолжают тихо жить скромные поселки рыбаков и охотников...

Удивительный край — мечта фоторепортера.

На жизнь работы хватит!

Но по условиям совместного советско-американского проекта «Один день из жизни СССР» время съемки было ограничено сутками. Напомним, что это была самая крупномасштабная фотосъемка, когда-либо проводившаяся в Советском Союзе. В ней приняло участие сто ведущих фотомастеров мира (пятеро из них — сотрудники «Огонька»), запечатлевших в этот день 127 000 мгновений нашей жизни.

Сегодня мы представляем несколько фотографий Игоря Гаврилова, которые он сделал в тот день на Сахалине.

ЗДЕСЬ ПРОСЫ

ПАЕТСЯ СОЛНЦЕ

МЯС

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗВЕСТНОГО АМЕРИКАНСКОГО СОВЕТОЛОГА СТРОБА ТАЛБОТА — АВТОРА ТАКИХ КНИГ, КАК «СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГАМБИТЫ», «РУССКИЕ И РЕЙГАН», «РЕЙГАН И ГОРБАЧЕВ»,— ДЕЛО ВЕСЬМА НЕОБЫЧНОЕ. ВПРОЧЕМ, НАВЕРНОЕ, ТАКОЕ ЖЕ НЕОБЫЧНОЕ, КАК И ТО ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ОН СОВЕРШИЛ.

Даже название озера, Полто № 3 (из языка местной национальности), заставляло представить уединенную, первобытную, почти неисследованную, нетронутую местность. Озеро было затеряно где-то в тайге Томской области, в 30 километрах от ближайшего населенного пункта. Такие географические точки не фигурируют в брошюрах «Интуриста».

Василий Ашчулов, егерь, ответственный за район, разбил лагерь на холме прямо у берега. Однажды промозглым пасмурным августовским днем он задрал голову к небу, внимательно прислушиваясь. Через несколько минут из тумана появился вертолет.

Машина парила над болотистым берегом, роторы продолжали вращаться, чтобы шасси не увязли в грязи. Вихрь, поднятый винтом, пригнул высокую траву на берегу и вспенил воду в озере на сотню метров вокруг. Шум мотора заглушал протестующий лай двух ашчуловских собак, Варнака и Валета, рвавшихся с цепи у палатки.

Дверь вертолета открылась, и по небольшой лестнице быстро сбежали 16 человек. Гости, непроизвольно пригибаясь, чтобы не попасть под вращающиеся лопасти, быстро разгрузили 30 чемоданов, коробки, сумки, резиновые надувные матрасы, отборные удочки и ружья.

Так началось, пожалуй, самое многочисленное, и, уж конечно, самое странное вторжение в этот обычно тихий и всегда красивый уголок сибирского безлюдья.

Гостями были 12 моих родственников и друзей. Разница в возрасте между младшим и старшим составляла 60 лет. Общим, пожалуй, было то, что они все — жители США.

Мои родители — им под семьдесят — живут в Кливленде, промышленном городе на берегу озера Эри, где мой отец Нельсон работает на производстве кварцевых кристаллов для электронной промышленности. Мой друг детства Александр Клоуес — хирург и исследователь в Сиэтле; его жена Моника — биолог. Моя жена Брук была журналисткой, а теперь работает частным сыщиком. Мой двоюродный брат Бериен Мур — профессор математики и специалист по глобальным экологическим изменениям, работает в университете Нью-Хэмпшира, а его жена Гэйл — художница.

Мой младший брат Кирк — юрист, помогающий развивающимся странам разбираться в вопросах охраны окружающей среды. Его жена Иветта — статистик в государственном департаменте по труду. Они поженились меньше 10 дней назад, и эта поездка должна была стать в высшей степени оригинальным медовым месяцем, правда, с явным перебором сопровождающих.

Младшими в нашей группе были два моих сына, Дэвин, 11 лет, и Адриан — ему 8, и двенадцатилетняя дочь Муров Лейла.

Нам не было в новинку провести вместе неделю в августе, занимаясь ловлей рыбы и туризмом. Семейные экспедиции нередки в США. Американцы, как и жители Советского Союза, живут в огромной стране, где еще остались уголки, куда не вторглась цивилизация. Наверное, и поэтому американцы неравнодушны к настоящему туризму.

Традиции нашей семьи сохраняются на протяжении ста лет. В конце XIX века мой прадед, инженер из Дэйтона, строил железную дорогу в Канаде, и, влюбившись в дикую северную природу, много раз возвращался туда со своими детьми. Потом дети стали привозить своих детей, и так далее... Меня впервые взяли в это ежегодное путешествие в 1954 году. Тогда мне было 8 лет, столько же, сколько теперь моему младшему сыну — представителю пятого поколения.

Иногда во время наших ежегодных походов мы проходили на каноэ по озерным районам Канады и Северной Миннесоты, иногда совершали путешествие по горным тропам «страны ковбоев» в Колорадо и Вайоминге. Дважды отваживались на вылазки в настоящую тайгу и даже тундру.

Итак, наша сложившаяся группа шумно прибыла на озеро Полто № 3, чтобы начать традиционный отдых на природе. Правда, в этот раз мы находились на расстоянии, равном почти половине земного шара от наших домов, в тысяче километров от ближайшей «Березки», в части Советского Союза, обычно закрытой для иностранных туристов.

Мы были первыми американцами, которых когда-либо видел егерь Ашчулов. Когда он рассказал своим знакомым, что будет обслуживать «Интурист», над ним посмеялись, посчитав, что он чего-то недопонял. И я до сих пор не могу поверить, что мне выпала такая удача. Ведь потрясающие приключения в жизни 13 американцев стали результатом двух важных начинаний в жизни планеты — очередной разрядки в советско-американских отношениях и политики гласности в СССР.

Все началось больше года назад, во время моей поездки в Сибирь с Томасом Уотсоном, преуспевающим бизнесменом, в течение многих лет возглавлявшим компьютерный гигант IBM. Он всегда выступал за более тесные связи между Вашингтоном и Москвой, и в 1979—1980 годах был послом президента Картера в Советском Союзе. Во время второй мировой войны он перегонял американские истребители для Красной Армии по «воздушному мосту» Аляска — Сибирь. Летом 1987 года Уотсон смог вспомнить свой опыт. За штурвалом личного шестиместного реактивного самолета Уотсон за неделю прошел маршрут Москва — Новосибирск — Иркутск — Якутск — Анадырь. Я был знаком с Уотсоном, и он пригласил меня совершить это сентиментальное и символичное путешествие вместе с ним.

Во время остановки в Новосибирске я встретился и подружился с Валерием Константиновичем Войтенко, председателем местного отделения «Интуриста». Я ему признался, что много лет мечтаю приехать однажды со своей семьей и друзьями в Советский Союз и пойти в поход.

Я объяснил, что провел большую часть сознательной жизни студентом в СССР. В университетах США и Англии в конце 60-х — начале 70-х годов изучал русскую литературу. Как журналист специализировался на советской политике и дипломатии сверхдержав.

Но так как члены моей семьи имели весьма смутное представление о Советском Союзе, они не могли ни разделить, ни как следует понять мою завороженность всем русским. Для них это путешествие было бы возможностью не только увидеть природную красоту Советского Союза, но и познакомиться с людьми.

Я просто мечтал вслух, но Войтенко воспринял мои слова как конкретное предложение. Выслушав, он спросил с удивляющей готовностью и явным энтузиазмом: «Почему бы нет?» Осенью началась наша длительная переписка. Я переводил его письма на английский и показывал участникам наших регулярных летних походов. Вначале мои друзья и родные, казалось, не всерьез воспринимали все, но были снисходительны к моей затее, которую считали причудой. Потом Войтенко передал мне координаты выбранного места. Члены нашей группы проверили свои атласы и поразились, как далеко от цивилизации оно расположено. Они заметили, кроме того, что в большинстве карт район заштрихован зеленым, это болота. А болота для туристов означают одно: комары и мошкара.

Дела принимали серьезный оборот. Кроме того, мы выяснили у представителя «Интуриста» в Вашингтоне, что стоимость поездки весьма сносная. Маршрут включал два дня в Москве по дороге в Сибирь и два дня в Ленинграде на обратном пути.

Перед нашим отъездом коллеги и знакомые прознали, куда мы едем. Реакция была разнообразной — от восхищения, смешанного со страхом, что мы никогда не возвратимся, до насмешек и сообщений, что поделом нам будет, если там и останемся, и что нас съедят живьем,— если не комары, то медведи. А если не медведи, то русские.

У Сибири, мягко говоря, не очень хорошая репутация среди большинства американцев. Само название навевает образ политзаключенных, дрожащих от холода в концлагерях, и буровых вышек на фоне снежных пустынь. Когда одна знакомая, эмигрантка, живущая в Западной Европе, узнала о наших планах, она написала страстное письмо, умоляя меня не везти семью «туда». «Ты представляешь,— настаивала она,— твои дети вырастут в полной уверенности, что Сибирь — прекрасное место для пикников и веселья».

Между тем члены нашей группы, каждый по-своему, готовились к путешествию. В моей семье только жена ступала на советскую землю (она была в числе американских журналистов, освещавших встречу в верхах президента Никсона и Брежнева в 1974 году). Мои родители прочли биографии нескольких царей и цариц, «900 дней» Харрисона Солсбери — о блокаде Ленинграда — и рассказы о современной советской жизни. Мой старший сын Дэвин прочел две мрачные книги об истории Сибири. И все же, несмотря на все наши усилия, мы не были готовы к этой поездке, и прежде всего мы не были готовы к встрече с советскими людьми. А это, пожалуй, было самым важным и запоминающимся.

Войтенко условился со своим заместителем Валерием Владимировичем Демиденко, страстным рыбаком и охотником, что тот, как и егерь Ашчулов, будет нас сопровождать. К нему присоединилась Наташа Сырникова, прекрасная переводчица, к тому же с привлекательной внешностью. Она, в свою очередь, взяла с собой Мишу Нарова, пятнадцатилетнего сына ее сослуживца, и щенка лайки, которого звали Лайда. Наташа впервые была в таком лесу и надеялась, что мальчик, вооруженный пневматической винтовкой и ножом, и собака защитят ее от зверей, бо́льших, чем комары. Она взяла с собой красный зонтик, из-за которого мы, ветераны туризма, над ней посмеивались. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним,— за эти пять дней дожди шли часто, и наша «Мэри Поппинс» не мокла так, как мы.

Но мы не жаловались на дождь, следуя народной мудрости: в лесу плохой погоды не бывает. Нас не очень беспокоили комары, хотя нашу прекрасную американскую кровь они пили, как будто это была водка.

Две «стороны» быстро превратились в одну. Маленькие американцы, относившиеся с осторожностью к людям, известным им до этого только как «коммунисты», с радостью помогали Демиденко и Ашчулову готовить уху из окуня, сига и щуки, во весь голос распевая популярные американские песни.

Даже языковой барьер, казалось, не существовал. Ашчулов, чей английский состоял из «о'кей» и поднятого большого пальца, пошел как-то вечером с моим отцом, Бериеном Муром и Александром Клоуесом на озеро, охотиться на уток. Переводить было некому, а из трех американцев ни один не говорил ни слова по-русски. Но они прекрасно нашли общий язык с Ашчуловым с помощью жестов. Вернувшись в лагерь с семью утками на обед, Ашчулов, улыбаясь, объяснил: «Охотники друг друга понимают».

Он приготовил уток в большой кастрюле с чесноком, луком, лавровым листом и мелко нарезанным укропом, и моя жена, великолепный повар, объявила, что это одно из лучших блюд, которое ей довелось попробовать. Когда же на следующее утро она отведала за завтраком подберезовик на жареном хлебце, то попыталась убедить Ашчулова рискнуть и открыть совместный кооперативный ресторан.

В общем, мы были слишком заняты обыденными делами — как остаться сухими, сытыми и быть в тепле,— чтобы говорить о политике. Исключением был последний вечер, проведенный в лагере. Мы сидели вокруг костра, пили русский чай и американский горячий шоколад и говорили о Джордже Буше, Майкле Дукакисе и Михаиле Горбачеве, об их будущем и о нас самих.

На следующий день прилетел вертолет, и вечером нас встречал Новосибирск. Было много тостов. И традиционное в таких случаях слово «дружба» вдруг стало означать гораздо больше. Войтенко и Демиденко подняли бокалы за то, чтобы Дэвин, Адриан и Лейла не только продолжили семейную традицию, но и приехали со своими детьми к озеру Полто № 3.

Мы искренне и с глубокой надеждой выпили за это.

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Выстрелов в этой истории не было. Сто боевых патронов остались лежать нетронутыми. Их вовремя обнаружили при обыске в безобидном бельевом шкафу. На запястьях хозяина щелкнули наручники. А недели спустя в краевой эфир вклинилась срочная информация: «Разоблачена преступная группа во главе с директором совхоза Городицким...». И вот три года спустя в здании краснодарского суда произошло ЧП. О нем упорно молчала краевая пресса. Умолчим пока и мы. Но прежде поведаем о событии 1979 года. С него-то все и началось...

АКЦИЯ

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Из показаний первого заместителя директора треста «Овощпром» Н. Д. Жигалкина на суде:

«...В годы, когда пришел Городицкий, был сделан резкий рывок вперед. Директор развернул жилищное строительство, поселок хорошел на глазах. Во всех отраслях произошел перелом: стали выполняться планы, поднялась урожайность. В совхоз стали проситься на работу люди...»

КТО ПОЕДЕТ В ЧЕЛБАССЫ?

Ехать не хотел никто. Добровольцев попасть в кресло директора совхоза «Челбасский» не нашлось. Если кто в него и попадал, обычно искал повод покинуть хозяйство. Повод находился. А хозяйство продолжало катиться вниз, обрастая миллионными долгами.

В Челбассы поехал он — Городицкий. Поехал, прекрасно зная, что такое Челбассы. А это и непролазная грязь горбатых дорог, и истерзанные сорняками поля, и покосившийся клуб, подпираемый хмельными молодцами. Впрочем, не хуже знал и то, что под ногами без настоящего дела томились 2500 гектаров кубанской земли, на которой можно творить агрономические чудеса. Но, заглянув в уголки доставшегося «царства», понял: с чудесами придется повременить. Вырваться бы из лиги аутсайдеров треста — в списке 16 хозяйств Челбассы занимали 16-е место.

Итак, в районе он отныне самый молодой директор самого убыточного хозяйства. Абсолютное большинство челбассцев смотрело на «необъезженного» директора как на временное явление. Но временным явлением стало абсолютное большинство.

И вот из совхоза побежали кадры. Началось великое, в масштабах Челбассов, самосокращение. И когда видел директор кузов грузовика со скарбом очередного переселенца, не огорчался. Понимал, бегут слабаки, с которыми не создать того, что замыслено. На их смену приходили новые. С ними-то замысленное и стало явью.

ДОХОДНОЕ КРЕСЛО

Такова краткая летопись Челбассов, куда приехал Городицкий, по сути дела, объявивший перестройку местного значения в те застойные годы. Такова первая сторона медали, которая не вязалась со стороной обратной, отраженной в обвинительном заключении: ***«Во вред интересам государства организовал несколько преступных групп; до 1985 года систематически совершал в совхозе хищения государственного имущества и денежных средств в особо крупных размерах; неоднократно получал взятки, занимался иной преступной деятельностью... Причинил вред народному хозяйству СССР...»***

Перечитываю эту противоположную по смыслу предыдущей цитату. Хочу понять, зачем обрек себя на многолетние хлопоты по преобразованию отсталых Челбассов. Голая попытка что-то доказать, вывести совхоз из застоя? Или был дальний прицел: из тех же Челбассов сделать потом доходное место. Но стоило ли вкладывать столько сил, не досыпая ночами, наживая врагов, если был выбор: кроме отсталых Челбассов, предлагали более благополучный совхоз «Новороссийский». Ведь те же «денежные средства в особо крупных размерах» дались бы сразу более легким путем. А таких путей в былые времена царствования на Кубани Медунова — времена фантастических приписок и бравурных рапортов — было более чем достаточно. Но Городицкий почему-то выбрал заброшенные Челбассы.

И прежде чем пытаться объяснить этот выбор, важно понять, что все-таки стало отправной точкой этому делу. А главное, кто явился тем бесстрашным правдолюбцем, не убоявшимся в те застойные годы сорвать с влиятельного директора, члена бюро ГК КПСС маску? Этого-то смельчака я и решил сделать положительным персонажем очерка...

ГЕРОЙ В КАПРОНОВОМ ЧУЛКЕ

Поиски положительного героя долго не давали результатов. Скромность, которой украсил себя герой, не знала пределов. Каждый опрашиваемый мною работник совхоза неопределенно пожимал плечами. Блокнот долго пустовал, пока не легли в него строки из показаний совхозного водителя Роговского В. К. на суде:

«Полям хозяйства не давали покоя расхитители, среди которых попадались и работники милиции. Многие считали совхозное личным. Случалось, наставляли на Городицкого обрезы. А сколько было угроз!..»

Угрозы действительно были. По телефону ли измененным голосом, запиской ли, упавшей на дно почтового ящика. «Либо убирайся из поселка подобру-поздорову,— советовал неизвестный,— либо получишь свою порцию свинца... Круто берешь, хозяин...»

«Хозяин» и впрямь брал круто. Иначе не мог. Иначе и не понимали. Он не требовал совершать трудовые подвиги — просил работать честно и не красть совхозного. Когда просьбы оказывались тщетными, применял власть, становясь неприступно суровым, подчас перегибая палку. Срывался и до грубости. Был груб, но прав. Если кого и увольнял, то с чистой совестью. А в ответ — поигрывание желваков на скулах. В ответ — очередная записка.

Но записками не ограничивались: звенели в доме Городицких выбитые стекла; случалось, что неизвестные, напялив на головы капроновые чулки, подка-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА.

рауливали ночью с колами. Не помогало ничего — директор к советам не прислушивался. А однажды прогремел выстрел.

Стреляли из обреза. Промахнулись. Директор бросился на выстрел. Стрелявший, видимо, не ожидавший от своей жертвы такой реакции, бежал в ночь, выронив впопыхах оружие. Наутро Городицкий отвез обрез в горком партии, показал секретарю Артуганову В. П. «Ты бы поосторожнее...» — посоветовал тот. Но поосторожнее Городицкий не мог — около 57 тысяч рублей, по его подсчетам, теряло хозяйство от воровства на полях.

И вот лаконичные депеши с советами вскоре перестали приходить. Их сменили обстоятельные, как диссертации, письма в вышестоящие инстанции. В «диссертациях» не хватало той же детали — подписи автора.

Хозяйство же тем временем продолжало давать государству сотни тысяч чистой прибыли. Шел последний застойный год. План Городицкого на 1985 год — стать совхозом-миллионером. Но планам не суждено было сбыться. До ареста оставалось несколько месяцев...

* * *

...А на след положительного героя я все-таки напал. В деле Городицкого нашлось письмо бесстрашного заявителя. В заявлении перечислялись факты, легшие в основу обвинения. «Позже факты будут солиднее,— предрекал автор,— и тогда без суда не обойдется...»

Словно в воду смотрел заявитель. И, вчитываясь в полные гражданского пафоса строки, я уже готов был мчаться к их автору, в Челбассы. Но ехать, как оказалось, было не к кому. Мой персонаж скрывался на этот раз под псевдонимом «рабочий совхоза». Выражаясь фигурально, бесстрашный правдолюбец, пожелав остаться неузнанным, предстал передо мною в той же самой маске из капронового чулка...

Проще говоря, передо мною лежала самая банальная анонимка — этот атавизм застойных лет, удобная палочка-выручалочка, пригодная подчас для расправы над неудобными. До недавнего постановления, оставившего за бортом жизни подметные письма доброжелателей, оставались годы. Еще в чести были назойливые депеши «правдокопателей», умеющих порой диктовать злую свою волю...

К анонимке в прокуратуре отнеслись крайне уважительно и, пронумеровав ее, подшили к материалам дела. Совхоз же тем временем, простившись с миллионными долгами, начал давать сотни тысяч рублей чистой прибыли. В Челбассы по отутюженным асфальтовым катком совхозным дорогам зачастили делегации за опытом; в кабинете директора впервые заалело кумачом переходящее знамя. Городицкий был еще на свободе. Последнее обстоятельство и не устраивало правдолюбца. «Тихорецкий миллионер Городицкий, укравший несколько сот тысяч совхозных денег,— печатал ручкой разоблачитель,— продолжает ходить на свободе...»

И «миллионера» вскоре арестовали. На руках молодого директора, который и вывел заброшенные Челбассы из застоя, щелкнули стальные наручники. Стихла бессонная жизнь его кабинета, по которому можно было измерять учащенный пульс перестраивавшегося хозяйства; Челбассы словно замерли в ожидании участи директора — своей участи...

ЗАЧЕМ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ

На скромном горизонте районного правосудия замаячил «крупняк». За дело с невиданной готовностью, словно дождавшись чьей-то команды, взялось тихорецкое следствие. И, несмотря на относительно скромные размеры уголовного дела, о нем знала уже вся Кубань. Едва успели просохнуть чернила на ордере на арест, как Краснодарский край уже знал: директор совхоза — опасный преступник.

Первым в колокол общественного мнения ударил начальник УВД края генерал-майор милиции Разин М. С. По всем уголкам Кубани через эфир разлетелась весть: «Разоблачена преступная группа во главе с директором совхоза Городицким, который путем завышения расценок за выполнение строительных работ и оформление фиктивных нарядов похитил 15 тысяч рублей...»

Следствие еще было в самом разгаре, и неизвестно, к какому решению оно бы пришло, каким было бы само обвинительное заключение. Неизвестно, появилось бы оно на свет вообще. До суда оставалось чуть более года, а генерал уже был уверен, что группа — преступная, наряды — фиктивные, а «15 тысяч рублей» — похищено.

Вторым ударил в колокол сам прокурор Краснодарского края Рыбников Б. И. Через краевую газету «Советская Кубань» он сообщал массе читающих кубанцев о незаконной выплате премий, о том, как директор совершил невиданные приписки овощей, молока. До суда оставалось более 8 месяцев. Ни единая душа еще не знала, что приговор будет обвинительным. Даже судья Королихин Е. Н., вынесший обвинительный приговор. А прокурор откуда-то знал...

Здесь я далек от мысли защищать честь мундира своих краснодарских коллег, пропустивших в эфир и печать выступления начальника УВД и прокурора края. Но кто, как не эти высокопоставленные чиновники, знает, какой вес имеют ***их*** досудебные выступления с высоких трибун. И кому, как не Государственному советнику юстиции 3-го класса Рыбникову Б. И., знать о статье 16 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, в которой черным по белому написано: ***«Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие...»*** Но чем, если не посторонним воздействием, можно назвать упомянутые выступления в прессе?

Куда же так спешили генерал с прокурором, вольно или невольно задававшие определенный тон следствию? И если бы уважаемые мужи края удосужились бы взять в руки материалы дела, внимательно их проштудировав, то неизвестно, какие заметки на полях уголовного дела сделал бы каждый...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДЕЛА

Оставим пока знакомство со всеми публикациями, посвященными директору. Семь штук насчитал я их в краевой прессе! Поспешными и легковесными представали они на газетных полосах. Потому-то и углубился я в чтение томов нашумевшего дела. Если припомнить выступление генерала по радио, то речь в нем шла о неких строительных работах.

А в поселке действительно велось строительство. Его по договору с совхозом вел студенческий отряд. Городицкий с присущей ему энергией делового руководителя оказывал бойцам отряда действенную помощь, обеспечивая их, как и положено, необходимым фронтом работ. В этой-то благотворной деятельности директора следствие и узрело криминал. В обвинительном заключении со всей серьезностью отмечалось следующее:

«Организовал надлежащим образом работу отряда..., наладил бесперебойное снабжение строительными материалами, транспортом, механизмами и в конечном счете обеспечил бойцам отряда высокий заработок».

Выходит, устрой предприимчивый директор бедным студентам не высокий, а низкий заработок, не обеспечь ребят кирпичом, механизмами, то следствие отнеслось бы к этому факту благосклонно? Под подозрение в данном случае попадал сам факт высокого заработка. В приговоре опошлялся основной принцип нашего общества: от каждого по способностям, каждому по труду. Хорошо слаженная работа, социалистическая предприимчивость делового руководителя выходили за рамки прежних стереотипов. Во всем этом следствие видело (а может, и хотело видеть) личную корысть, замешанную на взятках. Уголовно наказуемыми в данном случае становились нормы жизни, к которым стремимся мы и сегодня.

А заработок и впрямь был высоким. Каким он и должен быть за ударный труд от зари до поздней ночи. Бойцы отряда покидали поселок, оставляя после себя улицу домов. И вот в момент следствия вышла незадача — никак не могут отыскать дополнительный договор, согласно которому и строились жилища. К факту отсутствия документа суд отнесся глубокомысленно: «Документ все-таки!..» Бумаги и впрямь не было. Но существовали дома. Целая улица домов. Их можно было потрогать руками, измерить с участием судебных экспертов (что так и не было сделано). Они существовали в реальности, в них пестрела жизнь: игрались свадьбы, стирались пеленки, зарождались семьи, которые были благодарны директору за то, что он когда-то так неосмотрительно для своего незавидного будущего «организовал надлежащим образом работу студенческого отряда».

Короче, были дома, но не было бумаги, возможно, затерявшейся в путаных дебрях бухгалтерии. Почтенный суд не располагал документом, подтверждающим сей факт де-юре. И бумага взяла верх — отсутствие оной стражи закона поставили директору в вину...

Но попробуем все же довериться автору одной из заметок в газете «Комсомолец Кубани». Согласно публикации (которая по своей фактуре в чем-то совпадала с текстом тех анонимок) директор был отъявленным взяточником. Я долго листал дело, чтобы понять, как же доказывалось это серьезное, трудно доказуемое преступление, какими неоспоримыми доводами оперировало следствие, суд. Довод первый нашелся в самом «сердце» уголовного дела — в приговоре, по которому и получил не в меру предприимчивый директор 12 лет лишения свободы. Цитирую дословно:

«Со слов Тлехуча и Хатхоху было известно о том, что директору ...передавались деньги...»

А это доводы следствия:

«По поселку ходили разговоры, что Городицкому давались взятки...»

Ни на минуту не могу себе представить деревню без слухов. Впрочем, вот один из них, услышанных мною: «...Директор не дал прокурору района Руденко совхозные талоны на бензин, они поссорились, за что прокурор и сделал все возможное, чтобы упечь директора в тюрьму». Если верить слуху, вошедшему в документ, то почему бы не поверить и этому? Почему бы по тому же принципу не поверить, например, в то, что все устремления следствия, прокуратуры были хорошо продуманной акцией по расправе с независимым, деловым директором, ставшим для кого-то бельмом на глазу.

Оригинальным по своей простоте и убедительности показался мне и следующий довод следствия: ***«Поведение Кана было спокойным, и оно (поведение.— М. К.) явно доказывало то, что следственно-заключенный говорил правду».***

Но ведь и поведение Городицкого тоже было спокойным. Выходит, и он говорил святую правду. Почему же не поверило следствие ему? При подробном чтении дела у меня невольно возникало ощущение некоей заданности со стороны следствия, надевшего наручники на преуспевающего директора.

Не буду далее утомлять читателя перечислением всех казусов и противоречий. Их несметное количество, и они скучны. Лучше попытаюсь найти всему этому вразумительное объяснение. Для этого отвлекусь пока от источников официальных, обратившись к источникам неофициальным...

ТРИ ПИСЬМА ГЕНРИХУ

Это были два тайных письма. Их доставила тюремная почта адресату по кличке Генрих. Подследственный Кан писал в камеру Городицкому:

«Привет, Генрих! Ты извини меня, что оказался таким подлецом. Я очень виноват перед тобой, что оговорил тебя, будто давал тебе взятки. Так получилось — меня поставили в такие условия... Я смалодушничал — наврал сумму и выдумал время дачи тебе взятки. Еще раз прости старика, что наговорил на тебя. На суде обещаю говорить только правду...»

Кан сдержал свое слово, рассказав на суде и про первые дни после ареста:

«31 марта 1985 г. меня самолетом привезли в Тихорецк в 21.00 и сразу повели к прокурору Руденко. Там были следователь Осипенко и начальник ОБХСС Змихновский. Они начали меня шантажировать... Руденко сказал, спиши деньги на Городицкого и поедешь домой ...или же сгниешь в тюрьме... Я опять сказал, что так говорить не буду. Тут с кулаками набросился Осипенко. Все равно, говорит, вышибу все, что было и чего не было. Я и дал показания на Городицкого под нажимом Руденко, Осипенко и Змихновского».

Поведал Кан и о «суфлере» Осипенко:

«Осипенко говорил, что буду отпущен домой, как только запишу показания на магнитофон... Он написал мне шпаргалку... с записью дат и сумм денег, что якобы давал Городицкому. Осипенко задавал мне вопросы, а я по шпаргалке отвечал...»

Суду же рассказал он и о торге, который произошел в кабинете следователя Пак:

«...Методы у Пак были другие — она жужжала, как назойливая муха... о том, что ей нужен хоть один эпизод... Все равно, говорит, чистым меня не выпустят. А если скажешь то же, что говорил Осипенко, покажешь на директора, выпущу под расписку... Я долго не соглашался на эту аферу. Но я очень стар, изрядно устал и измучился в тюрьме. Уже два года не видел семью, поэтому и клюнул на приманку Пак...»

На то же «клюнул» и другой взяткодатель — Тлехуч. Впрочем, у последнего были на то особые причины. Доказывая псевдопреступления директора, следствие, само того не подозревая, вскрыло преступление реальное, совершенное Тлехучем и мастером студотряда Хатхоху. Они утаили от общего заработка сокурсников 10 тысяч рублей. Но их не постигла директорская участь — следствие их преднамеренно не взяло под стражу, отпустив под расписку. Платой за дарованную свободу был оговор Городицкого.

Воры расплатились сполна. Но вот грянул приговор, в котором и нашлись отрезвляющие для оговорщиков строки:

«Меру пресечения изменить, из зала суда немедленно взять под стражу...» Итак, прощай, свобода... Прозрение наступило уже в тюрьме, за миской скупой похлебки. Тюремное меню пришлось не по вкусу. В результате и родилось третье письмо, тайно переправленное той же почтой:

«Здравствуй, Генрих! Побыли неделю в тюрьме и все поняли. Натворили делов для тебя, и нам плохо стало... Я прошу тебя, не обижайся. Но ты сам виноват, что поссорился с прокурором района Руденко. Не поссорился бы, все было бы нормально. И ты работал, и нас бы никто не

трогал... Знаем, что ты сердишься. Извини...»

Повинные письма теперь невольно проливали свет на то, как зарождалось уголовное дело, почему не суждено было сбыться планам Городицкого, взявшегося вывести отсталые Челбассы в миллионеры. Все это напоминало заговор против инициативного руководителя совхоза. Заданность следствия проглядывалась уже и в том, что прокуратура шла от ареста к добыче вещественных доказательств, а не наоборот. Одним из таких вещдоков и стали «пригодные для стрельбы боевые патроны», упомянутые в самом начале.

Их нашли уже при втором обыске, после того как «глава преступной группы» был арестован. Но как могли оказаться эти «вещдоки» в бельевом шкафу, тщательно перерытом накануне, еще при первом обыске? Может, для удобства следствия их подбросила обезумевшая от горя жена с месячным младенцем на руках?

Эти вопросы и переадресовал я следователю Осипенко, руководившему обыском. Последний клятвенно заявил, что патроны в шкаф он не подбрасывал. Тогда зачем было ему приписывать в протоколе обыска «100 штук» (боевых патронов.— **М. К.**), победоносно размахивая этим сфабрикованным документом в период следствия? Хочешь не хочешь, а начинаешь невольно приходить к выводу, что следствие, выбивая из-под Городицкого директорское кресло по чьему-то негласному указанию, готовило ему тюремные нары...

О ЧЕМ МОЛЧАЛ КОЛОКОЛ

Об этом ЧП упорно молчит пресса и по сей день. Та самая пресса, которая с гражданским пафосом описывала преступления директора из Челбассов. ЧП произошло в зале Краснодарского краевого суда на глазах у всех. «Глава преступной группы» неожиданно покинул зал. Нет, это был не побег из-под стражи. Городицкого оправдали сразу по двум статьям. По реабилитирующим обстоятельствам!

Это стало возможным после того, как Председатель Верховного суда РСФСР Н. П. Мальшаков внес в Президиум протест. Краснодарский судья Епифанов В. М., которому доверили новое судебное разбирательство, увидел наконец ту тьму противоречий в двадцатитрехтомном деле. Он-то и оправдал Городицкого, наконец-то сняв с него клеймо вора и взяточника.

Сколько же лестных для этого судьи сравнений занес я поначалу в блокнот, когда задумался о его поступке! Именно о поступке, так как старые стереотипы застойных лет часто еще мешают большинству судей пойти наперекор мнению, сформировавшемуся в стенах родного суда. Это значит противопоставить себя коллегам. А тут, отбросив местные амбиции, судья отмел прежние статьи Уголовного кодекса в отношении Городицкого.

И все-таки боязнь оправдательного приговора в большинстве служителей Фемиды засела пока основательно. Что, в сущности, означает сам по себе этот вид приговора в свете тесных взаимоотношений суда и прокуратуры? А это не что иное, как публичное порицание работы прокуратуры, принародное осуждение следственных органов, сфабриковавших уголовное дело. Но так ли охота подчас местному суду портить давно отлаженные отношения с местной прокуратурой, работающей в удобном соседстве? Тем более портить их публично, при всем честном народе. В некоторых судах появление оправдательного приговора подчас означает ЧП, приравненное к цунами, появившемуся на безоблачном горизонте местных судебно-правовых отношений. На отважного судью, вынесшего такой приговор, начинают смотреть или как на взяточника, или как на героя, совершившего поступок.

Именно так и смотрел я на краснодарского судью, пока не дочитал приговор. А дочитав, обнаружил, что не с такой уж чистой биографией покинул директор зал суда. Судья, например, оставил-таки за ним статью по припискам овощей. Хотя нетрудно понять и судью — Городицкий пусть частично, но ***признал*** свою вину. Казалось бы, вывод судьи Епифанова правомерен. Впрочем, при этом мнении я и оставался бы, если бы не одно непредвиденное обстоятельство...

КАК ЕЕ РАЗВЕНЧИВАЛИ...

То было не совсем обычное письмо, пришедшее в редакцию задолго до освобождения его из-под стражи. Писал заключенный Городицкий, сам того не подозревая, что в очередной раз развенчивает Царицу доказательств — признание вины.

«Уважаемая редакция! Пишу из камеры № 126 СИЗО 18/1 втайне от надзирателей. Вот уже 1091 день я живу в уголовном мире, пребывая в откровенных беседах с преступниками и безвинно осужденными. Поэтому прекрасно ориентируюсь в судебных вопросах.

Перед законом я чист. И судья Епифанов должен вынести мне оправдательный приговор. Но его не будет! Ведь если оправдают по всем статьям, придется наказывать своих же — виновников фабрикации дела. А на это никогда не пойдут. Поэтому, возможно, выберут середину: согласно протесту оправдают по серьезным статьям (взяткам, хищению), но при этом оставят мелочь (парутройку несущественных статей), чтобы как-то оправдать безвинно отсиженные мною 3 года и 17 дней.

Если буду оспаривать статьи, доказывать правду, суд может оказать «услугу» — отослать дело на доследование к тем же следователям, и тогда может начаться все сначала. Это будет продолжением той прокурорской акции в отношении меня. А у меня уже нет сил — за три года я сменил 7 тюрем, 30 камер, 2 колонии, вынес 22 этапа. Лучше я оговорю себя, признаю несуществующую вину, куплю свободу ценой самооговора. А на свободе докажу, что чист перед законом по всем статьям. Здесь же, в камере, эффект борьбы равен абсолютному нулю...

Подсудимый Городицкий Г. М.».

Письмо написано задолго до приговора. Предсказания подсудимого сбылись. Суд довольствовался практически одним признанием, ставшим единственным доказательством вины, не подтвержденной логикой. Не смутило почтенный суд отсутствие в деле важных первичных документов, доказывающих преступление. А это и путевые листы, и товарно-транспортные накладные, и т. п. Но кому, как не судье, знать прописную истину из статьи 77 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР:

«Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания СОВОКУПНОСТЬЮ имеющихся доказательств по делу».

Не мог не знать судья эту прописную истину. А тем более забыть ее. Неизмеримо дорого стоила нашей стране подобная «забывчивость» во времена Вышинского, сделавшего из признания вины Царицу доказательств. Невинных, вынужденно признававших «вину», вели на расстрел. Здесь нет необходимости приводить примеры того времени. Их масса в печати. Но не будем успокаивать себя тем, что это ошибки безвозвратного прошлого. Столь же ошибочные выстрелы раздаются и в наше время. В той же печати находим мы тому подтверждение с конкретными примерами. Это прежде всего судебный очерк, опубликованный в «Литгазете»,— «Метастазы». Истинный преступник 14 лет убивал свои жертвы. Арестовывали невинных. А судьи тем временем, не утруждая себя поисками истины, довольствуясь одним признанием, посылали невинных за решетку, на расстрел.

Да, я беру крайности. Но только через эти крайности можно понять, какие ужасы способна еще натворить развенчанная, казалось бы, Царица доказательств.

КТО ВИНОВАТ?

О «грехах» директора можно говорить долго. (Это и искусственно приплюсованный к той же статье о приписках «должностной подлог», это и псевдоукрывательство Городицким воровства совхозного подсолнечника, о котором директор просто не мог знать, так как все делалось за его спиной). Лучше остановимся сейчас на самом главном — приписках, «причинивших вред народному хозяйству СССР». Чтобы понять, как все-таки пострадало хозяйство СССР от коварного Городицкого, вернемся в Челбассы, где шла битва за урожай.

Это была не та битва в открытом поле, по колено в земле, под дождем. Нет. Это сражение он выиграл, собрав все до единого помидорчика в срок. То было единоборство с непродуманными инструкциями, согласно которым овощи должны были сдаваться в городскую торговлю Тихорецка. Совхоз и сдавал их каждый год. Но горторг, затоваренный подчас овощами и будучи не в состоянии все продать, возвращал часть совхозной продукции. Так на маршруте совхоз — горторг — совхоз гнил урожай. Гнил урожай в угоду инструкции.

Во спасение урожая, чтобы исключить порчу овощей, он и решил, не расторгая обязательного договора с горторгом, продавать овощи рабочим совхоза, частным лицам и организациям. Деньги официально, через совхозную кассу, поступали в горторг. Через кассу, а не личный карман Городицкого. То есть вместо хлопотного товара горторг получал сразу деньги, а благодарные покупатели — спасенные от тлена витамины.

Нетрадиционно реализованную часть овощей (1021,8 тонны) он, естественно, включил в план реализации совхоза. Эту часть продукции и приняли за приписки, руководствуясь ничего не значащими бестоварными накладными. В этом и нашли криминал, от которого, кстати, выигрывали все. В том числе и народное хозяйство СССР.

Итак, теперь мы знаем об «ущербе», нанесенном Городицким за все пять лет. О «доходах» же я узнал, когда прибыл в АПК «Тихорецкий». Суммы эти, вздыхая, надиктовывал мне в блокнот генеральный директор АПК В. Т. Ступин. Ручка при этом вывела: «929 тысяч рублей». А вот и комментарий, взятый мною из показаний работников совхоза на суде:

«После Городицкого совхоз «Челбасский» завалили...», «В совхозе стало хуже, появилась большая засоренность земли. Новое руководство совхоза в полях нашей бригады уже не появляется...», «Сказывается отсутствие Городицкого; резко упала производственная и трудовая дисциплина, заметно снизились надои молока...», «Я считаю, что перестраиваться Городицкому было бы ни к чему, если бы директором совхоза в настоящее время был он...»

Но «он» был под стражей. За решеткой следственного изолятора. На руках опытного руководителя, истосковавшихся по нелегкому крестьянскому труду, блестели наручники. Именно в первые два года пребывания Городицкого под стражей и выросла эта гигантская сумма — 929 тысяч рублей убытка. На этот год положение в совхозе улучшилось, но никому не удастся списать со счетов те два года директорской неволи. Ведь пока набухало страницами уголовное дело, пустили под нож все поголовье свиней, дававшее государству мясо; практически заморозилось жилищное строительство на поселке; недостроенными остались важные производственные объекты; участились пьянки, а хозяйство снова скатилось на последнее место.

Я внимательно пролистал подшивки районной газеты «Ленинский путь» за годы заключения Городицкого. На полосах часто встречались невеселые строки типа: ***«Три дня на голодном пайке коровы совхоза «Челбасский»...», «Как попало хранят удобрения в совхозе «Челбасский»...», «Совхоз «Челбасский» опять срывает поставки городу свежих овощей...».*** За третий год в хозяйстве сменился третий директор.

О Музалевском Б. П. узнал случайно, из тех же газет. В материалах «Поле Музалевского» и «Как в поле совесть потеряли» его критиковали за преступную бесхозяйственность. «Совесть» в данном случае потерял он, главный агроном, сгноивший в земле тонны овощей. Критика помогла. Но помогла довольно странным образом. Причем одному Музалевскому, который стал директором совхоза. Он-то и взялся сопровождать меня в экскурсии по Челбассам.

Битая во многих местах дорога, подбрасывая наш «газик» на горбатых ухабах, вела к бахче, на которой и надеялся я увидеть сочные кубанские арбузы. Справа, в открытом поле, грустно гнило несколько тонн доброкачественного сена, слева утонули в 30 гектарах разгулявшихся сорняков так и не взошедшие огурцы. Пискнув тормозами, «газик» остановился у бахчи, расстелившейся пыльным ковром площадью в 50 гектаров. Я долго вглядывался в поросль. На бахче негде было упасть и яблоку — ноги путались в лианах сорняков. Нечто близкое по размерам к яблоку я обнаружил в нескольких местах. Оказывается, это и были кубанские арбузы челбасского производства. Вовремя не выкорчеванные сорняки забрали у овоща все питательные вещества роста, обеднив почву. Отсюда и этот необыкновенный «сорт» арбузов величиной с яблоко.

С заброшенных полей мы возвращались через улицу Студенческую — ту самую, которой так недоставало в бумажном оформлении первому суду. Уже в конце невеселой экскурсии я случайно узнал о другой улице Городицкого — улице образцового типа с сельскими домами со всеми удобствами. Очень захотелось взглянуть.

Недалеко от конторы я увидел две линии электропередач. Бетонные столбы выстроились в два ряда на большом пространстве пустующей земли. Августовский ветер одиноко завывал в проводах, прижимая к земле сорняки в рост человека. Это и была та не выстроенная Городицким улица с одиноко торчащими из земли столбами. Протянутая при Городицком линия электропередач сегодня уже освещала бы жилища первых новоселов. Но новоселья отменило следствие.

КОГО МЫ СУДИМ

Я шел по этой непостроенной улице. И мне не давала покоя та, кочующая из приговора в приговор фраза «Причинен вред...». Так кто же его причинил? И сколько стоило это бесцельно пылящееся в архиве суда уголовное дело? В каких величинах измерить его сегодня?

Не буду брать во внимание те напрасные затраты на бесконечные командировки судей, экспертов, следователей. Опущу и трехгодичную зарплату с премиями, полученными за осуждение директора. Такие подсчеты выполнит любая бухгалтерия. Но какая бухгалтерия подсчитает, к примеру, реальные потери от невыращенной овощной продукции, не попавшей на столы горожан, от пущенного под нож целого поголовья, так и не давшего стране мяса, от невы-

строенных просторных улиц, неотпразднованных новоселий, а главное, от неверия людей, потерявших надежду на лучшее?.. Неизмерим такой ущерб. И никакие чиновники от юстиции не восполнят его теперь.

Огромными правами наделены сегодня прокурорские органы, способные беспрепятственно вторгаться в любую область экономики нашей страны. И я не боюсь преувеличить опасность такого вторжения, если носит оно характер хорошо продуманной акции, если идет охота на человека, проголосовавшего против старого, застойного.

Я долго пытался понять, вследствие чего оказался за решеткой первоклассный специалист, нужный нашему обществу. Может, желание громкого дела или результат ошибки следствия? Не уверен. Чтобы понять это, я долго беседовал с авторами многотомного сочинения. Каждого пытал одним и тем же вопросом: что им известно о Городицком как о директоре? И каждый отвечал примерно одно и то же: «... хороший руководитель, специалист».

— Городицкий — личность!..— даже слетело с уст начальника районного ОБХСС В. Змихновского.

Значит, знали, на кого надевали наручники,— на личность, на первоклассного специалиста. Знали, что творили, когда охотились за уликами, чтобы потом подбросить их на пустующую чашу правосудия. Выходит, не ошибка. Тогда что же? Не берусь утверждать, жертвой чего стал неугодный кому-то директор. По крайней мере документальные свидетельства уже совершенной акции налицо. И свидетельства эти подшиты к делу.

И все-таки, несмотря на сравнительно скромные масштабы этой истории, дело челбасского директора не хотелось бы помещать в рамки частного случая, сужать его до размеров одного района. О подобных историях с сожалением повествует пока обширная редакционная почта, приходящая из разных концов страны. И не иссякнуть этому потоку писем, пока полные энергии люди, ратующие за перестройку и пытающиеся порвать на себе путы старых инструкций, оказываются в конце концов в зале суда. В роли обвиняемых...

Москва — Краснодар — Тихорецк — Москва.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР,
в редакцию пришло два письма из Челбассов.
В первом давал о себе знать
так и не состоявшийся герой данного очерка —
тот самый «герой в капроновом чулке»,
пожелавший остаться для всех неузнанным.
«Преступник и хапуга Городицкий
снова на свободе,— опять печатал ручкой
скромный герой.— Судей подкупила его жена,
которую наш новый директор Музалевский
законно уволил за прогулы...
Семья Городицких
достойна выселения из нашего совхоза...
Администрация вместе с парторгом
Нашивочниковым примет все меры,
чтобы выселить ее... Мы возмущены
той несправедливостью, что преступник
в годы перестройки гуляет на свободе!
Рабочие совхоза».
И я отправил это подметное письмо
в пылящийся архив.
Под вторым письмом тоже стояла подпись
«рабочие совхоза». Но ниже я насчитал 43 подписи.
Это были конкретные фамилии доярок,
механизаторов, трактористов, рабочих совхоза.
«Расправа над нашим бывшим
незаконно осужденным директором Городицким
продолжается. Вот уже полгода,
как он вернулся из мест заключения,
но до сих пор не может стать полноправным
членом общества.
Наш новый директор Музалевский,
грубо нарушая советский закон,
не дает разрешения на прописку Городицкого
в совхозе. А не прописавшись,
он не может устроиться на работу.
При этом Музалевский ссылается на то,
что якобы бывший директор «утратил связь
с совхозом». Это он-то утратил?!
Причина нам ясна: новый директор, боясь
иметь рядом такую независимую личность,
как Городицкий, хотел бы выселить его
из совхоза. Сейчас осталось лишить работы
его жену, которую Музалевский уже дважды
незаконно увольнял. Тогда будет прямой повод
для выселения с двумя маленькими детьми.
Просим препятствовать беззаконию...»
И, дочитав письмо, я отчетливо вспомнил
откровение самого директора Музалевского,
услышанное мною при встрече: «Выселять пока
не выселяли, но хотели это сделать...
Решили ***пока*** не выселять...».
Но долго ли продлится это «пока»?
Так или иначе жизнь бывшего директора не стала
лучше на свободе — недавний заключенный
камеры № 126 снова в изоляции, снова вне закона.
Акция продолжается...

Александр МИНКИН

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

БИМ: — Знаешь, Бом, я кондуктора обманул!
Взял билет и — не поехал!
Дурацкая шутка.

Поезд ушел. Музыканты остались. Три десятка человек со скрипками, виолончелями, валторнами... С заграничными паспортами. С билетами Москва — Будапешт. И — радостно возбужденные лица. Они не опоздали на поезд. Они отказались от заграничных гастролей. Сами.

НАКАНУНЕ

В пятницу, 18 ноября, в ДК МЭЛЗ заканчивались приготовления к «Неделе совести». В фойе устанавливались макеты, развешивались проекты памятника жертвам репрессий.

А за кулисами заканчивал репетицию ГМСО — Государственный малый симфонический оркестр Минкультуры СССР. Предпоследняя репетиция перед поездкой в Венгрию и Чехословакию шла в нехорошей, нервозной обстановке. В субботу — отъезд, а днем в пятницу еще не было известно, кто едет, кто — нет.

Приказа нет, списки не вывешены. Зато бесконечные слухи, догадки, шепот и быстрые взгляды.

Нервничали все, кто хоть чуть конфликтовал с художественным руководителем и главным дирижером оркестра, профессором Ю. Симоновым. Любит — не любит? возьмет — не возьмет? к сердцу прижмет — к черту пошлет? Да разве угадаешь!..

В 14 часов в связи с чрезвычайной обстановкой прибыли руководители «Союзконцерта» — зам. директора В. Селезнев, парторг, начальник отдела кадров. Предстояло заседание партгруппы, затем — худсовета. Срочно надо было решить: кто едет руководителем делегации и кто вообще едет.

Симонов метался. Сначала потребовал приватной беседы с руководством, куда позвал только парторга. Потом заявил, что теперь ему надо «поговорить с коммунистами». Пошел было и директор оркестра.

— Нет-нет, вас не надо.

— Но я коммунист.

— Гм, я буду говорить с членами худсовета.

— Но я член худсовета, а вот еще двое...

— Я хочу говорить с друзьями!

На это возразить было нечего. Симонов «с друзьями» исчез этажом ниже. Не вошедшие в число друзей ждали. И напрасно. Появившись, Симонов поспешно надел пальто и двинулся к выходу. «А партсобрание? А худсовет?» — изумленно спросил покидаемый В. Селезнев.

— Я все это отменил. Меня ждет министр!

— Но ведь он — в Индии! — изумился Селезнев еще больше.

— Ничего, он меня примет.

— Так вы, очевидно, в посольство? За визой?..

Ю. Симонов исчез. Я взял мини-интервью у зам. директора «Союзконцерта» В. Селезнева.

— Скажите, пожалуйста, читателям «Огонька», как вы расцениваете поведение Симонова?

— Как демарш.

— Бывало ли нечто подобное в вашей практике?

— Никогда.

Перед тем Симонов отказался и со мной говорить «до возвращения из-за границы». И дал совет:

— Никого не слушайте и ничего не пишите, а то можете сильно ошибиться.— Голос вежливый, а взгляд жесткий.

ДЕНЬ ОТЪЕЗДА

В субботу в 10 утра открылась «Неделя совести». Тачка (копия беломорканальской), стоящая у карты сталинских концлагерей, стала наполняться деньгами «на памятник жертвам репрессий».

За кулисами ДК шла последняя предотъездная репетиция ГМСО. Я сфотографировал. Некоторые артисты демонстративно не прикасались к инструментам. Бастовали. В 12.30 оркестранты потребовали огласить список едущих. Отступать Симонову было некуда. До поезда оставалось 11 часов. Зачитал. Восемь отстраненных. Возмущенные музыканты пишут заявление об отказе от поездки. Под заявлением — 33 подписи. Из шестидесяти пяти.

Снова Симонов предупреждает меня, чтоб я не сделал «большой ошибки»:

— Мы вернемся — вы встретитесь со мной, отдельно, потом — с парторгом, отдельно, потом — с партгруппой, потом — с худсоветом.

Он перечислял, а мне казалось, что я всю оставшуюся жизнь обречен встречаться с отдельно взятыми частями ГМСО. И еще — я поражался его выдержке.

Подошел оркестрант, спросил мое имя, с многозначительным видом записал в блокнот и начал допрос: кто меня привел? кто меня информировал? кто мне разрешил этим заниматься?

НЕМНОГО ИСТОРИИ

ГМСО создали меньше трех лет назад. Тогда Симонову пришлось уйти из Большого театра, и оркестр создали «для руководителя». Сразу начались унижения, диктат, преследования. Неугодные изгонялись. И постоянно чуть ли не половина — временные. Временный — не пикнет. Нередко из уст народного артиста СССР Ю. Симонова звучало:

— Я вас уничтожу. Если не уйдете по собственному желанию — уничтожу. Пусть мы даже запачкаемся в борьбе с вами.

Все, что я узнавал, совпадало с мнением худсовета оркестра Большого театра, в протоколе которого отмечается, что Ю. Симонов нанес оркестру «тяжелый моральный урон, подавляя всякую творческую инициативу, оскорбляя и унижая музыкантов» и что «профессиональное и творческое общение с Симоновым худсовет оркестра единодушно считает вредным и безнравственным».

Недавно, перед гастролями в Италии, на общем собрании ГМСО должны были обсуждаться так называемые выездные характеристики. Музыканты требовали тайного голосования. Симонов был взбешен. Он кричал, что тайное голосование неприемлемо, так как дает «непредсказуемые результаты», что музыканты еще «зеленые, не доросли», что «открытое голосование — самое демократичное». Но ему не уступили. В итоге из 53 голосов против Симонова было 25! Не этот ли результат предчувствовал профессор Ю. Симонов, почему-то называя его непредсказуемым.

За все это коллектив следовало наказать. Что Симонов и сделал в Италии: первые двое суток музыканты не имели ни «копейки». И если еда у наших всегда с собой, то с туалетом дело обстояло сложнее...

НОЧЬ. ВОКЗАЛ

К поезду приехали все. По телефону Симонов обещал смилостивиться и взять восьмерых отстраненных. А также обещал передать полномочия руководителя делегации председателю профбюро. И — обманул.

Здесь был верный расчет: придя на вокзал с вещами, глупо бастовать и не сесть в вагон. Тем более — паспорт в кармане, а впереди прекрасная поездка, престижный зал, «салями», прочие зарубежные прелести. И действительно — некоторые пошатнулись. Не устояли перед соблазном и давлением.

— Смешно,— говорили отъезжающие,— это просто смешно! — Но смешно им не было. Лица были злые и растерянные.— Отлично поедем,— говорили они,— в купе будет просторно.— Но в голосах не было радости.

Я задавал последний вопрос: не стыдно ли? А Тер-Сааков все снимал и снимал меня видеокамерой (говорят, именно той, что куплена была в Италии в первый же день).

Поезд ушел. Но 28 остались стоять. Концертмейстеры, первые скрипки, все валторны, первая флейта, первый фагот...

Чем бы ни кончилась для 28 эта история, но рабство их кончилось.

Была полночь. В МЭЛЗе кончился первый день «Недели совести».

В понедельник в редакции раздался звонок. Дама (неназвавшаяся) сообщила:

— Ваш сотрудник сорвал гастроли — уговорил пол-оркестра не ехать в Венгрию.

Лестно, конечно. Но, увы, сеанс массового гипноза на ночном вокзале мне пока не под силу.

Ярослав ГОЛОВАНОВ

ЛЖЕОТЕЦ «КАТЮШИ»

Перед самым новым, 1963 годом привалила мне, молодому журналисту «Комсомольской правды», удача: приветливый женский голос в телефонной трубке предложил познакомиться с новыми документами и материалами, связанными с созданием «катюши» — прославленной реактивной установки времен Великой Отечественной войны.

— А с кем я говорю? — бдительно спросил я.

— С вдовой конструктора Андрея Григорьевича Костикова, автора «катюши». Я живу в Доме правительства, приезжайте, я вам все покажу...

О Костикове я слышал. Это была фигура полулегендарная. С одной стороны — строго засекреченный конструктор оборонной техники, с другой — человек с прочной славой создателя самого грозного оружия второй мировой войны. И мне прямо в руки, как говорится, плывут новые материалы! Я поехал в Дом правительства, как и поныне называют москвичи дом на набережной, о котором потом рассказал Юрий Трифонов.

Ида Анисимовна Горина-Костикова очень приветливо встретила меня в большой, несколько мрачноватой квартире, уставленной мебелью того особого стиля, который можно назвать сталинским: все очень массивное — столы, диваны, кресла; все очень добротное, прочное, тяжелое и очень казенное, бездушное. Она усадила меня в кабинете за огромным столом Костикова у мраморной плиты дорогого письменного прибора с тяжелыми гранеными чернильницами под бронзовыми крышками, похожими на шлемы русских витязей. Граненые витязи охраняли высокие, в форме Александрийского столпа подсвечники, тоже бронзовые, без свечей. Рядом стояла бронзовая собака. И еще была чья-то, не помню чья, бронзовая голова. Костикова называли учеником Циолковского. У Циолковского всю жизнь был пузырек с чернилами, так что здесь ученик безусловно превзошел учителя.

Пока я оглядывался, Ида Анисимовна достала папки с документами, вырезками и фотографиями, и я углубился в работу. Мог ли я думать тогда, что она будет длиться 25 лет?!

Начал с фотографий. Когда видишь человека, знаешь его лицо, все бумаги уже немного по-другому читаются. А кроме того, по молодости лет я доверял тогда «первому впечатлению». С фотографий смотрел на меня красивый, быть может, даже более красивый, чем нужно мужчине, человек в парадном генеральском мундире, с золотой звездой Героя слева на груди и немалым строем орденов и медалей посередине, как носили в конце 40-х — начале 50-х на парадных мундирах. Открытое, хорошее лицо. Прямой взгляд. Высокий лоб. Вот он уже без мундира в лесу. Лицо усталое. Прижался щекой к белому стволу березы. В кожаной летной куртке склонился над логарифмической линейкой.

Костиков мне понравился. А когда я стал читать бумаги, он понравился мне еще больше, потому что в бумагах этих он был как раз такой, каким и должен быть герой очерка в комсомольской газете: человеком, достойным подражания. Спроси меня тогда: «Делать жизнь с кого?», ответил бы не в рифму, но убежденно: с товарища Костикова!

Родился в Казатине. Отец — железнодорожный рабочий, кочует с семьей по России и Украине. Андрей мечтает стать машинистом. Но получилось иначе: в тринадцать лет он уже ученик водопроводчика, обучается слесарному ремеслу. С 1917-го — в армии. Дрался на Западном и Юго-Западном фронтах... 17-я стрелковая дивизия...

— Он воевал вместе с Николаем Островским,— говорит Ида Анисимовна. Она то уходит из кабинета, то возвращается, старается помочь мне разобраться в бумагах.— Одно из писем Островского из Сочи, датированное маем 1935 года, кончается так: «Привет Андрею. Николай». Андрей — это Костиков...

Лучшего для «Комсомольской правды» и представить нельзя: «Костиков — боевой друг Николая Островского!»

Попал в плен к белополякам. Это, конечно, не очень здорово... Но нет, все в порядке: бежал вместе с четырьмя товарищами. Снова воюет — 55-й стрелковый полк 7-й дивизии,— я записываю номера соединений: может быть, мой очерк прочтут однополчане, откликнутся...

В 1922 году Костикова командируют в 3-ю киевскую военно-инженерную школу. Он вступает в партию. Двадцатипятилетнего коммуниста избирают секретарем партийной организации школы, членом райкома, депутатом райсовета.

А. Г. Костиков

Вырезка одной из статей Костикова: «Мне, признаться, хотелось в авиацию,— вспоминает он,— после автомобиля самолет стал моей заветной мечтой...»

Хотелось — и добился. Заветная мечта осуществилась: в 1930 году Андрей Костиков — курсант воздушно-технического факультета Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Строка из автобиографии: «В академии был одним из организаторов группы изучения реактивного движения, которая позже явилась первой группой по ракетной технике».

Это что же получается? Стоял у истоков ГИРДа — знаменитой группы, которой руководил С. П. Королев, в которой трудились такие классики ракетной техники, как Ф. А. Цандер, Ю. А. Победоносцев, М. К. Тихонравов?! Вместе с ГИРДом после окончания академии вливается он в РНИИ — первый в мире Реактивный научно-исследовательский институт, там проходит путь от рядового сотрудника до руководителя института, там, в стенах РНИИ, и родилась легендарная «катюша».

Через месяц с небольшим после начала войны в газетах публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За выдающиеся заслуги в деле изобретения и конструирования одного из видов вооружения, поднимающего боевую мощь Красной Армии, присвоить Костикову Андрею Григорьевичу звание Героя Социалистического Труда». В Указе говорилось и о денежной премии 25 тысяч.

— Он принес деньги, высыпал на стол, попросил у меня старую газету,— вспоминает Ида Анисимовна.— Завернул в нее деньги и сказал: «Пошли!» Вместе сдали эти деньги в фонд обороны на улице Куйбышева...

«Совместно с руководимым им коллективом А. Г. Костиков решил такую задачу в области специального вооружения, над которой в течение ряда лет безуспешно работали виднейшие представители мировой науки»,— писал выдающийся советский металлург Бардин. Костиков с академиком не согласен. «Люди считают,— утверждает он,— что я сделал какое-то открытие или изобретение. Неверно это. Тут дело простое: не изобретение, а конструкторская работа. Ведь были идеи... Они не новы. Был опыт прошлых войн. Надо было только учесть новые достижения техники и сконструировать новый вид оружия...»

Возможно ли не восхищаться скромностью героя моего будущего очерка: надо только «учесть» и «сконструировать». И все! А в личном листке по учету кадров Академии наук СССР, в графе «основная специальность» он написал: «слесарь». Чуть ниже, там, где «ученое звание»,— «член-корреспондент АН СССР». Ну разве не прелесть?! Скромность Костикова, оказывается, не только меня, желторотого журналиста, восхищала. Мудрый 60-летний писатель, настоящий «инженер человеческих душ» Федор Гладков после встречи с Костиковым отметил: «Он скуп на слова и меньше всего говорит о себе, о своих работах. Я думаю, что это не от обязанности хранить секреты своих трудов, а просто от присущей ему скромности и застенчивости».

Построив «катюшу», Костиков уже увлечен новыми планами: создать и дать фронту надежный самолет с жидкостным ракетным двигателем (ЖРД), сделать то, что не удалось Королеву с его РП-318, Исаеву и Березняку с их БИ, над чем бьются специалисты хваленой фирмы «Мессершмитт». На одной фотографии нашел памятную надпись, сделанную рукой Костикова: «Сегодня в 8 ч. 51 м. С. Н. Анохин (человек-птица) на буксире СБ, пилотируемом Расторгуевым, оторвался от земли. Посадка через 27 минут. 9.10.43. А. Костиков». Самолет он не сделал: Сталин посадил его в тюрьму. Тоже важный штрих биографии: в период культа личности был репрессирован, как тысячи честных тружеников нашей страны, невинно пострадал.

— Андрей Григорьевич был в тюрьме почти целый год,— добавляет Ида Анисимовна.

— Ну, год — это еще хорошо! — говорю я, тут же понимаю, что ляпнул бестактность, и утыкаюсь в бумаги.

Андрей Григорьевич Костиков умер 5 декабря 1950 года от сердечного приступа. Похоронен на Новодевичьем кладбище, и сам Сергей Коненков сделал вдохновенный памятник на его могиле...

Только журналист может понять, наверное, как летел я с набережной в родную редакцию. Очерк написал на одном дыхании, и назывался он очень красиво: «Огненная стрела». Еще через день его набрали, сверстали. Помню, как стоял он в запасной полосе с портретом Андрея Григорьевича и снимком

ночного залпа реактивных минометов. Радостный и возбужденный, шел я на следующее утро на работу. Моим начальником был в ту пору замечательный научный журналист и еще более талантливый педагог Михаил Васильевич Хвастунов — Михвас, как звала его вся газетная Москва. Едва я переступил порог отдела науки, как услышал:

— Старик, твой материал я снял из номера.— Михвас протягивал мне листок бумаги: — Читай. Утром принес курьер...

Это была копия письма в издательство Большой Советской Энциклопедии, где в ту пору готовился «Биографический словарь деятелей естествознания и техники». Я читал, строчки перед глазами прыгали:

«В 23-м томе БСЭ (второе издание) на стр. 126 помещена статья о Костикове Андрее Григорьевиче, отмеченном высокими наградами «за большую заслугу в создании нового типа вооружения».

В 1937—1938 гг., когда наша Родина переживала трудные дни массовых арестов советских кадров, Костиков, работавший в институте рядовым инженером, приложил большие усилия, чтобы добиться ареста и осуждения как врагов народа основного руководящего состава этого института, в том числе основного автора нового типа вооружения талантливого ученого-конструктора, заместителя директора института по научной части Г. Э. Лангемака. Таким образом, Костиков оказался руководителем института и «автором» этого нового типа вооружения, за которое и был сразу щедро награжден в начале войны.

Получив задание на другую разработку, Костиков оказался неспособным ее выполнить, в связи с чем, еще во время войны, был снят с работы и уволен из института...»

Дата: 15 января 1957 года. И две подписи с одинаковыми титулами: член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда С. П. Королев, В. П. Глушко...

Потом я часто думал: кто прислал курьера с этим письмом? Кто узнал, что «Комсомолка» готовит к печати мой очерк? Ответа на эти вопросы я не знаю до сих пор. Но тогда я о другом думал. Трудно сказать, что я испытывал. Досаду? Обиду за бесцельно проделанную работу? (Теперь я не считаю ее бесцельной!) Неприятное чувство, которое испытывает всякий обманутый человек? Но сейчас хорошо понимаю, что испытывать я должен был лишь самую искреннюю благодарность к Михвасу: он спас мое журналистское имя.

Подобно тому, как реставраторы, работая над старым холстом, убеждаются, что под известным портретом существует другое лицо, так и я, занимаясь историей ракетной техники многие годы, обнаружил под портретом красавца генерала тоже другое лицо— лицо страшного урода, разумеется, не в физическом смысле.

Восемь выпускников Академии имени Жуковского пришли в московскую Группу изучения реактивного движения (ГИРД) в момент ее слияния с Ленинградской газодинамической лабораторией (ГДЛ). По инициативе маршала Тухачевского, при поддержке Орджоникидзе эти два коллектива и образовали РНИИ — Реактивный научно-исследовательский институт. Работать самостоятельно молодые специалисты начали в разных отделах: каждый выбирал тему по душе. Костиков ни о каких «катюшах» не помышлял. Он пришел в группу М. К. Тихонравова, где занимались жидкостными ракетными двигателями. Ракета Тихонравова 09 была нашей первой летавшей ракетой, возможно, эти разработки показались Костикову наиболее перспективными, ничего предосудительного в его выборе нет.

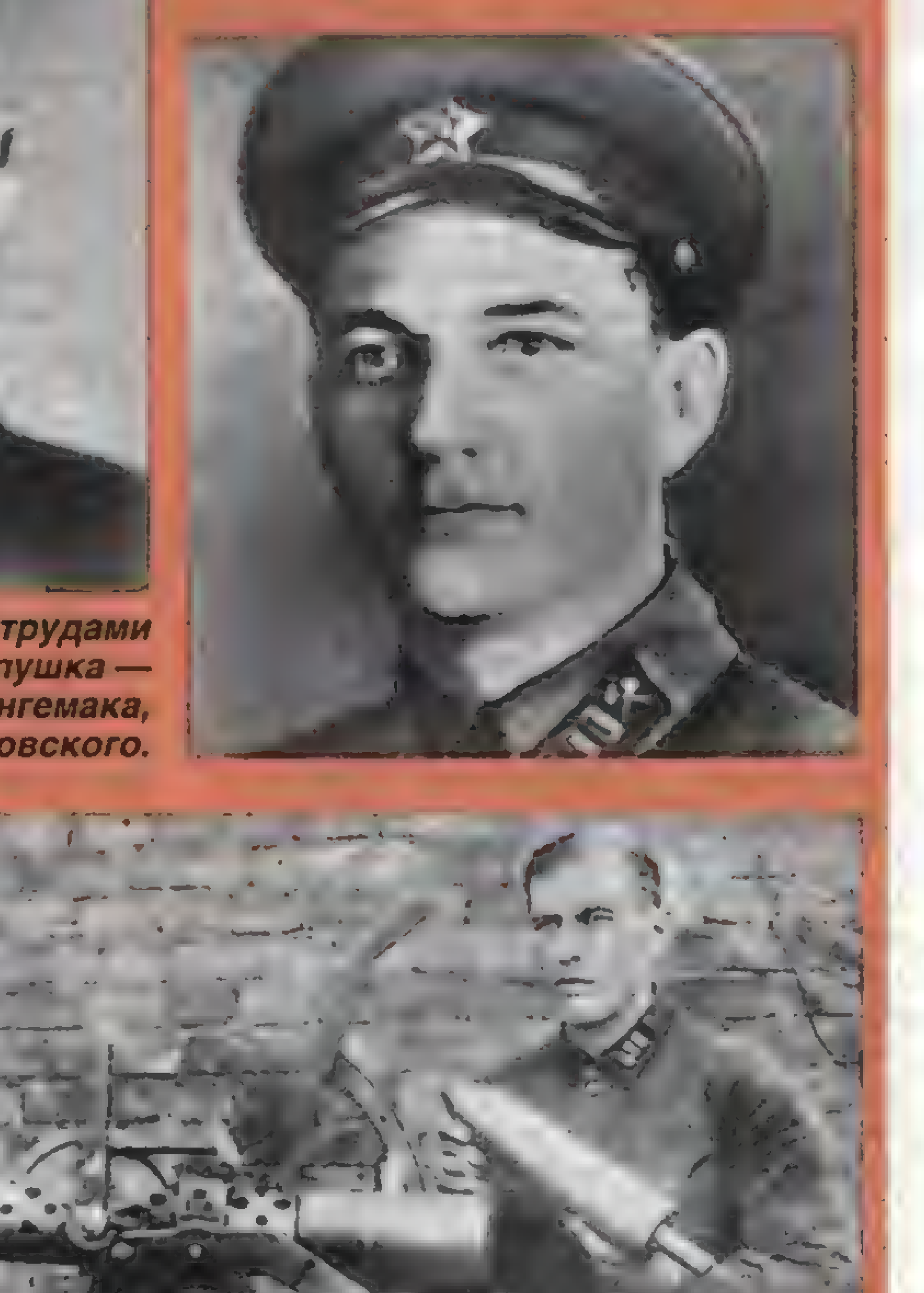
Однако дело у него не пошло. Как указано в одном документе, Костиков «работал над кислородным двигателем. Но двигатель этот практического осуществления не получил».

И такое случается, тем более — дело новое, опять-таки ничего предосудительного в этом тоже нет.

Можно представить себе и обиду Костикова на Сергея Павловича Королева — едва ли не самого энергичного сотрудника РНИИ. Королев разуверился в кислородных двигателях и начал сотрудничать с Валентином Петровичем Глушко, который конструировал заведомо более совершенные азотно-кислотные двигатели. И хотя Королев обосновывал свою «измену» интересами дела, тут можно понять и простить Андрею Григорьевичу его обиды.

Но главное не это. Наметились в карьере Костикова застойные явления, что категорически не входило в его планы.

Прежде всего их трудами создана реактивная пушка — В. А. Артемьева, Г. Э. Лангемака, Б. С. Петропавловского.

Чтобы понять дальнейший ход событий, надо сказать, что основной темой РНИИ были все-таки не ЖРД, а реактивные снаряды на твердом топливе — предки «катюш». Над ними начал работать еще в Петрограде Владимир Андреевич Артемьев. Едва окончив гимназию, он добровольцем ушел на русско-японскую войну, за что был проклят отцом. Храбрость Артемьева сделала его младшим унтер-офицером. Окончив Алексеевское военное училище, он с 1915 года начал совершенствовать разные ракеты. 3 марта 1928 года он запустил нашу первую ракету на бездымном порохе и по праву может считаться одним из соавторов снаряда «катюши».

Молчаливый, скромный, Владимир Андреевич никогда не стремился в начальники, да, если честно сказать, и не мог стремиться в те годы, учитывая свое дворянское происхождение и несколько лет Соловков.

Новое развитие идеи боевого применения ракет получили в трудах другого замечательного энтузиаста — Бориса Сергеевича Петропавловского. В самом начале 30-х годов он изобрел нечто, что можно назвать предком фаустпатрона, базуки и других реактивных гранатометов. Много занимался реактивными снарядами. Тоже кадровый военный: Суворовский кадетский корпус в Варшаве, Константиновское артучилище в Петербурге. Умный, энергичный инженер, он два года руководил ГДЛ. Перед самым приездом в Москву этот здоровяк — шутя крутил «солнышко» на турнике — простудился и стремительно «сгорел» в скоротечной чахотке. Петропавловский тоже — бесспорно — один из самых активных соавторов «катюши».

Наконец, Георгий Эрихович Лангемак тоже личность интереснейшая. Отец — немец, мать — швейцарка, сугубо штатская семья преподавателей иностранных языков, принявшая русское подданство. И сын их Георгий тоже вроде вступил на родительскую стезю: начал изучать японскую филологию. Но война заставила сменить университетскую аудиторию на класс школы мичманов. Лангемак был талантлив вообще, а потому стал хорошим морским артиллеристом. Ушел добровольцем в Красную Армию, чуть не погиб во время Кронштадтского мятежа. Потом окончил в Ленинграде Военно-техническую академию, будучи уже начальником артиллерии всего Черного моря, увлекся ракетами, и командующий Ленинградским военным округом Август Корк помог ему перевестись в ГДЛ. В РНИИ он быстро сменил ершистого Королева на посту заместителя начальника института.

Лангемак был убежден, что ракеты на твердом топливе «могут найти боевое применение прежде всего в качестве артиллерийских снарядов всевозможных типов», и сделал для осуществления этого «боевого применения», наверное, больше всех.

В начале ноября 1937 года Лангемака и начальника РНИИ И. Т. Клейменова арестовывают и через два месяца приговаривают к расстрелу.

Быть может, для небольшого журнального очерка я излишне подробно пишу об этих людях, но каждый из них заслуживает отдельного очерка, а то и книги. Именно они и их ближайшие соратники и есть подлинные отцы «катюши», они спасли жизни тысячам наших солдат, на их поте и крови замешен бетон монумента в честь освобождения человечества от фашизма.

Сергей Павлович Королев и Валентин Петрович Глушко, как явствует из их письма, убеждены, что Костиков виновен в аресте Лангемака. Интеллигентнейший, известный своим миролюбием человек, замечательный ученый Евгений Сергеевич Щетинков, работавший в РНИИ с Королевым, так, потупившись, ответил на мой вопрос в марте 1970 года:

— У меня такое впечатление, что Костиков к арестам причастен...

Андрей Григорьевич необыкновенно активизируется в это время. Он не ждет, пока ему дадут власть в институте, он сам берет ее: проводит собрания, на которых клеймит «врагов народа», выдвигает программы «ликвидации последствий вредительства». Очень скоро он главный инженер института. Теперь уже в его подчинении «соперник» по ЖРД Глушко, «изменник» Королев, Иван Гвай, Юрий Победоносцев — это их реактивные установки на самолетах прославились под Халхин-Голом. Леонид Шварц — теперь, после гибели Лангемака, крупнейший специалист в стране по реактивным снарядам. И когда знакомился я с этими людьми заочно (Гвай, Шварц) или лично (Королев, Глушко, Победоносцев), понял, что дело даже не в том, какие они специалисты. Специалистами они и стали потому, что это личности, характеры, люди незаурядные.

Конечно, Королев опасен для Андрея Григорьевича, потому что Королев несравним с Костиковым ни как организатор, ни как инженер. Конечно, рядом с Глушко Костиков — нулевой специалист по ЖРД. Да и другие тоже если не мешают ему, то, как говорится, «отсвечивают». Костиков — псевдоученый, псевдоконструктор, псевдоинженер, он очень похож на ученого, конструктора, инженера, как похож придуманный им кабинет с бронзовыми штуковинами на кабинет мыслителя. Если посмотреть, за всю жизнь он ничего стоящего сам не создал. Да и чужое не присваивал открыто. Он просто помогал «ежовым рукавицам» вычищать себе путь, а дальше все уже автоматически присваивалось.

В начале марта 1938 года арестовывают Глушко, в конце июня — Королева. О себе они в издательство БСЭ не пишут. Но могли бы. Каким образом в деле Глушко оказалось заявление Костикова, адресованное в партком института, неизвестно. Как перекочевало из парткома в НКВД — не знаю. Но оказалось! Перекочевало! И в заявлении прямо написано, какими нехорошими делами занимались Валентин Петрович и Сергей Павлович.

И еще один любопытный документ обнаружился, точнее — черновик без адреса и даты. Начало эпическое: «Я не артиллерист и тем более не специалист по порохам, но подробное знакомство с ракетными снарядами и бомбами с момента назначения меня ВРИД зам. директора НИИ-3 * (15.11.37) дает мне основания сделать те или иные выводы в отношении некоторых лиц, занимающихся продолжительное время этой отраслью техники». Итак, выводы не специалиста, а администратора. Что же за выводы?

Костиков пишет, что «основную роль в этой (баллистической.— **Я. Г.**) лаборатории занимает инж. Победоносцев Ю. А. ...». «Во второй половине 1937 года после того, как РС и РАБ (будем дальше для краткости так называть ракетные снаряды и ракетные авиационные бомбы) пошли на опытное валовое производство, как бы случайно было обнаружено ненормальное поведение в известных условиях пороха при его горении...»

Но если ты «тем более не специалист по порохам», зачем же ты лезешь в специальные вопросы?! И адресовалась эта бумага, надо думать, тоже «не специалистам», поскольку разъяснения в скобках, сделанные Андреем Григорьевичем, настоящим специалистам были не нужны, они и без разъяснений знали, что такое РС и РАБ: эти аббревиатуры широко применялись в научных работах.

Вся изюминка, конечно, в этом замечательном «как бы случайно». Невинная с виду оговорка — словно маленькая формочка, услужливо предоставленная для отливки пули Юрию Алек-

* В 1938 году РНИИ был передан Наркомату боеприпасов и стал называться НИИ-3 (после смерти Г. К. Орджоникидзе).

сандровичу. Победоносцева не арестовали. Объяснить это так же невозможно, как объяснить, почему арестовали, скажем, Королева.

По заведенному тогда порядку после ареста требовалось провести «техническую экспертизу». Никто не запашивал институт, враг ли тот же Королев. То, что враг,— ясно. Требовалось дать конкретные факты вредительства. Сначала работу эту поручили трем инженерам: М. С. Кисенко, Е. С. Щетинкову и Ф. Н. Пойде, которые сочинили весьма туманный акт экспертизы, где отмечались недоделки и неудачи Королева, но можно было понять, что никакого злонамеренного умысла в работах Королева нет, что все эти огрехи не выходят за рамки обычных несовершенств, обязательных в любой экспериментальной работе. Щетинков даже записал в этом акте по двум пунктам «особое мнение», из которого ясно было, что Королев — никакой не вредитель. Много лет спустя Королев рассказывал Евгению Сергеевичу Щетинкову, как тронуло его в тюрьме это бессильное и гордое «особое мнение». Оно не могло повлиять на приговор, но оно укрепляло веру, что в том, покинутом им свободном мире все-таки есть люди, для которых честь — выше страха.

Такой акт экспертизы не гарантировал надежного захоронения соперников и не мог удовлетворить Андрея Григорьевича. Он сам возглавил новую комиссию и провел новую экспертизу. И выводы были уже другие. В официальном расследовании, проведенном в июне 1965 года Главной военной прокуратурой, говорится:

«20 июня 1938 года Костиков возглавил экспертную комиссию, которая дала заключение органам НКВД о вредительском характере деятельности инженеров Глушко и Королева».

...За несколько месяцев до смерти Сергей Павлович Королев заезжал навестить вдову расстрелянного начальника РНИИ И. Т. Клейменова. Вспоминали былое, общее — в Москве, и каждый свое: Сергей Павлович — Колымский прииск, Маргарита Константиновна — Печорский лесоповал. Вспомнили и Костикова.

— Сергей Павлович сразу помрачнел,— рассказывала Маргарита Константиновна.— Вы же знаете, он человек суровый, но не злой, никогда не был злым, а тут говорит: «Таких, как Костиков, добивать нужно! Его счастье, что он умер...»

Так что же, перед нами — новый вариант давней темы «гений и злодейство»? Как же совместить «катюшу» и доносы? А никак! Оказывается, совмещать не нужно.

Над ракетной боевой машиной упорно работали многие годы десятки людей. Снаряды для нее делали, повторяю, еще в 20-х годах, но требовалось научить их летать — стабилизировать в полете, организовать медленное, равномерное и устойчивое горение пороховых шашек, стандартизировать их производство так, чтобы один снаряд ничем не отличался от другого. Какое сделать оперение? Снаряды с маленьким оперением начинали кувыркаться в воздухе, с большим — становились тяжелыми, сокращали дальность. Каким должен быть пусковой станок? Как сделать, чтобы снаряд в нем не заклинило? Какой длины должна быть направляющая? Короткая — снижала прицельность, длинная — утяжеляла ракетную пушку.

Все это нужно было обдумать, обосновать, рассчитать, сконструировать, изготовить, испытать. На это ушли годы. Но при чем здесь Костиков, «отец «катюши»? В чем его личный вклад в общую работу? Очевидно, вклад должен быть немалый, коли Костиков — единственный, кого за «катюшу» удостоили золотой звезды.

Очень долго пытался я найти следы этого вклада в документах, беседовал с десятками людей и... не нашел!

Доработка реактивных снарядов велась группой инженеров во главе с Л. Э. Шварцем. В нее входили: В. А. Артемьев, Ю. А. Победоносцев, Д. А. Шитов, А. С. Пономаренко, В. Лужин. В разработке снарядов, кроме названных инженеров, принимали участие М. С. Кисенко, И. В. Воднев, М. К. Тихонравов, Ф. Н. Пойда, М.Ф. Фокин, В. Г. Бессонов, М. П. Горшков и другие. Но и в «других» Костикова нет. Впрочем, он и сам писал, как вы помните, что «не специалист по порохам». Ракетную установку в отделе К. К. Глухарева делала группа И. И. Гвая: А. П. Павленко, А. С. Попов, В. Н. Галковский, В. А. Андреев, Н. М. Давыдов, С. А. Пивоваров, С. С. Смирнов, И. В. Ярополов, Н. Г. Белов, но и тут Костикова нет.

Федор Николаевич Пойда рассказывал:

— За пять месяцев до начала войны Костиков заявил на коллегии Наркомата боеприпасов, что реактивные установки существуют лишь в воображении директора института.

Кстати, этот страдающий «расстройством воображения» директор вскоре был снят, а на его место назначен Андрей Григорьевич.

Как же так? Ужели никакого участия в создании нового оружия Костиков не принимал? Принимал.

На полигоне 17 июня 1941 года, когда боевую машину осматривали высшие чины армии; 21 июня 1941 года, когда ее осматривали руководители партии и правительства. Давал пояснения, отвечал на вопросы. Так кому же, спрашивается, давать золотую звезду, как не ему?! Более того, очевидно, понимая щекотливость своего положения, наш герой побеспокоился, чтобы награда была юридически обоснована.

«Катюша» являлась совершенно оригинальной конструкцией, а у каждой оригинальной конструкции должен быть официально зарегистрированный автор. Был он и у «катюши». И не один, а целых три. Во-первых, сам А. Г. Костиков. Во-вторых, В. В. Аборенков, зам. начальника Главного артиллерийского управления РККА, непосредственный руководитель Андрея Григорьевича. Никакого участия, кроме присутствия на испытаниях, в создании нового оружия Василий Васильевич не принимал. Наконец, третий автор, которого ввели, как я понимаю, для «приличия»,— Иван Исидорович Гвай.

В 1944 году работала еще одна экспертная комиссия. Теперь уже не Костиков оценивал, а его оценивали, причем специалисты действительно весьма уважаемые: академик С. А. Христианович, профессора А. В. Чесалов и К. А. Ушаков, зам. начальника отдела вооружения ЦАГИ Л. М. Левин.

Вопрос следственной части по особо важным делам Народного Комиссариата государственной безопасности СССР: «Являются ли Костиков, Гвай и Аборенков авторами М-8 и М-13 (снаряды «катюши»— **Я. Г.**) и пусковых устройств к ним?»

Ответ экспертов: «Костиков, Гвай и Аборенков не могут считаться авторами М-8 и М-13 и пусковых устройств к ним. Снаряд М-8 отличается незначительными видоизменениями от снаряда РС-82, разработанного в НИИ-3 в 1934—1937 годах. Снаряд М-13 является развитием снаряда РС-132, разработанного в 1937—1938 годах. К разработке РС-82 и РС-132 Костиков, Гвай и Аборенков никакого отношения не имели...»

В 1955 году Валентин Петрович Глушко писал: «Автором этих снарядов является по существу Лангемак. К моменту ареста Лангемака, может быть, не была еще оформлена документация по конструкции этих снарядов, но основная работа была закончена».

Но вернемся к экспертам. Они утверждают:

«Идея создания машинной установки для ведения массированного огня не может быть приписана Костикову, Гваю и Аборенкову». Ученые цитируют книгу расстрелянного Лангемака, приговоренного к 8 годам ИТЛ Глушко (впрочем, в 1944 году эксперты не уточняли судьбы авторов) «Ракеты, их устройство и применение»: «Главная область применения пороховых ракет — вооружение легких боевых аппаратов, как самолеты, небольшие суда, автомашины...». Это было написано в 1935 году!

И еще один маленький штришок к событиям 1941 года.

В октябре 1941 года руководимый Героем Социалистического Труда Костиковым оборонный институт эвакуируется в Свердловск. Юрий Александрович Победоносцев рассказывал:

— Примерно 19 октября Костиков, оставив все имущество и все документы института на произвол судьбы, сбежал. Старшим в институте оставался я. Я пошел в МВД и Тимирязевский райком партии, чтобы получить указания на уничтожение института: в. Москве была паника. И такое указание я получил. Когда я готовил институт к уничтожению, то, естественно, забирал документы из стола начальника института и обнаружил записку, написанную рукой Костикова. Там говорилось, что я был приближенным Клейменова, Лангемака и Королева, и делались намеки на то, что я тоже «вредитель»...

Но одно-то вроде бы светлое пятнышко остается: ведь посадили же его в 1944-м! Ведь стал невинной жертвой сталинских репрессий! Впрочем, почему «невинной»? За все содеянное Андреем Григорьевичем разве не полагается тюрьма? Наивно искать логику в сталинских командах, но все-таки почему конструктора истребителя-перехватчика, самолет которого уже стал на крыло, сажают за решетку в самый разгар войны? Начал разбираться с ракетным истребителем.

Вскоре после эвакуации, по счастью, не взорванного в Москве института в Свердловск Костиков заявил, что он берется создать ракетный истребитель-перехватчик с характеристиками, которых не знала тогда мировая авиация. Несмотря на то, что в годы войны Сталин крайне неодобрительно относился ко всякому опытному конструированию, полагая, что все силы должны быть сосредоточены на развертывании массового производства уже апробированных самолетов, Костикову работу эту разрешили, и институт переключился на создание чудо-перехватчика.

Поскольку в конструировании собственно самолетов Костиков ничего не понимал и в институте таких специалистов не было, он привлек к этой работе авиационного конструктора Матуса Рувимовича Бисновата, руководившего с 1938 года небольшим самостоятельным КБ. Бисноват конструировал истребители, два даже построил, но конкуренции с Микояном, Лавочкиным и Яковлевым не выдержал, на вооружение эти машины приняты не были. Бисноват сделал самолет для Костикова, но это был лишь планер, а не истребитель. На нем и летал, как записано Костиковым, «человек-птица» — замечательный наш испытатель Сергей Николаевич Анохин. Летчик-испытатель Виктор Леонидович Расторгуев на скоростном бомбардировщике Туполева СБ «вывез» планер Бисновата, после чего опытный планерист Анохин и летал 27 минут. Но опять-таки какое все это имеет отношение к Костикову, в чем его вклад в этот полет?! После испытаний Анохина для того, чтобы превратить планер Бисновата в перехватчик, нужен был двигатель Костикова, но как раз двигателя и не было. Обещанного жидкостного ракетного двигателя Костиков сделать не сумел, все сроки просрочил, чем очень разгневал Сталина. Была назначена специальная комиссия во главе с заместителем Наркома авиационной промышленности А. С. Яковлевым, которая признала, что срок, назначенный Костиковым для создания ракетного перехватчика, ничем не обоснован и нереален. Вывод между строк — чистая авантюра. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 18 февраля 1944 года генерал-майор Костиков был снят с должности директора института, а Прокуратуре СССР было поручено расследовать срыв Костиковым «особо важного задания по проектированию и строительству реактивного самолета-перехватчика». 15 марта Костикова арестовали. Не берусь судить, насколько обоснованно столь крутое решение даже в военное время. На следствии Костиков признал, что ввел правительство в заблуждение, чем нанес вред стране, но объяснил, что действовал без злого умысла, а руководствуясь лишь «желанием прибавить себе славы, завоевать в стране положение конструктора-монополиста в области ракетной техники». В действиях Костикова НКВД не установил состава преступления, и дело его, возбужденное Прокуратурой СССР, было прекращено. Просидел Костиков в тюрьме одиннадцать с половиной месяцев. Просто для сравнения хочу напомнить, что никого не обманувший, кристально честный и абсолютно невиновный Андрей Николаевич Туполев — уже тогда один из ведущих авиаконструкторов мира — был приговорен к 15 годам исправительно-трудовых лагерей.

Как я теперь понимаю, в написанном мною, но, по счастью, неопубликованном очерке «Огненная стрела», кроме номеров полков гражданской войны и надгробия работы Коненкова, не было ни слова правды. Почему я вернулся к этой теме через четверть века? Искупить «грех молодости»? Но Михвас умер, о «грехе» никто не знает. Разоблачить самозванца? Да, пожалуй. Несмотря на суровые выводы технических экспертиз 1944 года, «авторство» Костикова не было похоронено. Когда в 1965 году готовился доклад в связи с предстоящим празднованием 20-летия Победы, дело Костикова вновь всесторонне изучалось, и в аппарат Л. И. Брежнева была направлена подробная справка за подписью Главного военного прокурора Артема Григорьевича Горного, в которой Костиков вновь документально изобличался в присвоении славы изобретателя «катюши». Фамилию Костикова успели вычеркнуть, в доклад Генерального секретаря она не попала, но и правды никто не узнал и таким образом сохранялась официальная оценка «трудов» Андрея Григорьевича, данная в наиболее авторитетном справочном издании — в первом томе «Истории Великой Отечественной войны». А там со всей категоричностью утверждалось, что «накануне войны с Германией выдающимся советским ученым и конструктором, одним из последователей К. Э. Циолковского, А. Г. Костиковым, было создано грозное оружие — реактивные минометные установки, ставшие вскоре очень популярными в войсках (знаменитые «катюши»)». Так в умах миллионов людей затвердилось: Костиков — отец «катюши».

Но по большому счету дело не в разоблачении конкретного нечистоплотного человека, хотя это и важно. Дело в явлении. Мы много делаем сегодня для возвращения людям доброго имени, втоптанного в грязь в годы расцвета сталинизма. Но ведь происходили два процесса, которые срослись друг с другом и не могли друг без друга существовать, как сиамские близнецы: процесс необоснованного низвержения и процесс незаслуженного возвышения, процесс уничтожения действительных эталонов и создания псевдоэталонов. Дело не в Герое Социалистического Труда, лауреате Сталинской премии, члене-корреспонденте Академии наук СССР, генерал-майоре Костикове, а в костиковщине — мы найдем ее везде: в политике, экономике, науке, искусстве, литературе. И высшая справедливость в том, чтобы не только смыть грязь с одних, но и соскоблить позолоту с других. Древнеримский философ Тит Лукреций Кар еще две тысячи лет назад заметил: «Личина спадает, а суть остается». Сама по себе личина спадает плохо. Ее надо сдирать.

ПАЛИТРА

ОДИССЕЯ КАЗИМИРАСА ЖОРОМСКИСА

Казимирасу Жоромскису 75 лет. Он родился в Вильнюсе, здесь учился и потом уехал за границу. Возвращение в Литву было долгим и тернистым, как, впрочем, и сама жизнь этого известного во всем мире художника.

— Я с отличием окончил Вильнюсскую художественную школу,— рассказывает К. Жоромскис,— и меня в числе лучших учеников послали совершенствоваться в Венскую академию. Война перекроила судьбы многих — моя жизнь не исключение. Потом я учился в Риме древнему искусству флорентийской мозаики. А первая в моей жизни выставка состоялась в Испании, в Мадриде, в 1947 году. Колумбийский консул предложил мне поехать преподавать в Боготу, в университет. Через два года я получил эмиграционную визу на въезд в США. Очутился в Чикаго, где много работал и сделал четыре персональные выставки. Потом преподавал искусство в Нью-Йорке, это было уже в 1956 году.

— Вы так хорошо владеете русским...

— О, молодой человек,— вы не должны скидывать со счетов, что полвека назад я учился в гимназии. Вместе с родным литовским я говорю на семи языках.

В Нью-Йорке,— продолжает художник,— у меня была мастерская во много раз превышающая размером вот эту комнату, где мы сидим, да еще со стеклянным потолком. Я был профессором искусства, у меня было много денег, и не только чтобы платить за аренду помещения, холсты и краски. Мои картины закуплены разными музеями мира, я участвовал в 23 крупнейших вернисажах на разных континентах, репродукции с моих картин вы также можете найти в ведущих энциклопедических изданиях Европы и Америки. Нет, славу я ел такой же большой ложкой, как та, которую вам сейчас подаст моя замечательная жена на наш обед, естественно, если вы не будете возражать с нами отобедать.

— Со своей женой вы познакомились в Соединенных Штатах?

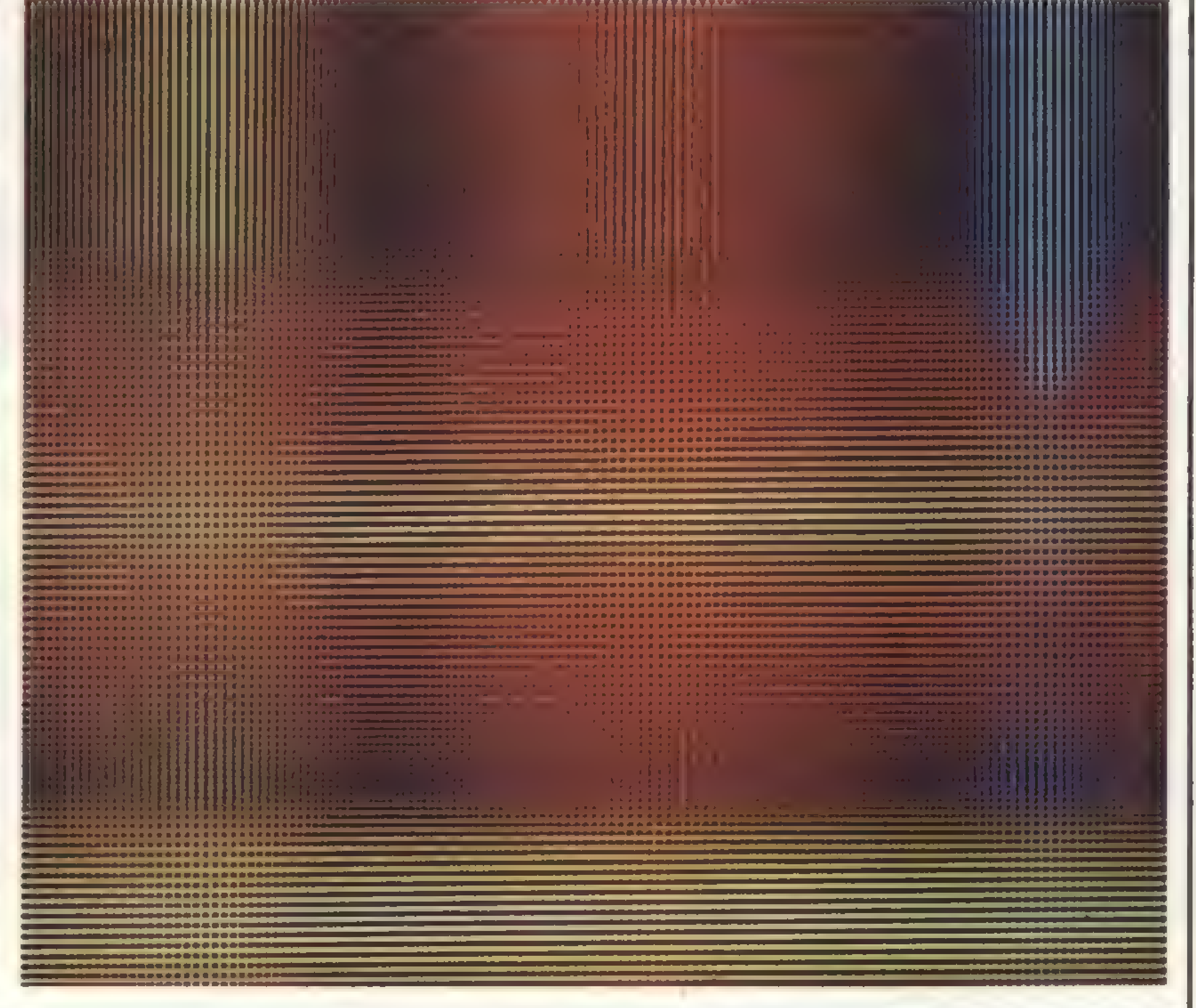
— О нет! И это романтическая история! Всю жизнь мне снился один и тот же сон: будто я вижу молодую девушку, которая улыбается утреннему солнцу. Этот сон, как и моя ностальгия, долгое время не давал мне покоя.

— Уже когда Казимирас возвратился в Литву,— вступила в разговор его жена Кристина Миклашавичуте,— я получила от издательства «Вага» заказ на монографию о творчестве художника Жоромскиса, и когда пришла брать у него интервью, он мне чуть ли не с порога говорит: «А ведь все эти годы, там, в далекой Америке, как раз ты мне и снилась. Выходи за меня замуж!»

— Но, Казимирас, разве вы до этого не были женаты?

— Представьте себе, нет. Вы можете мне не поверить, но до встречи с Кристиной сердце мое спало, хотя жизнь бросала меня в самые неожиданные ситуации. Но, поймите, я всегда много работал, помню, когда я основательно осел в Манхэттене, я работал по 14—16 часов ежедневно. Праздники были исключены из жизни, я не хотел терять время, цель была одна — творчество.

КАЗИМИРАС ЖОРОМСКИС. Род. 1913.
23-я АВЕНЮ. НЬЮ-ЙОРК. 1986.

ОПТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ. 1987.

— Скажите, кроме собственных картин, вы ничего с собой не привезли? Мебель, машина, драгоценности?

— Почему же? Нож, которым вы режете это литовское блюдо, я попросил на память у стюардессы компании «Пан-Америкэн». Она поняла меня правильно и сказала: «Когда я отвернусь, вы можете забрать прибор как сувенир».

— На родную землю вы приземлились в 1986 году. Время адаптации позади, первые эмоции тоже. Может быть, сегодня вас что-то не устраивает в вашей новой роли — ну, например, проблемы с хорошей мастерской, с квартирой, с престижными выставками. Вступили ли вы в Союз художников?

— Первое чувство, которое я испытал, и оно до сих пор не исчезает: наконец-то после долгих странствий вернулся на Родину. Здесь я приобрел много новых друзей, обрел семью. Успел поучаствовать в больших торжествах — Днях Литвы в Москве, и знаменитая Третьяковская галерея закупила у меня несколько работ. Правда, имеются сложности с мастерской — приходится писать в квартире, где я очень зависим от дневного света. Вступил в Союз художников, где мои коллеги через год-полтора обещают обеспечить меня просторной мастерской.

— Ваше творчество как по форме, так и по содержанию отличается от работ большинства литовских художников. Не является ли это обстоятельство препятствием к пониманию друг друга?

— Конечно же, трудности восприятия есть. Но я считаю, что приехал очень вовремя, ибо, мне кажется, мои работы могут дать новый творческий толчок, задать хороший тон для молодых. А вообще-то я приучил себя не обращать внимания на критику. Работаю целый день, а когда освещение уходит — пишу роман.

— О чем он, если не секрет?

— То, что Казимир пишет,— вмешалась Кристина,— он держит в глубокой тайне даже от меня.

— Скажу только, что мой роман — о взаимоотношениях человека и общества. Хочу, кстати, сам сделать к нему иллюстрации. Все остальное действительно моя тайна, даже от Кристины. Мы, литовцы, умеем молчать. Жена не знает даже, сколько я денег с собой привез.

— Ну, а нам не приоткроете тайну? Вы богаты?

— Там, на Западе я мог продавать свои картины как следует, но я этого не сделал, я хотел привезти полотна сюда, на Родину. 350 работ подарил Вильнюсскому музею изобразительных искусств, а 150 оставил себе.

— На Западе вас считают отцом нового — оптического — направления в живописи. В чем его суть?

— Это все началось, когда я сделал большой цикл «Стены». Я задался мыслью соединить интерьер с декоративной живописью. Критики и назвали это оптическим искусством, потому что благодаря особому приему изображаемое на полотне начинало представляться зрителю в трех измерениях. Были случаи откровенных головокружений. А на самом деле все очень просто: всегда в живописи было два измерения. Я придумал третье. Критики начали писать, что это открытие.

— Чем вы заняты сейчас?

— Сейчас пытаюсь загнать в зрительную форму воспоминания о Западе. В один только цикл «23-я авеню» у меня вошло 25 картин. Вначале я хотел назвать эту серию «Капиталистический реализм», потом подумал, что реализм существует везде. Хочу написать еще 30—40 картин на эту тему, а затем взяться за новый, но уже возникающий в моем воображении «Вильнюсский цикл». Так что и здесь не сижу сложа руки. Работы хватает.

Олег ТУРКОВ

Вильнюс—Москва 1988 г.

АВТОАВАРИЯ I. 1985.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ. Нью-Йорк. 1986. Из серии «СТЕНЫ».

СЛОВО О ДРУГЕ

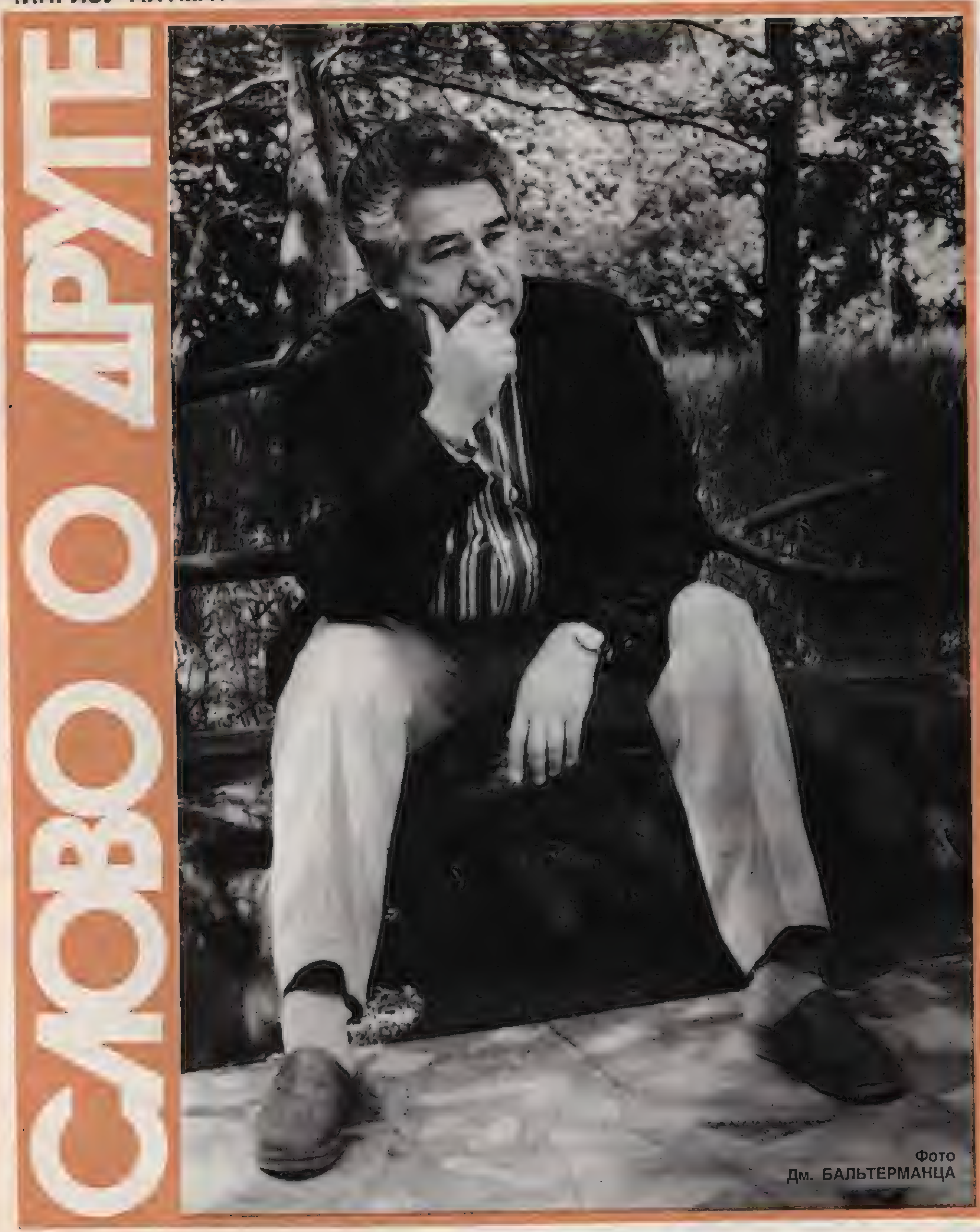

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Говорят, падение температуры на один градус в Мировом океане может привести к глобальной катастрофе. Но мы не замечаем, какая совершается катастрофа, когда уменьшается на один порядок уровень мировой цивилизации, уровень культуры. Мы не представляем, даже приблизительно, какие потери несет общество от падения нравственных начал в нем, или какой, например, ущерб был причинен народам нашей страны, да и всему миру, эпохои зла и насилия, высшей целью которой было физическое и духовное порабощение людей.

Я позволяю себе мыслить масштабами глобальными, ибо если говорить сегодня о Чингизе Айтматове, то эти масштабы сами просятся на ум. Он — писатель той высоты и величины, когда иные меры, иные категории неуместны. Размышляя о значении Ч. Айтматова для мировой культуры, я, конечно, имею в виду тот нравственный накал, которым пронизано все творчество моего друга...

Более трех десятков лет прошло с тех пор, как мы встретились в Москве на Высших литературных курсах: Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев и я. Это было прекрасное время. Нас всех объединил тогда XX съезд: Кайсын Кулиев приехал из ссылки, я — из Норильского лагеря, Чингиз — тоже из ссылки (он был сыном «врага народа», сыном прекрасного и просвещеннейшего человека Киргизии, истинного революционера).

По совести говоря, мы с Кулиевым в то время не во всей мере осознавали, какое будущее предназначено этому молодому слушателю, которого, кстати, боялись все наши преподаватели. Дело в том, что он буквально засыпал их своими вопросами. Вопросы были простые и сложные, наивные и глубокие. Один из профессоров мне признавался, что он даже хотел запретить Айтматову задавать на лекциях вопросы, поскольку на их ответы уходило много времени; другой профессор — по эстетике — говорил, что он, каждый раз идя на курсы, дома тщательно готовился к встрече с Чингизом. В конце концов любознательность, проявленная им, заслужила уважение у всех преподавателей, потому что это было не просто любопытство. За этими вопросами скрывалась неистребимая тяга молодого писателя к знаниям, его безудержное стремление к правде, его желание докопаться до сути любого явления, любой проблемы, будь то история, философия или литература.

Тут следует оговориться. Наше поколение в основном было воспитано на «Кратком курсе», особенно на его четвертой главе, заменявшей всё — и Библию, и философию, и мировую историю. Летосчисление для нас начиналось с «залпа «Авроры», будто бы до этого ничего не было. Только после XX съезда мы стали понимать, что история, культура, цивилизация существовали давно. Наше беспамятство не случайно. Потрясения, которые испытала наша страна,— в связи с гражданской войной, в связи с истреблением лучшей части народа и интеллигенции, в связи со смутными, страшными временами сталинщины,— неизбежно отразились на уровне общей культуры. Я хочу объяснить и читателю, и себе самому, что́ стояло за всеми теми вопросами Чингиза Айтматова, на которые он не уставал искать ответы. Теперь я понимаю, что эти поиски истины обладали огромной энергией, благодаря которой его творчество приобрело мировое признание. Конечно, одних поисков истины было недостаточно. Для того чтобы разрушить скалу из окаменевших мыслей, чтобы растопить оледеневшую нравственность, чтобы победить тьму, необходимо наличие таланта. А талантом, слава Богу, Чингиз был наделен природой в избытке. Но что важно: по закону страшной диалектики горе, выпавшее на долю семьи Айтматова, горе, разлитое вокруг него и прошедшее сквозь его сердце, было тем точилом, благодаря которому его талант обретал свою остроту.

Своим творчеством Чингиз Айтматов далеко перешагнул за пределы не только своей республики, но и всей нашей страны. Когда я был недавно в Китае, а еще раньше — в Испании, Франции, Италии,— везде у меня спрашивали о нем, потому что он ныне один из самых читаемых писателей в мире. И удивляться этому нечего,— произведения Айтматова отвечают на вопросы, которые волнуют всех, где бы они ни жили: как побороть зло, ложь, грех, причем побороть их, не ища врагов на стороне, а вглядываясь прежде всего в себя.

Чингиз всегда обладал тем мышлением, которое мы сейчас называем «новым». Он изначально был проповедником его. Он давно понял, что уровень человеческой нравственности пока еще не соответствует уровню созданного на земле оружия. Только повышение температуры человеческой нравственности может сделать мир безопасным. Всеми способами нужно добиться того, чтобы любой человек на Земле при слове «война» испытывал физическое отвращение, как он испытывал бы это отвращение, если бы в соседней комнате совершался акт каннибализма. Вот что такое новое мышление.

Когда я читаю у Ф. Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!—

я думаю, что это сказано было о таких, как Чингиз Айтматов. Он был заживо допущен, как небожитель, на высокий Парнас литературы. Он стал глашатаем всечеловеческой Совести. Ведь совесть для людей едина,— она не имеет разных толкований у разных народов. Она одна. Мало того, когда мы говорим о большом количестве читателей у Чингиза Айтматова, мы не только этим пытаемся определить его место в мировой культуре,— потому что, как сказал Махатма Ганди, вопросы совести не решаются большинством, вопросы совести решаются душой.

Чингиз Айтматов своими книгами и своей общественной деятельностью выражает истинную правду времени. Это делает высоту его шестидесятилетия высотой, откуда исходит свет для тех, кто желает человечеству добра. И я знаю: энергия этого света, в отличие от энергии физического света, неиссякаема.

РЕДКОЛЛЕГИЯ И СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ КО ВСЕМ ПОЗДРАВЛЕНИЯМ И ДОБРЫМ ПОЖЕЛАНИЯМ ЧИНГИЗУ ТОРЕКУЛОВИЧУ АЙТМАТОВУ В ЧЕСТЬ ЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ.

ЖИЗНЬ И НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛДАТА ИВАНА ЧОНКИНА

Владимир ВОЙНОВИЧ

Рисунок
Сергея ТЮНИНА

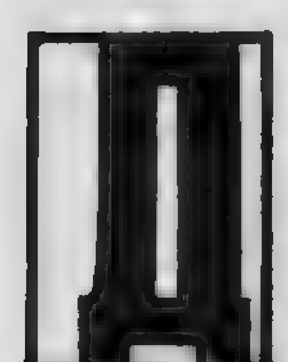
ОТРЫВОК
ИЗ
РОМАНА-АНЕКДОТА

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ — ИЗ ПЛЕЯДЫ ПИСАТЕЛЕЙ, ОТКРЫТЫХ «НОВЫМ МИРОМ» В 60-е ГОДЫ. ЕГО ПОВЕСТИ «МЫ ЗДЕСЬ ЖИВЕМ», «ХОЧУ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ», «ДВА ТОВАРИЩА» БЫЛИ В ТЕ ГОДЫ ПРЕДМЕТОМ НЕСМОЛКАЕМЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СПОРОВ. ОН ПИСАЛ ПЬЕСЫ И СТИХИ (ПЕСНЮ НА ЕГО СЛОВА «ЗАПРАВЛЕНЫ В ПЛАНШЕТЫ КОСМИЧЕСКИЕ КАРТЫ...», СТАВШЕЙ НЕОФИЦИАЛЬНЫМ ГИМНОМ КОСМОНАВТОВ, ПЕЛА ВСЯ СТРАНА), НО ИСТИННЫМ ЕГО ПРИЗВАНИЕМ БЫЛА САТИРА. В 1980 ГОДУ ЕГО ВЫНУДИЛИ ПОКИНУТЬ РОДИНУ. С ТЕХ ПОР ОН ЖИВЕТ В ФРГ.

Не знаю, как на Курском или казанском вокзале, а на нашем Мюнхенском — «Огонек» бывает. Но купить его можно только в день поступления. На другой день уже нельзя. Впрочем, меня проблема доставания «Огонька» не касается: с некоторых пор я являюсь его постоянным и к тому же валютным подписчиком. О моем отношении к нынешнему «Огоньку» говорит тот факт, что это пока единственный советский журнал, на который я подписан. Что и говорить, журнал изменился радикально. Из мертвого официоза превратился в острое, актуальное и живое издание. Читая журнал, я с особым вниманием слежу за процессом стирания так называемых «белых пятен». У меня к этому процессу интерес очень личный, потому что одним из этих «пятен», или, скажем скромнее, пятнышек, оказался я сам. Много лет назад мои книги исчезли из библиотек, а мое имя перестало упоминаться в советской печати. Я рад, что «Огонек», верный взятому курсу, решил стереть и это небольшое пятно. Предлагаемые отрывки представляют собой главы из моего романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», первая книга которого с моего согласия и любезного разрешения издательства «Ардис» полностью будет опубликована в журнале «Юность».

Владимир ВОЙНОВИЧ

Дежурный по части капитан Завгородний в расстегнутой гимнастерке и давно не чищенных, покрывшихся толстым слоем пыли сапогах, изнывая от жары, сидел на крыльце штаба и наблюдал за тем, что происходило перед входом в казарму, где размещалась комендантская рота.

А происходило там вот что. Красноармеец последнего года службы Иван Чонкин, маленький, кривоногий, в сбившейся под ремнем гимнастерке, в пилотке, надвинутой на большие красные уши, и в сползающих обмотках, стоял навытяжку перед старшиной роты Песковым и испуганно глядел на него воспаленными от солнца глазами.

Старшина, упитанный розовощекий блондин, сидел, развалясь, на скамеечке из некрашеных досок и, положив ногу на ногу, покуривал папиросу.

— Ложись! — негромко, словно бы нехотя скомандовал старшина, и Чонкин послушно рухнул на землю.

— Отставить! — Чонкин вскочил на ноги.— Ложись! Отставить! Ложись! Товарищ капитан,— крикнул старшина Завгороднему,— вы не скажете, сколько там на ваших золотых?

Капитан посмотрел на свои большие часы Кировского завода (не золотые, конечно, старшина пошутил) и лениво ответил:

— Половина одиннадцатого.

— Такая рань,— посетовал старшина,— а жара уже хоть помирай.— Он повернулся к Чонкину.— Отставить! Ложись! Отставить!

На крыльцо вышел дневальный Алимов.

— Товарищ старшина,— закричал он,— вас к телефону!

— Кто? — спросил старшина, недовольно оглядываясь.

— Не знаю, товарищ старшина. Голос такой хриплый, будто простуженный.

— Спроси — кто?

Дневальный скрылся в дверях, старшина повернулся к Чонкину.

— Ложись! Отставить! Ложись!

Дневальный вернулся, подошел к скамейке и, с участием глядя на распластанного в пыли Чонкина, доложил:

— Товарищ старшина, из бани звонят. Спрашивают: мыло сами будете получать или пришлете кого?

— Ты же видишь, я занят,— сдерживаясь, сказал старшина.— Скажи Трофимовичу — пусть получит.— И снова к Чонкину: — Отставить! Ложись! Отставить! Ложись! Отставить!

— Слышь, старшина,— полюбопытствовал Завгородний.— А за что ты его?

— Да он, товарищ капитан, разгильдяй,— охотно объяснил старшина и снова положил Чонкина.— Ложись! Службу уже кончает, а приветствовать не научился. Отставить! Вместо того чтобы как положено честь отдавать, пальцы растопыренные к уху приставит и идет не строевым шагом, а как на прогулочке. Ложись! — Старшина достал из кармана платок и вытер вспотевшую шею.— Устанешь с ними, товарищ капитан. Возишься, воспитываешь, нервы тратишь, а толку чуть. Отставить!

— А ты его мимо столба погоняй,— предложил капитан.— Пусть пройдет десять раз строевым шагом туда и обратно и поприветствует.

— Это можно,— сказал старшина и заплевал папироску.— Это вы правильно, товарищ капитан, говорите. Чонкин, ты слышал, что сказал капитан?

Чонкин стоял перед ним, тяжело дыша, и ничего не отвечал.

— А вид какой! Весь в пыли, лицо грязное, не боец, а одно недоразумение. Десять раз туда и сюда, равнение на столб, шагом...— старшина выдержал паузу,— марш!

— Вот так,— оживился капитан.— Старшина, прикажи: пусть носок тянет получше, сорок сантиметров от земли. Эх, разгильдяй!

А старшина, ободренный поддержкой капитана, командовал:

— Выше ногу. Руку согнуть в локте, пальцы к виску. Я тебя научу приветствовать командиров. Кругом... марш!

В это время в коридоре штаба зазвонил телефон. Завгородний покосился на него, но не встал, уходить не хотелось.

Он закричал:

— Старшина, ты посмотри, у него обмотка размоталась. Он же сейчас запутается и упадет. Прямо со смеху умрешь. И зачем только такое чучело в армию берут, а, старшина?

А телефон в коридоре звонил все настойчивей и громче. Завгородний неохотно поднялся и вошел в штаб.

— Слушаю, капитан Завгородний,— вяло сказал он в трубку.

Расстояние между деревней Красное и местом расположения части составляло километров сто двадцать, а может быть, больше, слышимость была отвратительная, голос лейтенанта Мелешко забивали какой-то треск, музыка, и капитан Завгородний с трудом понял, в чем дело. Сначала он даже не придал сообщению лейтенанта должного значения и вознамерился вернуться к прерванному зрелищу, но по дороге от телефона к дверям до него дошел смысл того, что он только что услыхал. И, осознав случившееся, он застегнул ворот гимнастерки, отер сапог о сапог и пошел докладывать начальнику штаба.

Постучав кулаком в дверь (начальник штаба был несколько глуховат), Завгородний, не дожидаясь ответа, приоткрыл ее и, переступив порог, закричал:

— Разрешите войти, товарищ майор?

— Не разрешаю,— тихо сказал майор, не поднимая головы от своих бумажек.

Но Завгородний не обратил на его слова никакого

внимания, он не помнил случая, чтобы начальник штаба кому-либо что-либо разрешил.

— Разрешите доложить, товарищ майор?

— Не разрешаю.— Майор поднял голову от бумаг.— Что это у вас за вид, капитан? Небриты, пуговицы и сапоги нечищены.

— Пошел ты...— вполголоса сказал капитан и весело поглядел майору в глаза.

По губам капитана начштаба понял примерный смысл сказанного, но не был уверен в этом, поскольку вообще не мог себе представить, чтобы младший по званию дерзил старшему. Поэтому он сделал вид, что не понял капитана, и продолжал свое:

— Если вам не на что купить крем в военторге, я вам могу подарить баночку.

— Спасибо, товарищ майор,— вежливо сказал Завгородний.— Разрешите доложить: у лейтенанта Мелешко отказал мотор, и он сел на вынужденную.

— Куда сел? — не понял начштаба.

— На землю.

— Перестаньте острить. Я вас спрашиваю, где именно приземлился Мелешко.

— Возле деревни Красное.

Начштаба подошел к висевшей на стене карте, отыскал на ней Красное.

— Что же делать? — Он растерянно посмотрел на Завгороднего.

Тот пожал плечами.

— Вы начальник, вам виднее. По-моему, надо доложить командиру полка.

Начальник штаба и раньше не отличался большой смелостью по отношению к вышестоящим командирам, но теперь, по причине глухоты, боялся их еще больше, помня, что его в любое время могут уволить в запас.

— Командир сейчас занят,— сказал он,— руководит полетами.

— Вынужденная посадка — летное происшествие,— напомнил Завгородний.— Командир должен знать.

— Значит, вы думаете, удобно отрывать командира для этого дела?

Завгородний промолчал.

— А может, Мелешко сам как-нибудь справится с этим?

Завгородний посмотрел на него с сочувствием. Начштаба перевелся сюда из пехоты и мало понимал в летном деле.

— Разрешите отлучиться из части, товарищ майор. Я сам доложу командиру.

— Вот правильно,— обрадовался майор.— Вы сами идите и доложите ему от своего имени. Вы — дежурный по части и имеете право. Постойте, Завгородний. Как же вы уйдете? А вдруг в части что-нибудь случится.

Но Завгородний уже не слышал его, он вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Примерно через час он вернулся в штаб с командиром полка подполковником Опаликовым и с инженером полка Кудлаем. В штабе к тому времени оказался еще подполковник Пахомов, командир батальона аэродромного обслуживания. Он выяснял с начальником штаба какие-то свои дела и при появлении Опаликова хотел уйти, но тот его задержал. Стали обсуждать, что делать. Кудлай сказал, что на складе запасных моторов нет, а из дивизии раньше чем через неделю не получишь. Завгородний предложил отстыковать крылья, погрузить самолет на автомобиль и привезти сюда. Начальник штаба предложил тащить самолет на буксире, чем вызвал презрительную ухмылку Завгороднего. Подполковник Пахомов молчал и что-то отмечал в своем блокнотике, проявляя усердие в службе.

Опаликов слушал говоривших насмешливо. Потом встал, прошел из угла в угол.

— Заслушав и обсудив всю ту хреновину, которую каждый из вас нес здесь в меру своих способностей, я пришел к выводу, что самолет мы оставим на месте до прибытия мотора. Если тащить его сто двадцать километров на автомобиле, от него останутся только дрова. А пока там надо поставить караул, хотя бы от пацанов, чтобы не растащили приборную доску. Это тебя касается.— Он махнул рукой в сторону Пахомова.

Подполковник Пахомов положил блокнот на подоконник и встал.

— Извините, ничего не получится,— робко сказал он.

Хотя он был чином равен Опаликову, возрастом старше и непосредственно ему не подчинялся, Пахомов чувствовал превосходство Опаликова над собой, знал, что тот ближе к начальству, раньше его станет полковником, и поэтому обращался к нему на «вы».

— Это почему еще не получится? — нетерпеливо спросил Опаликов.

Он не любил никаких возражений.

— Вся комендантская рота вторую неделю в карауле и сменить некем.— Пахомов взял блокнот и заглянул в него.— Семь человек в лазарете, двенадцать на лесозаготовках, один в отпуске. Все.

— Ну хоть одного можно найти? Хоть завалящего

какого-нибудь. Пусть он там поспит возле машины, лишь бы было с кого спросить.

— Ни одного, товарищ подполковник,— при этом Пахомов сделал такое жалкое лицо, что не поверить ему было никак не возможно.

— Да, дело плохо,— задумался Опаликов и тут же вскрикнул:

— Ура! Нашел! Послушай, пошли-ка ты этого... как его... боец у тебя есть такой зачуханный, на лошади ездит.

— Чонкин, что ли? — не поверил Пахомов.

— Конечно, Чонкин. До чего же я все-таки умный человек,— удивился Опаликов и хлопнул себя по лбу ладонью.

— Так он же...— попробовал возразить Пахомов.

— Что он?

— На кухню дрова некому будет возить.

— Незаменимых людей у нас нет,— сказал командир полка.

Этот тезис был апробирован. Подполковник Пахомов не посмел ничего возразить.

* * *

Летом, в хорошую погоду, политзанятия проходили обычно не в помещении, а на опушке небольшой рощицы, в стороне от городка. Чонкин, как всегда, опоздал, но на этот раз не по своей вине. Сперва его воспитывал старшина, потом повар Шурка в самый последний момент послал его на склад за крупой. Кладовщика на складе не оказалось, пришлось бегать по всему городку разыскивать. Когда Чонкин приехал наконец на лошади в рощу, все были уже в сборе. При появлении Чонкина руководитель занятий старший политрук Ярцев весьма тонко съязвил в том духе, что, мол, раз Чонкин явился, значит, теперь все в порядке — можно и начинать.

Бойцы расположились на небольшой лужайке вокруг широкого пня, на котором сидел старший политрук Ярцев.

Чонкин разнуздал лошадь и привязал ее неподалеку к дереву, чтобы она могла щипать траву, а сам себе выбрал место впереди бойцов, подальше от руководителя занятий. Он сел, поджав под себя ноги, и только после этого огляделся. И тут же понял, что место выбрал самое неудачное. Рядом с ним, глядя на него насмешливыми голубыми глазами, сидел его заклятый враг Самушкин. Этот Самушкин никогда не упускал случая, чтобы устроить Чонкину какую-нибудь пакость: в столовой смешивал сахар с солью, в казарме ночью (в тех редких случаях, когда Чонкину все же приходилось там спать) связывал вместе брюки и гимнастерку, и Чонкин из-за этого опаздывал на построение. А однажды Самушкин устроил Чонкину «велосипед» — вложил спящему между пальцев ног клочки бумаги и поджег. За это он получил два наряда вне очереди, а Чонкин трое суток хромал.

Увидев Самушкина, Чонкин понял, что лучше бы он сел на муравейник, потому что по игривому настроению Самушкина сразу понял, что добра от него ждать нечего.

Проходили тему «Моральный облик бойца Красной Армии». Старший политрук Ярцев достал из лежавшего на коленях большого желтого портфеля конспект, полистал его, вкратце напомнил бойцам то, что проходили на прошлых занятиях, и спросил:

— Кто желает выступить? Чонкин? — удивился он, заметив, что Чонкин дернул рукой.

Чонкин встал, оправил под ремнем гимнастерку и, переминаясь с ноги на ногу, уставился Ярцеву прямо в глаза. Так они смотрели друг на друга довольно долго.

— Ну что же вы не отвечаете? — не выдержал Ярцев.

— Не готов, товарищ старший политрук,— нерешительно пробормотал Чонкин, опуская глаза.

— Зачем же вы тогда поднимали руку?

— Я не поднимал, товарищ старший политрук, я жука доставал. Мне Самушкин бросил за шею жука.

— Жука? — зловещим голосом переспросил Ярцев.— Вы что, товарищ Чонкин, пришли сюда заниматься или жуков ловить?

Чонкин молчал. Старший политрук встал и в волнении заходил по лужайке.

— Мы с вами,— начал он, медленно подбирая слова,— изучаем очень важную тему: «Моральный облик бойца Красной Армии». Вы, товарищ Чонкин, по политподготовке отстаете от большинства других бойцов, которые на политзанятиях внимательно слушают руководителя. А ведь не за горами инспекторская поверка. С чем вы к ней придете? Поэтому, между прочим, и дисциплина у вас хромает. Прошлый раз, когда я был дежурным по части, вы не вышли на физзарядку. Вот вам конкретный пример того, как слабая политическая подготовка ведет к прямому нарушению воинской дисциплины. Садитесь, товарищ Чонкин. Кто желает выступить?

Поднял руку командир отделения Балашов.

— Вот,— сказал Ярцев,— почему-то товарищ Балашов всегда первым поднимает руку. И его всегда приятно слушать. Вы конспект приготовили, товарищ Балашов?

— Приготовил,— скромно, но с достоинством сказал Балашов.

— Я знаю, что приготовили,— сказал Ярцев, глядя на Балашова с нескрываемой любовью.— Отвечайте.

Старший политрук снова сел на пень и, чтобы показать заранее, какое истинное наслаждение доставит ему четкий и правильный ответ Балашова, закрыл глаза.

Балашов развернул общую тетрадь в картонном переплете и начал читать громко, с выражением, не вставляя ни единого своего слова.

Пока он читал, бойцы занимались кто чем. Один, спрятавшись за спиной другого, увлекся «Мадам Бовари», двое играли в «морской бой», Чонкин предавался своим мыслям. Мысли у него были разные. Внимательно наблюдая жизнь, постигая ее законы, он понял, что летом обычно бывает тепло, а зимой холодно. «А вот если бы было наоборот,— думал он,— летом холодно, а зимою тепло, то тогда бы лето называлось — зима, а зима называлась бы — лето». Потом ему пришла в голову другая мысль, еще более важная и интересная, но он тут же забыл, какая именно, и никак не мог вспомнить. И мысль об утерянной мысли была мучительна. В это время его толкнули в бок. Чонкин оглянулся и увидел Самушкина, про которого совсем позабыл. Самушкин поманил его пальцем, показывая, чтобы Чонкин наклонился, он, Самушкин, ему что-то скажет. Чонкин заколебался. Самушкин опять что-то придумал. Крикнуть в ухо, пожалуй, побоится, старший политрук здесь, а плюнуть может.

— Чего тебе? — шепотом спросил Чонкин.

— Да ты не бойся,— прошептал Самушкин и сам наклонился к чонкинскому уху.— Ты знаешь, что у Сталина было две жены?

— Да ну тебя,— отмахнулся Чонкин.

— Верно тебе говорю. Две жены.

— Хватит болтать,— сказал Чонкин.

— Не веришь — спроси у старшего политрука.

— Да зачем мне это нужно? — упрямился Чонкин.

— Спроси, будь другом. Я спросил бы, но мне неудобно, я прошлый раз задавал много вопросов.

По лицу Самушкина было видно, что ему очень важно, чтобы Чонкин оказал ему эту пустяковую, в сущности, услугу. И Чонкин, будучи человеком добрым, не умеющим никому и ни в чем отказывать, сдался.

Балашов все еще читал свой конспект. Старший политрук его слушал рассеянно, зная, что Балашов — боец аккуратный, наверняка переписал в конспект все слово в слово из учебника и никаких неожиданностей в его ответе быть не может. Но времени оставалось мало, надо было спросить других, и Ярцев прервал Балашова.

— Спасибо, товарищ Балашов,— сказал он.— У меня к вам еще вопрос: почему наша армия считается народной?

— Потому что она служит народу,— ответил Балашов, не задумываясь.

— Правильно. А кому служат армии капиталистических стран?

— Кучке капиталистов.

— Правильно.— Ярцев был очень доволен.— Я с удовольствием прослушал ваш ответ. Вы правильно мыслите, делаете из пройденного материала верные выводы. Я ставлю вам «отлично» и буду просить командира батальона объявить вам благодарность с занесением в личное дело.

— Служу трудовому народу,— тихо сказал Балашов.

— Садитесь, товарищ Балашов.— И своими узкими проницательными глазами старший политрук осмотрел сидевших перед ним бойцов.— Кто хочет дальше развить мысль предыдущего оратора?

Чонкин дернул рукой. Ярцев заметил.

— Товарищ Чонкин, как прикажете истолковать ваш выразительный жест? Может быть, вы опять боретесь с жуком?

Чонкин встал.

— Вопрос, товарищ старший политрук.

— Пожалуйста.— Политрук расплылся в широкой улыбке, всем своим видом показывая, что, конечно, Чонкин может задать только очень простой вопрос и, может быть, даже глупый, но он, Ярцев, обязан снижаться до уровня каждого бойца и разъяснить непонятное. И он ошибся. Вопрос, может быть, был глупый, но не такой простой:

— А правда,— спросил Чонкин,— что у товарища Сталина было две жены?

Ярцев вскочил на ноги с такой поспешностью, как будто ему в одно место воткнули шило.

— Что?! — закричал он, трясясь от ярости и испуга.— Вы что говорите? Вы меня в это дело не впутывайте.— Он тут же спохватился, что сказал что-то не то, и остановился.

Чонкин растерянно хлопал глазами. Он никак не мог понять, чем вызвана такая ярость старшего политрука. Он попытался объяснить свое поведение:

— Я, товарищ старший политрук, ничего,— сказал он.— Я только хотел спросить... Мне говорили, что у товарища Сталина...

— Кто вам говорил? — закричал Ярцев не своим голосом.— Кто, я вас спрашиваю? С чужого голоса поете, Чонкин!

Чонкин беспомощно оглянулся на Самушкина, тот спокойно перелистывал «Краткий курс истории ВКП(б)», словно все происходившее не имело к нему никакого абсолютно отношения. Чонкин понял, что, если сослаться на Самушкина, тот откажется, не моргнув глазом. И хотя Чонкин никак не мог взять в толк, чем именно вызван такой невероятный гнев старшего политрука, ему было ясно, что Самушкин его опять подвел, может быть, даже больше, чем в тот раз, когда устроил «велосипед».

А старший политрук, начав кричать, никак не мог остановиться, он крестил Чонкина почем зря, говоря, что вот, мол, к чему приводит политическая незрелость и потеря бдительности, что такие, как Чонкин, очень ценная находка для наших врагов, которые только и ищут малейшую щель, куда, не гнушаясь никакими средствами, можно пролезть со своими происками, что такие, как Чонкин, позорят не только свое подразделение и свою часть, но и всю Красную Армию в целом.

Трудно сказать, чем кончился бы монолог Ярцева, если бы его не прервал дневальный Алимов. Видно, Алимов бежал от самого городка, потому что долго не мог перевести дух, и, приложив руку к пилотке, тяжело дышал, молча глядя на Ярцева. Его появление сбило Ярцева с мысли, и он спросил раздраженно:

— Что вам?

— Товарищ старший политрук, разрешите обратиться.— Алимов кое-как отдышался.

— Обращайтесь,— устало сказал Ярцев, опускаясь на пень.

— Рядового Чонкина по приказанию командира батальона вызывают в казарму.

Этому обстоятельству были рады и Чонкин и Ярцев.

Отвязывая лошадь, Чонкин ругал себя, что черт дернул его за язык, может быть, первый раз за всю службу задал вопрос, и на тебе — такая неприятность. И он твердо решил, что теперь никогда в жизни не будет задавать никаких вопросов, а то еще влипнешь в такую историю, что и не выпутаешься.

* * *

Вот уж правда, жизнь человека полна неожиданностей. Если бы в этот день все текло по намеченному плану, то Чонкин после политзанятий должен был привезти на кухню дрова, потом — обед, потом — сон, после сна — баня. В бане обещали выдать новое обмундирование. (Чонкин уже рассчитывал отложить это обмундирование и две пары новых портянок на случай предстоящей демобилизации.) После бани — опять на конюшню, на склад за продуктами для ужина, потом вечером на открытой площадке концерт художественной самодеятельности.

И вдруг — трах-бах — вызвали в казарму, выдали винтовку, скатку, вещмешок, усадили в самолет, и через каких-нибудь полтора часа Чонкин был уже черт-те где, в какой-то деревне, о которой он до этого никогда не слыхал и не подозревал, что она существует на свете.

Его еще мутило от только что перенесенного первый раз в жизни полета, а летчики, тот, который его сюда привез, и другой, который был здесь, зачехлили поломанный самолет, привязали его к земле, сели в исправный и улетели, как будто их здесь и не было, а Чонкин остался лицом к лицу с самолетом и толпой, окружавшей его. Но и толпа постепенно рассосалась, предоставив Чонкина самому себе.

Оставшись один, он обошел вокруг самолета, подергал элероны и руль поворота, ударил ногой по колесу. И сплюнул. Зачем его охранять, от кого охранять и сколько времени — неизвестно. Подполковник Пахомов сказал — может, неделю, а может, и больше. За неделю можно с тоски подохнуть. Раньше, бывало, хоть с лошадью поговоришь, и то дело. Он вообще любил разговаривать с лошадью больше даже, чем с людьми, потому что человеку скажешь что-нибудь да не то, еще и неприятностей наберешь на свою шею, а лошадь, ей чего ни скажи, все принимает. Чонкин с ней беседовал, советовался, рассказывал про свою жизнь, про старшину, жаловался на Самушкина и на повара Шурку, лошадь понимала чего или не понимала, а махала хвостом, кивала головой — реагировала. А с этим драндулетом разве поговоришь? Он же неодушевленный. Чонкин еще раз сплюнул и прошел от носа к хвосту и от хвоста опять к носу. Огляделся.

Здешняя природа не нравилась ему совершенно. В трех сотнях шагов от него сквозь кусты ивняка свинцово блестела речка со странным названием Тёпа. Чонкин не знал, что она так называется, но все равно было противно. Чахлый лесок, который тянул-

ся ниже по течению Тёпы, Чонкину не нравился еще больше, а уже обо всем остальном пространстве и говорить нечего. Земля была голая, бугристая и с камнями, деревня бедная. Два дома обиты тесом, остальные — из потемневших бревен, наполовину вросшие в землю, крытые какой дранью, какой соломой.

Пусто в деревне. Сколько ни смотри, не увидишь человека живого. И ничего удивительного в этом нет — все на работе. А кто не на работе, прячутся от жарищи по избам. Только пегий теленок, видно, отбился от стада, лежит посреди дороги, высунув язык от жары.

Какой-то человек проехал на велосипеде по берегу речки с граблями, привязанными за спиной.

— Э-ге-гэй! — прокричал ему Чонкин, но тот не остановился, не обернулся, видать, не слыхал.

Иван пристроил вещмешок на крыле самолета, развязал посмотреть, что там ему положили. В мешке лежали две буханки хлеба, банка мясных консервов, банка рыбных, банка концентратов, кусок колбасы, твердой, как дерево, и несколько кусков сахара, завернутых в газету. На неделю, конечно, не густо. Знать бы заранее, спер бы чего-нибудь в летной столовой, а теперь что ж...

Прошел Чонкин опять вдоль самолета. Несколько шагов туда, несколько шагов обратно. Вообще, конечно, есть в его положении и приятное. Сейчас он не просто Чонкин, к которому можно запросто подойти, хлопнуть по плечу, сказать «Эй ты, Чонкин» или, например, плюнуть в ухо. Сейчас он часовой — лицо неприкосновенное. И прежде чем плюнуть в ухо, пожалуй, подумаешь. Чуть что — «Стой! Кто идет?», «Стой! Стрелять буду!».— Дело серьезное.

Но если посмотреть на это дело с другой стороны...

Чонкин остановился и, прислонившись к крылу, задумался. Оставили его здесь одного на неделю без всякой подмены. А дальше что? По уставу часовому запрещается есть, пить, курить, смеяться, петь, разговаривать, отправлять естественные надобности. Но ведь стоять-то неделю! За неделю этот устав хочешь не хочешь — нарушишь! Придя к такой мысли, он отошел к хвосту самолета и тут же нарушил. Оглянулся вокруг...

В ближайшем от себя огороде он увидел Нюру Беляшову, которая после дневного отдыха снова вышла окучивать картошку. Она мерно махала тяпкой и поворачивалась к Чонкину разными сторонами. Он пригляделся и по достоинству оценил ее крупные формы.

Чонкина сразу к ней потянуло, но он посмотрел на самолет и только вздохнул. И снова стал ходить вдоль самолета. Несколько шагов туда, несколько шагов обратно. Но «туда» шагов почему-то получалось все больше, а обратно все меньше, и в конце концов он уткнулся грудью в забор из длинных кривых жердей. Это произошло для него самого настолько неожиданно, что, встретившись с вопросительным Нюриным взглядом, Чонкин понял, что должен объяснить как-то свой поступок и объяснил его так:

— Попить охота,— сказал он и для убедительности ткнул себя пальцем в живот.

— Это можно,— сказала Нюра,— только вода у меня теплая.

— Хоть какая,— согласился Чонкин.

Нюра положила тяпку в борозду, пошла в дом и тут же вернулась с ковшиком из черного железа. Вода была, правда, теплая, невкусная, она пахла деревянной бочкой. Чонкин отпил немного, а остаток, нагнувшись, выплеснул себе на голову.

— И-эх, хорошо! — сказал он с преувеличенной бодростью.— Верно я говорю?

— Ковшик на сучок повесьте,— ответила Нюра, снова берясь за тяпку.

Встреча с Чонкиным ее тоже взволновала, но она не подала виду и стала работать, ожидая, что он уйдет. А ему уходить не хотелось. Он постоял еще, помолчал и задал вопрос сразу по существу:

— Одна живете или с мужем?

— А вам зачем знать? — спросила Нюра.

— Из интересу,— ответил Чонкин.

— Одна или не одна, вас это не касается.

Этот ответ удовлетворил Чонкина. Он означал, что Нюра живет одна, но девичья гордость не позволяет ей отвечать прямо на такие вопросы.

— Может, помогти? — предложил Иван.

— Не надо,— сказала Нюра,— я уж сама.

Но Чонкин уже перекинул через забор винтовку, и сам пролез между жердями. Нюра сперва поотнекивалась для приличия, а потом отдала Чонкину свою тяпку, а себе принесла из хлева другую. Вдвоем дело пошло веселее. Чонкин работал легко и быстро, чувствовалось, что не первый раз занимается он этим делом. Нюра сперва пыталась за ним угнаться, но потом, поняв, что попытка эта несостоятельна, безнадежно отстала. Когда они остановились для перекура, она заметила ему с любопытством:

— Сами, видать, деревенские.

— Неужто заметно? — удивился Чонкин.

— Как не заметить,— сказала Нюра, смущенно потупясь.— У нас тут городские были, помогать приезжали. Так иной раз стыдно смотреть. Тяпку в руках держать не умеют. Интересно, чему их там в городах учат?

— Известно чему,— сообразил Чонкин.— Сало деревенское жрать.

— То-то и есть,— согласилась Нюра.

Чонкин поплевал на ладони и принялся опять за работу. Нюра, идя следом, нет-нет да и поглядывала украдкой на нового своего знакомого. Она, конечно, сразу заметила, что и ростом он не очень-то вышел, и лицом не из самых красавцев, но ей при ее затянувшемся одиночестве и такой был хорош. А Чонкин, она пригляделa, парень сноровистый и с ухваткой, для хозяйства, сразу видно, полезный. И он нравился ей все больше и больше, и в душе ее даже затеплилось что-то похожее на надежду.

* * *

...Когда Нюра подоила корову и вышла на крыльцо, Чонкин закончил уже последнюю грядку и сидел на траве, курил.

— Устали? — спросила Нюра.

— Плевать,— сказал Чонкин.— Мне эта работа только для развлечения.

— Я там на стол собрала,— преодолев в себе робость, сказала Нюра.

— На стол? — У Чонкина загорелись глаза, но он тут же вспомнил о своем положении и только вздохнул.— Нельзя мне. С сожалением бы, но нельзя. У меня вон стоит.— С досадой он махнул рукой в сторону самолета.

— Да господи, кто его тронет! — горячо сказала Нюра.— У нас тут такой народ живет — избы не запирают.

— Неужто не запирают? — спросил Чонкин с надеждой.— И что ж, ни разу не бывало таких случаев, чтобы кто-нибудь чего-нибудь?..

— Да что вы,— сказала Нюра.— Я вот за всю жизнь и не припомню такого. Это вот еще когда я совсем маленькая была, еще до колхоза, у Степана Лукова, вон он там живет за конторой, лошадь пропала, так и то думали — цыгане, а потом нашли ее, переплыла на тот берег.

— Ну, а если пацаны там захотят чего отвернуть? — постепенно сдавался Чонкин.

— Пацаны уже спать полегли,— сказала Нюра.

— Ну ладно,— решился Иван,— минут на десять, пожалуй, зайду.

Он взял свою винтовку, Нюра собрала тяпки.

В первой половине избы чисто убрано. На широком столе стояла бутылка, заткнутая тряпицей, два стакана и две тарелки — одна с вареной картошкой, другая с огурцами. Чонкин сразу оценил, что не хватает мясного, и, оставив винтовку в избе, сбегал к самолету за вещмешком. Колбасу Нюра тут же крупно порезала, а консервы вскрывать не стали, не хотелось возиться.

Чонкина Нюра усадила на лавку к стене, а сама села напротив на табуретку. Чонкин разлил самогон — себе полный стакан, Нюре — половину, больше она не разрешила. Чонкин поднял свой стакан и произнес тост:

— Со встречей!

После второго стакана Чонкина развезло. Он расстегнул гимнастерку, снял ремень и сидел, привалясь спиной к стене, и о самолете больше не думал. В наступивших сумерках, как в тумане, перед ним плавало лицо Нюры, то раздваиваясь, то вновь собираясь в единое целое. Чонкин чувствовал себя весело, легко и свободно, и непослушным движением пальца он поманил к себе Нюру и сказал ей:

— Поди сюда.

— А зачем? — спросила Нюра.

— Просто так.

— Просто так можно и через стол говорить,— сопротивлялась она.

— Ну иди,— жалобно сказал он,— я ж тебя не укушу.

— Ни к чему все это,— сказала Нюра и, обойдя стол, села слева от Чонкина на некотором расстоянии.

Они помолчали. На противоположной стене громко стучали старые ходики, но их в темноте не было видно. Время шло к ночи.

Чонкин глубоко вздохнул и придвинулся к Нюре. Нюра вздохнула еще глубже и отодвинулась. Чонкин снова вздохнул и придвинулся. Нюра снова вздохнула и отодвинулась. Скоро она очутилась на самом краю лавки. Двигаться дальше было опасно.

— Чтой-то холодно стало,— сказал Чонкин, кладя левую руку ей на плечо.

— Да не так уж и холодно,— возразила Нюра, пытаясь сбросить его руку с плеча.

— Чтой-то руки замерзли,— сказал он и правой полез к Нюре за пазуху.

— А вы вообще-то всегда на аэроплане летаете? — спросила она, предпринимая последнюю отчаянную попытку освободиться.

— Всегда,— сказал он, просовывая руку у нее под мышкой за спину, чтобы расстегнуть лифчик.

* * *

Отличительной чертой председателя Голубева была неодолимая склонность к сомнениям. Когда жена утром спрашивала его:

— Что будешь есть — яичницу или картошку?

Он отвечал:

— Давай картошку.

Она доставала из печи чугунок с картошкой, и в эту секунду он знал совершенно определенно, что хочет яичницу. Жена запихивала чугунок обратно и шла в сени за яйцами. Возвращаясь, встречалась с виноватым взглядом мужа — он снова хотел картошку.

Иногда он даже сердился:

— Давай что-нибудь одно, не заставляй меня думать про глупости.

Право на выбор его всегда тяготило. Он невыносимо мучился, когда раздумывал, какую сегодня надеть рубашку — зеленую или синюю, какие сапоги — старые или новые. Правда, за последние двадцать с лишним лет в стране было много сделано для того, чтобы Голубев не сомневался, но какие-то сомнения у него все-таки оставались и распространялись порой даже на такие вещи, в которых вообще сомневаться в то время было не принято. И не зря секретарь райкома по зоне МТС Борисов говорил иногда Голубеву:

— Ты эти свои сомнения брось. Сейчас надо работать, а не сомневаться.

И еще он говорил:

— Помни, за тобой ведется пристальное наблюдение.

Впрочем, он говорил это не только Голубеву, но и многим другим. Какое наблюдение и как именно оно ведется, Борисов не говорил, может, и сам не знал.

Однажды Борисов проводил в райкоме совещание председателей колхозов по вопросам повышения удойности за текущий квартал. Колхоз Голубева занимал среднее положение по показателям; его не хвалили и не ругали, он сидел и разглядывал новый гипсовый бюст Сталина, стоявший возле окна на коричневом подцветочнике. Когда совещание кончилось и все стали расходиться, Борисов задержал Голубева. Остановившись возле бюста вождя и машинально погладив его по голове, секретарь сказал:

— Вот что, Иван Тимофеич, парторг твой Килин говорит, что ты мало внимания уделяешь наглядной агитации. В частности, не дал денег на диаграмму роста промышленного производства.

— Не дал и не дам,— твердо сказал Голубев.— Мне коровник не на что строить, а ему только диаграммы свои рисовать, трынькать колхозные деньги.

— Что значит трынькать,— сказал секретарь.— Что значит трынькать? Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Я понимаю,— сказал Иван Тимофеевич.— Я все понимаю. Только жалко мне этих денег. Их в колхозе и так не хватает, не знаешь, как дыры заткнуть. А ведь вы потом сами с меня три шкуры сдерете, потому что я — председатель.

— Ты в первую очередь коммунист, а потом уже председатель. А диаграмма — это дело большой политической важности. И мне странно видеть коммуниста, который этого недооценивает. И я еще не знаю, то, что ты говоришь, ошибка или твердое убеждение, и, если будешь дальше держаться той же позиции, мы тебя еще проверим, мы в самую душу к тебе заглянем, черт тебя подери! — Рассердившись, Борисов хлопнул Сталина по голове и затряс рукой от боли, но тут же выражение боли на его лице сменилось выражением смертельного страха.

У него сразу пересохло во рту. Он раскрыл рот и смотрел на Голубева, не отрываясь, словно загипнотизированный. А тот и сам до смерти перепугался. Он хотел бы не видеть этого, но ведь видел же, видел! И что теперь делать? Сделать вид, что не заметил? А вдруг Борисов побежит каяться, тогда он-то выкрутится, а ему, Голубеву, достанется за то, что не заявил. А если заявить, так ведь тоже за милую душу посадят, хотя бы за то, что видел.

У обоих была на памяти история, когда школьник стрелял в учительницу из рогатки, а попал в портрет и разбил стекло. Если бы он выбил учительнице глаз, его бы, возможно, простили по несовершеннолетию, но он ведь попал не в глаз, а в портрет, а это уже покушение, ни больше ни меньше. И где теперь этот школьник, никто не знал.

Первым из положения вышел Борисов. Он суетливо вытащил из кармана металлический портсигар и, раскрыв его, сунул Голубеву. Тот заколебался — брать или не брать. Потом все же решился — взял.

— Да, так о чем мы с тобой говорили? — спросил Борисов как ни в чем не бывало, но на всякий случай отходя от бюста подальше.

— О наглядной агитации,— услужливо напомнил Голубев, приходя понемногу в себя.

— Так вот я говорю,— сказал Борисов уже другим тоном,— нельзя, Иван Тимофеевич, недооценивать

политическое значение наглядной агитации, и прошу тебя по-дружески, ты уж об этом позаботься, пожалуйста:

— Ладно уж, позабочусь,— хмуро сказал Иван Тимофеевич, торопясь уйти.

— Вот и договорились,— обрадовался Борисов, он взял Голубева под руку и, провожая до дверей, сказал, понижая голос: — И еще, Ванюша, хочу тебя как товарищ предупредить, учти — за тобой ведется пристальное наблюдение.

Голубев вышел на улицу. Стоял по-прежнему сухой и солнечный день. Председатель отметил это с неудовольствием, пора бы уже быть и дождю. Его лошадь, привязанная к железной ограде, тянулась к кусту крапивы, но не могла дотянуться. Голубев взобрался в двуколку, отпустил вожжи. Лошадь прошла один квартал и сама, без всякого приказания, а по привычке остановилась напротив деревянного дома с вывеской «Чайная». Возле чайной стояла подвода с бидонами из-под молока, председатель сразу определил, что подвода из его колхоза. Лошадь была привязана к столбу. Голубев привязал к этому же столбу и свою лошадь, поднялся по шатким ступеням крыльца и открыл дверь. В чайной пахло пивом и кислыми щами.

Женщина, скучавшая за стойкой, сразу обратила внимание на вошедшего.

— Здравствуйте, Иван Тимофеевич.

— Здорово, Анюта,— ответил председатель, кидая взгляд в угол.

Там Плечевой допивал свое пиво. При появлении председателя он встал.

— Ничего, сиди,— махнул ему Голубев и подождал, пока Анюта нальет ему обычную порцию — сто пятьдесят водки и кружку пива. Водку, как всегда, вылил в пиво и пошел в угол к Плечевому. Тот опять попытался встать, но Голубев придержал его за плечо.

— Молоко сдавал? — спросил председатель, отхлебывая из кружки.

— Сдавал,— сказал Плечевой.— Жирность, говорят, маловата.

— Перебьются,— махнул рукой Голубев.— А чего сидишь?

— А я тут Нюрку встрел, почтальоншу, да и обещался ее подвезти,— объяснил Плечевой.— Вот дожидаю.

— Что, живет она со своим красноармейцем? — поинтересовался Иван Тимофеевич.

— А чего ж ей не жить,— сказал Плечевой.— Он у ней заместо домохозяйки, да. Она на почту, а он воду наносит, дрова наколет и щи варит. Передник Нюркин наденет и ходит, как баба, занимается по хозяйству, да. Я-то сам не видел, а народ болтает, будто он и салфетки еще крестом вышивает.— Плечевой засмеялся.— Ей-богу, вот сколь живу, а такого, чтоб мужик в бабском переднике ходил да еще вышивал бы, не видел. И ведь вот что интересно: прислали его будто бы на неделю, полторы прошло, а он и не чухается, да. Я вот, Иван Тимофеевич, не знаю, может, это все от темноты, но народ думку такую имеет, что не зря он, этот армеец, сидит тут, а некоторые прямо считают — в виде следствия.

— Какого следствия? — насторожился председатель.

Плечевой знал о мнительности Голубева и сейчас нарочно его подзуживал и с удовольствием замечал, что слова его производят должный эффект.

— А кто его знает, какого,— сказал он.— Только понятно, что зазря его здесь держать не будут, да. Если эроплан сломатый, значит, его надо чинить. А если он в таком состоянии, что и чинить нельзя, значит, надо выбросить. Чего ж даром человека держать. Вот потому-то народ, Иван Тимофеич, и сомневается. Слух есть,— Плечевой понизил голос и приблизился к председателю,— что колхозы распущать будут обратно.

— Ну это ты брось,— сердито сказал председатель.— Не будет этого никогда, и не надейся. Работать надо, а не слухи собирать.

Он допил свой «ерш» и поднялся.

— Ты, Плечевой, вот что,— сказал он напоследок,— если Беляшовой долго не будет, не жди, нечего. И своим ходом дойдет, не велика барыня.

Попрощавшись с Анютой, он вышел, сел на двуколку и поехал домой. Но сказанное Плечевым запало ему в душу и соединилось со словами Борисова о том, что за ним, Голубевым, ведется пристальное наблюдение. Какое же наблюдение и как оно ведется? Уж не через этого ли красноармейца? Не специально ли его подослали? Правда, на вид он вроде бы и не похож на такого, которого можно подослать. Но ведь те, кто подсылает, тоже не дураки, они такого и не пошлют, чтобы сразу было видно, что он подослан. Если бы знать это точно? Но как узнаешь? И тут у Голубева родилась дерзкая мысль: «А что если подойти к этому красноармейцу, стукнуть кулаком по столу, говори, мол, по какому заданию ты здесь сидишь и кто тебя на это направил?» А если даже за это и будет чего, так уж лучше сразу, чем так-то вот ждать неизвестно какой опасности.

ЗЕМЛЯ — ТРАНЗИТОМ

Сергей ЛЕСКОВ

бщеизвестно, что в техническом плане Америка ушла вперед. Если 60 лет назад поэт, именовавший себя «горланом и главарем», очутившись на Бродвее, ошарашенно восклицал: «Налево посмотришь — мамочка мать! Направо — мать моя мамочка! Есть что поглядеть московской братве»,— то, вообразите, что он заявил бы сейчас!

Впрочем, какие конкретно достижения являются символом технического прогресса США? Конечно, уже не Бруклинский мост — кого нынче громадными сооружениями удивишь. И не всеобщая компьютеризация — таких штучек мы еще попросту не понимаем.

Смею предположить, что символом Америки являются многоразовые космические корабли «Спейс Шаттл». Первый полет космического самолета «Колумбия» состоялся 12 апреля 1981 года (в пику нам, что ли, в День космонавтики стартовали?). Потом летали «Дискавери», «Атлантис», «Челленджер», трагической судьбы которого тогда никто не мог предположить. Всего космические «челноки» до конца 1985 года сделали 24 успешных рейса, и широковещательные заявления руководителей НАСА рисовали эпическую картину освоения околоземного пространства, где первая скрипка отводилась чудесному символу Америки — «Шаттлам». Символ — это то, чем владеешь монопольно. В США космические самолеты были, а больше ни у кого в мире таких не было...

Со всей определенностью можно признаться, что американские «челноки» нас уязвили. Мы всегда гордились своей космонавтикой. Она считалась сферой национального приоритета. Первыми в космос слетали, первыми из корабля наружу вышли, первыми Луну сфотографировали — значит, не такие уж мы технически отсталые! В общественном сознании простительным считалось уступить в каких угодно областях технического и хозяйственного соперничества с другими странами, но в космонавтике для самоуважения требовалось идти вперед других. Оберегая это самоуважение, мы нашли удобное оправдание первому тревожному «звонку» — высадке американцев на Луне. Было сказано, что на Луну советскому человеку летать незачем, там наши автоматы бывали. А американцы — они, вроде, и не успеха добились, а деньги на ветер пустили. От телетрансляции прогулки Нейла Армстронга по Луне отказались лишь СССР и Китай...

Но космическую программу «Спейс Шаттл» крыть было нечем. Разработка и полеты американских «челноков» пришлись на заключительный, самый гиблый и затхлый этап застойного, как говорят сейчас, периода. Успехи советской космонавтики стали отождествляться с вояжами за девальвировавшимися наградами высшей пробы, и, что характерно, эти вояжи совершались все чаще в варианте, освященном присутствием в экипаже космонавта из дружественного государства. Людей постарше, еще помнивших истинную цену высшим наградам, космонавтика начинала раздражать. Молодым же рационалистам, которых на мякине не проведешь, за ярмарочными фанфарами не виделось реальных достижений. И все вместе, питая, быть может, последнюю надежду на космонавтику, этого на глазах ветшавшего идола, который олицетворял достижения «развитого социализма», на лекциях, встречах, в письмах в редакции вопрошали: «Когда же полетит наш «Шаттл»?»

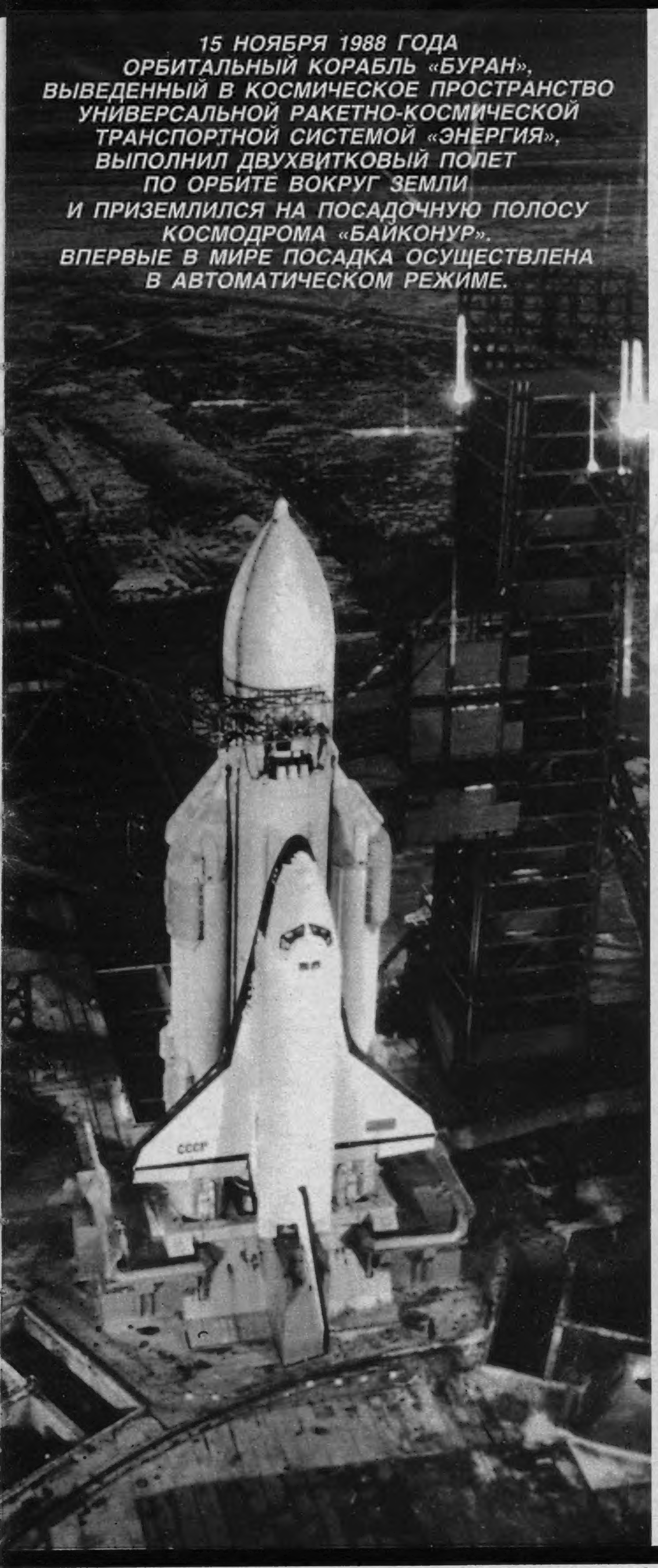
Вопрос оставался без ответа. Ибо подобное любопытство у нас удовлетворять не принято. Хотя в тех же США о начале работы над многоразовыми системами было объявлено в 1969 году, а в 1972 году можно было познакомиться с утвержденным проектом. Тайны не делали, а построили раньше. Почему бы, кстати, соответствующим нашим службам не задуматься над этим парадоксом? Может быть, общественный интерес не мешает, а, напротив, подталкивает разработчиков? Вот ведь и французы в макетный образец своего космического самолета «Гермес», который будет готов еще через шесть лет, допускают журналистов — даже советских. Нет, конечно, во всех государствах предусматриваются охранительные меры, но сводятся они к соблюдению известного принципа «ноу хау». Смысл прост: что делать — ясно, но как — этого, увольте, не покажем.

Возвращаясь к многоразовым космическим кораблям, надо еще заметить, что история их создания многими своими деталями до боли знакома нам по другим областям. О многоразовых системах прозорливо упоминал еще Циолковский, в 20-е годы Фридрих Цандер, наш замечательный инженер-романтик, составлял чертежи реактивного космического самолета. В 60-е годы о перспективности многоразовых аппаратов говорил основоположник практической космонавтики С. П. Королев. У Сергея Павловича, как известно, за словами неизменно следовало дело, но времени ему отпущено не было... Наконец, малоизвестный факт, который выглядит, как печальная аллегория: в 1967 году первый космонавт планеты Юрий Гагарин в Военно-воздушной академии защищал дипломный проект по многоразовым космическим кораблям. Все в архивах...

Этими примерами вовсе не хочу подчеркнуть набившую оскомину мысль о повсеместных отечественных приоритетах. (Помните анекдот о создателе первого рентгеновского аппарата Иване Грозном: «Я тебя, шельму, насквозь вижу»?) Считаю, кто первым сделал — только тому и срывать аплодисменты. Кстати, и для американцев характерно: идея «Шаттлов», впоследствии, естественно, трансформировавшаяся, вывезена из послевоенной Европы. Симбиоз баллистической ракеты «Фау-2» знаменитого В. фон Брауна и «антиподного» бомбардировщика Э. Зенгера и И. Бредта, который после выведения на большие высоты должен был передвигаться рикошетами от плотных слоев атмосферы. Оба проекта оказались в руках союзников. Кто-то находит, кто-то теряет — сколько раз уже было...

Невеселые эти обстоятельства, конечно, ни в малой степени не умаляют достижений советских ученых и конструкторов, создавших многоразовый орбитальный корабль «Буран». Не их вина, что дело долго тормозилось. Их заслуга, что сумели все-таки пробить идею и претворить ее в металл. Стоит ли скрывать, что переубеждению закостенелых руко-

15 НОЯБРЯ 1988 ГОДА ОРБИТАЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ «БУРАН», ВЫВЕДЕННЫЙ В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО УНИВЕРСАЛЬНОЙ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМОЙ «ЭНЕРГИЯ», ВЫПОЛНИЛ ДВУХВИТКОВЫЙ ПОЛЕТ ПО ОРБИТЕ ВОКРУГ ЗЕМЛИ И ПРИЗЕМЛИЛСЯ НА ПОСАДОЧНУЮ ПОЛОСУ КОСМОДРОМА «БАЙКОНУР». ВПЕРВЫЕ В МИРЕ ПОСАДКА ОСУЩЕСТВЛЕНА В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ.

водителей, отвечавших в 70-х годах за космонавтику, помогло то обстоятельство, что «Шаттлы» предназначались и для военных целей. Это вам не отставание в сельском хозяйстве, в легкой промышленности, когда все развалишь, но сам всегда и сыт, и одет будешь...

Понятен в связи с этим интерес, с которым миллионы американцев следили за первым стартом «Бурана». Комментарии полету советского «челнока» посвятили ведущие обозреватели крупнейших телекомпаний Си-би-эс Д. Разер, Эй-би-си П. Дженнингс. «Создание «Бурана»,— высказался видный специалист в области многоразовой космической техники Дж. Оберт,— серьезное достижение советских ученых, своего рода прыжок вперед. Особенно впечатляет посадка корабля на аэродром, осуществленная в беспилотном варианте с помощью радиокоманд. Это наиболее сложная часть полета, и она была произведена поразительно точно, безупречно». Что значит для нас такая оценка? Приятно — да, но этого мало. Выскажу предположение, и не хотелось бы, чтобы оно оказалось чересчур оптимистичным, что теперь переговоры о дальнейшем сокращении вооружений должны пойти легче. Паритет помогает найти общий язык. Хотелось бы верить и в то, что уникальные технологии и решения, найденные при создании «Бурана» и «Энергии», пойдут в народное хозяйство. Космонавтика может приносить колоссальные косвенные прибыли. В США каждый доллар, вложенный в программу «Аполлон», обернулся тремя — невиданный эффект! Наши неразворотливые ведомства, к сожалению, не пара западным фирмам, они не имеют обыкновения добиваться максимальной выгоды. Хотя некоторые обнадеживающие сдвиги в последнее время все же наблюдаются. Уже используется в промышленности, например, клей, которым крепилась термостойкая обшивка к борту «Бурана». Таких применений, если искать, можно найти тысячи.

После длительного прозябания на информационных задворках в этом году космическая тема в наших газетах вновь пошла нарасхват. Правда, первый случай — осечка во время посадки советско-афганского экипажа — был малоприятен, но тешил осознание собственной невиновности в повсеместной халатности. Коли до космоса докатилось, то какой, дескать, с меня спрос? Нет, до космоса, к счастью, не докатилось. Полет «Бурана», прошедший секунда в секунду, миллиметр в миллиметр,— тому подтверждение. В этот успех еще, кажется, не поверили. Не поверили, что после длительного периода пробуксовки, когда достоинства иных космических систем были понятны лишь их создателям, конструкторам удалось построить глубоко оригинальную машину (хотя, конечно, и не без недостатков). Сужу об этом недоверии по вопросу, который задают буквально каждому, кто бывал на Байконуре, видел «Энергию» и «Буран». Вопрос каверзный, подозрительный: «Почему это наши «Шаттл» американский передрали? Так похожи — не отличишь». Приходилось объяснять, что это лишь видимость сходства. Кто-то для иллюстрации разъяснений даже шутку, может быть, не слишком тонкую, придумал: «Китайцы нам тоже на одно лицо кажутся, а разные». Если же всерьез, то внешние контуры космического самолета диктуются аэродинамикой, условиями полета в атмосфере — здесь нет простора инженерной фантазии.

За исключением очертаний космических самолетов, советская система «Буран» — «Энергия» и американская система «Спейс Шаттл» построены на совершенно разных принципах. Прежде всего, «Спейс Шаттл» — это единый блок, ни на что другое, кроме подъема космического «челнока», он не годится. Универсальная ракетно-космическая система «Энергия» может выводить в космос не только «Буран», но и другие крупные объекты самого различного назначения. Обратите внимание: все наши двигатели — на жидком топливе: у американцев первая ступень («боковушки», которые взорвались на «Челленджере») — твердотопливные. При старте у нас поочередно работают первая и вторая ступени, только на высоте 160 километров включаются маршевые двигатели «Бурана»; у американцев — все с первой же секунды полыхает сразу. Даже такая мелочь, которая на самом деле совсем не мелочь — на стартовую позицию мы везем «челнок» в горизонтальном положении; американцы — в вертикальном. Наконец, наш «Буран» умеет летать в беспилотном варианте, даже посадку, вечный камень преткновения у авиаторов, по командам ЭВМ совершает; американцы при управлении без участия пилота обойтись не могут. Признаться, последнее обстоятельство наиболее удивительно. Не помню другого случая, чтобы наши ЭВМ оказались «умнее» американских. Было еще отличие, о котором упомянул создатель «Бурана» Ю. Семенов: один корабль летал, другой — нет. Но отличие оказалось временным, теперь оно позади.

Все-таки гласность добралась и до космонавтики. На заре космической эры нам сообщали единственную фамилию — того летчика, который занял место в кабине космического аппарата. Даже фамилия Королева была до самой его смерти строго засекречена. Ныне же поименно можно назвать многих, кто руководил работой над созданием космического самолета (сотрудничество вели сотни коллективов). Генеральный конструктор академик В. Глушко, председатель Государственной комиссии В. Догужиев, главный конструктор орбитального корабля «Буран», член-корреспондент АН СССР Ю. Семенов, главный конструктор универсальной ракетно-космической транспортной системы Б. Губанов, главный конструктор наземного комплекса академик В. Бармин, главный специалист Министерства обороны СССР по многоразовым системам генерал-полковник А. Максимов, начальник испытательного управления космодрома В. Гудилин. Даже летчики, которым предстоит летать на космическом самолете, названы: И. Волк, Р. Станкявичюс, У. Султанов, М. Толбоев.

Гласность помогла нам больше узнать о космонавтике. Существует обратная связь. Космонавтика может помочь перестройке. Имею в виду не только производственные, научные и технические приобретения. Не менее важны приобретения духовные. Перестройка, это понимают все ее сторонники, остро нуждается в зримых, осязаемых успехах.

Полет «Бурана» — именно тот успех, которого мы ждали. И хочется верить: это первая ласточка.

«...ЕСТЬ ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ПЕРЕМЕНЫ В НАШЕМ ХЛОПКОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ. СОБРАН ХОРОШИЙ УРОЖАЙ, ПРИЧЕМ БЕЗ ПРИМЕНЕНИЯ БУТИФОСА... В ОСНОВНОМ СИЛАМИ МАШИН. ЭТИМ ГОРДЯТСЯ НАШИ ХЛОПКОРОБЫ. ОДНАКО ИХ ОСКОРБИЛ ЖУРНАЛ «ОГОНЕК», НАЗВАВ ХЛОПКОРОБА «ХЛОПКОРАБОМ». ХЛОПКОРОБЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ РАБАМИ И ИМИ НЕ БУДУТ. А «ОГОНЬКУ» НАДО БЫ ГОРЕТЬ ЯРКИМ ПЛАМЕНЕМ И СОГРЕВАТЬ ЛЮДЕЙ СВОИМ ТЕПЛОМ, ПОБУЖДАЯ ИХ К ТРУДОВЫМ ПОДВИГАМ ВО ИМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ, А НЕ ДЫМИТЬ И НЕ ОТРАВЛЯТЬ ЛЮДЕЙ ЯДОВИТЫМ ДЫМОМ. (Аплодисменты)...»

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕПУТАТА Р. Н. НИШАНОВА НА ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. 29.11.88. МОСКВА. КРЕМЛЬ.)

ДО и ПОСЛЕ АПЛОДИСМЕНТОВ

3 и 16 ноября «Огонек» был дважды атакован «Правдой Востока». В органе ЦК КП Узбекистана появились две схожие заметки. Первая называется «Гласность — во зло?», подзаголовок: «Слухи о применении бутифоса разоблачены». Вторая — «Над чем глумитесь?», подзаголовок: «О заметке «Хлопкораб» в журнале «Огонек»». Обе подписаны «Ю. Кружилин, корр. УзТАГ».

Автор заметок громит статьи Александра Минкина, опубликованные в «Огоньке» («Зараза убийственная» — № 13, «Последствия заразы» — № 33, «Хлопкораб» — № 43) и в узбекской «Литературной газете» («Хлопок в фартуках детей»).

Смысл заметок Кружилина ясен из заголовков: все, что в статьях есть о дефолиации, бутифосе и труде детей на уборке хлопка,— ложь, клевета, глумление. Еще одна корреспонденция Кружилина называется «О духовных пестицидах». В ней сказано, что корреспондент «Огонька» — специалист по «фабрикации духовных пестицидов, отравляющих не тела, а души», что «А. Минкин и редакция запустили слух, отравленный пестицидом».

Спорить с Ю. Кружилиным невозможно. Тон его неприличен, выражения оскорбительны. Но своим читателям мы обязаны доказать, что не вводили их в заблуждение.

Обратимся к содержанию упомянутых заметок Кружилина. Он пишет: *«...бутифос изъят еще перед началом дефолиации-87, многомиллионный читатель «Огонька» дезинформирован... С москвичом А. Минкиным мы связались по телефону. Идея проверки его статьи с помощью химических анализов энтузиазма не вызвала... Так лопнула сплетня... Демагоги, пытавшиеся использовать гласность во зло, разоблачили сами себя». (Ю. Кружилин. «Правда Востока». 3.11.88). «...Пора гражданина назвать. Это Александр Минкин. Мы уже изобличали его ложь о применении в Узбекистане бутифоса. Писали, как он увильнул от проверки своих статей с помощью химического анализа...» (Ю. Кружилин. «Правда Востока». 16.11.88).*

А вот что пишут узбекские и центральные газеты.

...«Препарат опасен для здоровья!» — такой вердикт вынес главный государственный санитарный врач СССР, своим приказом № 1/87 (от 4 марта 1987 г.) *запретивший* производство и применение бутифоса для дефолиации хлопчатника... Но прочитаем телеграмму, которая 10 августа нынешнего (1988!) года ушла в хлопкосеющие республики. «В связи с большим недостатком дефолиантов хлопчатника считаем возможным использовать в порядке исключения... остатки бутифоса...» Подписал столь удивительную телеграмму председатель «Союзсельхозхимии» А. Гуленко.— Да, подпись моя,— подтвердил Гуленко.— Но мы считаем, что дали не разрешение, а рекомендацию. Во-первых, в этом году образовался дефицит хлората магния, заменившего бутифос. Во-вторых, как нам быть с неиспользованными остатками бутифоса? Их хранится сегодня семь тысяч тонн...»

(«Просит защиты хлопковое поле». «Известия». 13.10.88).

Следует заметить, что все дефолианты ядовиты. И замена не снимает опасности отравления.

«...хлорат магния относится к малотоксичным химическим соединениям, среднесмертельная доза препарата для теплокровных животных составляет 620 мг/кг. При длительном поступлении хлорат магния имеет способность накапливаться в организме... должна быть временно приостановлена подача воды в арыки, каналы... В период химобработки запрещается использование воды из арыков... хлорат магния тоже ядохимикат, правда, малотоксичный, но способный вызвать серьезное отравление... замена бутифоса хлоратом магния вызвала в хозяйствах необоснованную успокоенность».

(«Советская Бухара». 23.09.88.)

А вот чем могут обернуться «рекомендации».

«Приказ № 230 по совхозу-техникуму «Пахтаарал» от 3.09.88. ...В связи с производственной необходимостью приказываю: Проводя дефолиацию хлопчатника бутифосом, строго соблюдать защитные зоны... защитные зоны обрабатывать только хлоратом магния... отд. Октябрьской революции — бутифосом... отд. 1 мая — бутифосом... отд. XXII партсъезда — бутифосом... отд. Ильича — бутифосом... отд. Коминтерн — бутифосом... отд. Дзержинского — бутифосом... отд. 40 лет (чего? — Ред.) — бутифосом... отд. Правда — бутифосом...»

Где правило? Где исключение? Что осталось от запрета?

В сентябре «Правда Востока» писала:

«...попытки использовать этот препарат (бутифос.— Ред.), запрещенный главным санврачом СССР,.. были у руководителей отдельных хозяйств Самаркандской, Сырдарьинской, Ташкентской областей, а также у некоторых работников Госагропрома республики... Еще серьезнее в Кашкадарьинской области, где превысили положенную дозу хлората магния. Хлопок, отправленный отсюда на Алма-Атинский хлопчатобумажный комбинат, вызвал у его рабочих (а у сборщиков? — Ред.) заболевания глаз и кожи... опрыскиватели моют в арыках... из этих арыков население пьет воду. По берегам пасется скот... яд попадает в мясо животных... Исследования НИИ санитарии, гигиены и профзаболеваний Узминздрава показали: в районах с интенсивным применением пестицидов у четверти детей имеются функциональные отклонения...» Все это сообщил в интервью «Дефолиация глазами врача» ответственный работник Минздрава Узбекистана. («Правда Востока». 9.09.88.)

А кто автор интервью? Ю. Кружилин. Да-да, тот самый.

Имеющий уши — да слышит. Имеющий очи...

Кружилин видит, как заботятся о маленьких сборщиках хлопка: *«Варят и щи, борщ, картошку — но не часто, раз-два в неделю. Не высший сорт, но не хуже, чем в любом детдоме... Здесь их одевают — они на полном гособеспечении. Здесь они и спят...» — перечисляет Кружилин формы заботы о детях. И тут же пишет: «...ныне изданы распоряжения Совмина, приказ министра народного образования республики: труд детей на хлопке впервые официально запрещен.* (Выделено нами.— Ред.) *Бюро ЦК КП Узбекистана поручило журналистам оглашать факты, добиваясь наказания виновных».*

Итак, труд детей запрещен. Добился ли корреспондент УзТАГ наказания виновных? Нет, он требует наказать «Огонек» за материалы о детях-сборщиках. Но почему бы Кружилину не потребовать наказания автора вот этого материала? «...В Узбекистанском районе Ферганской области хлопок собирали ученики 22-й школы, в 16-й школе... ученики 5—10-х классов...1-й, 23-й, 29-й школ... (следует длинный список областей, районов, школ.— Ред.)... троим ребятам пришлось оказывать врачебную помощь... когда им уроки готовить? когда отдыхать?.. кто пытался обмануть корреспондента, установившего факт работы детей на полях? Кто требовал, чтобы дети лгали журналисту?.. Много собрали, но еще больше потеряли: в культуре и здоровье целых поколений... не должно быть поблажек тем, кому сегодняшний рапорт дороже будущего народа Узбекистана и всей Советской страны. Вернуть детей за парты — наш общий долг».

(«Дети на хлопке», «Знамя дружбы», 22.10.88.) Автор — Ю. Кружилин. Да-да, тот самый.

Впрочем, год назад в журнале «Журналист» тот же Ю. Кружилин сообщил о своих склонностях, по привычке говоря о себе во множественном числе:

«Мы, которые учим других, должны еще сами научиться работать в условиях демократии. Пока — не особенно умеем. Шарахаемся от безудержных восторгов к бесчисленным «острым сигналам», с яростью разоблачаем это и то. Когда надо действовать, ждем команды, а если ее нет, почтительно испрашиваем таковую. То бываем невыносимо развязны, то попадаем впросак...» И враг не составил бы Кружилину такую убийственную и точную характеристику.

«Огонек» ни разу не называл хлопкоробов рабами. Мы писали о детях, о тяжком труде детей, которым недавно озаботилась и «Правда» в статье о Туркмении «Хлопковый молох» (24.11.88) и о котором иначе не скажешь, как о хлопковом рабстве, в которое дети попадают каждую осень. Вот что об этом пишут газеты:

«...В котле плавали кусочки теста, морковь. Вот такая «шурпа» ожидала сборщиков... Трудно сказать, кого — детей или взрослых — было больше на поле... стайки детей самого разного возраста — от младшеклассников до десятиклассников... Ставка в колхозе делалась не на машины, а на ручной сбор. И основной рабочей силой выступали женщины и дети... Весь урожай убирается вручную. В поле вместе с семью взрослыми людьми шесть детей, соответственно десяти, девяти, шести, четырех и трех лет. Самые маленькие босиком собирают хлопок... Как говорится, с пеленок — и на работу».

(«Советская Бухара», 23.09.88. и 14.10.88.)

«...Мне показали стопку телеграмм из Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и других областей. Оказывается, там в некоторых хозяйствах школьники до сих пор (середина ноября.— Ред.) собирают хлопок... на некоторых хлопковых полях дети и сегодня проводят недели, а то и месяцы...»

(Эркин Вахидов, народный поэт Узбекистана. «Комсомольская правда», 13.11.88.)

Изобличив нашего корреспондента в лжи, трусости, в бессердечном глумлении над «открытыми ранами», Кружилин наносит последний удар — шьет политическое обвинение:

«...Вот ради этого — внушить, что у нас нет перестройки,— орудуют Минкин и его местные спонсоры. За ними стоят те, кому перемены в республике — нож острый... Пусть в данном случае не говорят нам о плюрализме и гласности. Не надо марать эти понятия. Гласность — для людей, ведущих честный спор в интересах дела. Страна вместе с нами (очевидно, кроме отравившихся сборщиков.— Ред.) радуется честному хлопку Узбекистана... строки в «Огоньке» не зачеркнут сделанного, не собьют с дороги. Будем трудиться... Будем учить детей наукам... Ни мы, ни дети наши никогда не будут рабами. Статья «Хлопок в фартуках детей» и ее обрезок «Хлопкораб» — это плевки в лицо...» И так далее, и тому подобное.

(«Над чем глумитесь?», «Правда Востока», 16.11.88.)

Заметьте, как начинает создаваться образ врага: вот уже появились загадочные «спонсоры». Это явный прогресс. Прежде в своих публикациях Кружилин прибегал к более привычной терминологии. Так, узбекских писателей он называет разнообразнее: «истерики», «крикуны», «сантехники человеческих душ», «заезжие снобы», «заезжие демагоги», «кучка болтунов, которые ищут дешевой популярности»...

Загадка не в том, как сочиняются пасквили. Смущает не брань в адрес «Огонька» и узбекской интеллигенции. Загадка даже не в том, как такие сочинения попадают в печать. В пылу полемики, в спешке, случается, печатают недостаточно продуманные материалы.

Загадка в другом. В том, что подобные брань и клевету перепечатывают практически все узбекские газеты. На русском и узбекском языках. Одновременно. Порой перечеркивая тем самым свои прежние публикации, теряя доверие читателей.

Вот эта загадка и побудила А. Минкина в свое время написать в статье «Хлопок в фартуках детей» об удивительном свойстве кружилинских корреспонденций — появляться сразу во всех газетах, как будто это правительственные постановления.

Теперь в досье «Огонька» есть разгадка.

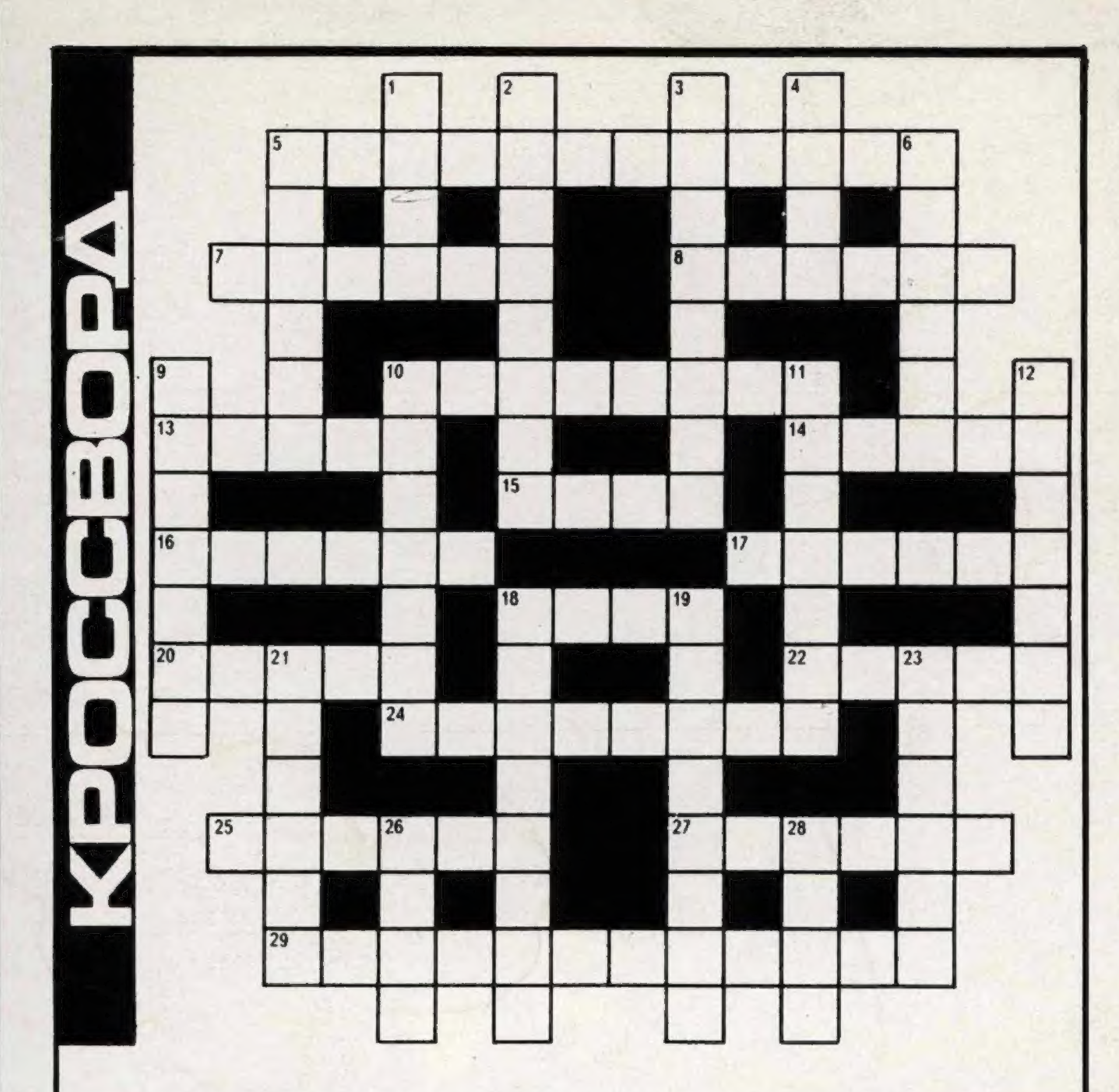
ТЕЛЕТАЙПОГРАММА УзТАГ:

«К СВЕДЕНИЮ РЕДАКЦИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ГАЗЕТ: ПО УКАЗАНИЮ ДИРЕКТИВНЫХ ОРГАНОВ ВАМ НАДЛЕЖИТ ПЕРЕПЕЧАТАТЬ В ТЕКУЩИХ НОМЕРАХ МАТЕРИАЛ «ГЛАСНОСТЬ— ВО ЗЛО?» («ПРАВДА ВОСТОКА» ОТ 3 НОЯБРЯ).

Что же это за безымянные «директивные органы»? — спрашиваем мы.

...Кто ваши вдохновители? — спрашивает нас Кружилин. Что ж, можно ответить. Мы получили многие сотни писем от людей, озабоченных тем, как исправить ситуацию, дать стране хлопок, не жертвуя ничьим здоровьем.

Может быть, займемся общим делом. Оно ведь не то, что зарабатывать благодарность в личном деле за усердие вопреки правде. Нам очень дорог Узбекистан, здоровье и благополучие его народа. Думаем, не меньше, чем тем, кто, не выбирая выражений, поносит «Огонек» за выступления в защиту узбекских детей.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Пьеса И. С. Тургенева. 7. Строение земной поверхности. 8. Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки». 10. Эстонский композитор и хоровой дирижер, Герой Социалистического Труда. 13. Алгебраическое выражение. 14. Сорт яблок. 15. Спутник Сатурна. 16. Горная антилопа. 17. Кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 18. Мельчайшая частица химического элемента. 20. Интеллект, рассудок. 22. Животное семейства жираф, обитающее в Африке. 24. Народный писатель Киргизии, Герой Социалистического Труда. 25. Малая планета. 27. Двойной лист бумаги, соединяющий переплет с книгой. 29. Грузинская актриса, Герой Социалистического Труда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Роман Л. М. Леонова. 2. Музыкальное произведение для оркестра. 3. Единица мощности электрического тока. 4. Эстонский советский писатель, сатирик. 5. Город в Болгарии. 6. Небольшой напевно-декламационный номер в опере. 9. Курорт в Таджикистане. 10. Символическое изображение определенной идеи. 11. Один из руководителей партизанского движения в Великой Отечественной войне, Герой Советского Союза. 12. Первый чемпион мира по шахматам. 18. Документ об окончании учебного заведения. 19. Употребление слова или выражения в переносном значении. 21. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 23. Дипломатический ранг. 26. Совокупность привычек и вкусов в определенное время. 28. Природное минеральное образование.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Опекушин. 7. «Арестант». 10. Лиственница. 11. Маро. 12. Крот. 13. Базилик. 15. Доломит. 16. Чудаков. 17. Репертуар. 22. Королев. 24. Полоний. 25. Реполов. 26. Гало. 27. Игра. 28. Демонстрант. 29. Ботаника. 30. Соратник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оператор. 2. Листрат. 3. Гринвич. 4. Андронов. 6. «Колокол». 8. Трактат. 9. Семикаракорск. 13. Билетер. 14. Кубасов. 18. Иогансон. 19. Колодка. 20. Комитет. 21. Фибролит. 23. «Верочка». 24. Поярков.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Стол заставлен разноцветьем игрушек — и, глядя на них, переселяешься в волшебный, сказочный мир, в котором повстречались бы Клеопатра, гордо восседающая на троне, дамы средневековья в пышных нарядах, Волк и Красная Шапочка, Емеля со своей гармошкой на печи, Репка, которую тянет дружная семейка, тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор... Да разве можно всех перечислить, ведь игрушек и сказочных композиций инженера-конструктора курского завода «Счетмаш» Анатолия Петровича Неврова более тысячи, и ни одна не повторяет другую. Они выточены из разных пород дерева на дедовском токарном самодельном станке. Дед был человеком практичным и не для забавы создал станок: точил детали для кроватей и стульев, рамы для зеркал. Полюбилось дедовское дело и внуку. Но Анатолий стал токарем по металлу, затем институт, стал конструктором, женился, пошли дети, понадобились игрушки, и вспомнился станок деда, подновил его, усовершенствовал и взялся за дело. С тех пор прошло четверть века, а увлечение не проходит, захватывает все более...

Михаил САВИН, фото автора

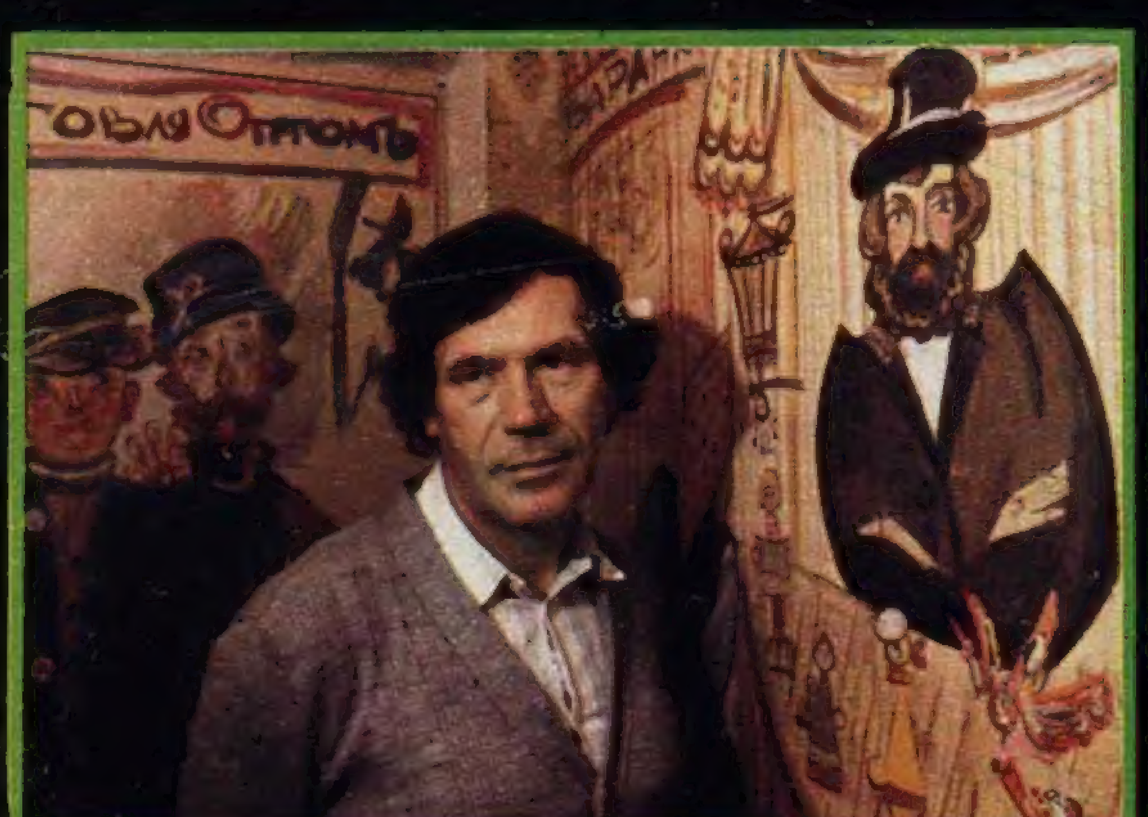

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

